

Эллен Вуд

Ист-Линн

Annotation

Эллен Вуд — английская писательница, родоначальница «сериального детектива». Огромный успех принес ей роман «Ист-Линн», который был переведен на все основные языки мира и неоднократно экранизировался.

Мистер Карлайль покупает поместье Ист-Линн у пожилого лорда, который в скором времени умирает, ничего не оставив своей дочери. Очарованный красотой и добротой Изабеллы, Карлайль делает ей предложение руки и сердца. Но над семейной идиллией нависает туча: Карлайля втягивают в расследование запутанного убийства.

- [Эллен Вуд](#)
  - [Часть I](#)
    - [Глава I](#)
    - [Глава II](#)
    - [Глава III](#)
    - [Глава IV](#)
    - [Глава V](#)
    - [Глава VI](#)
    - [Глава VII](#)
    - [Глава VIII](#)
    - [Глава IX](#)
    - [Глава X](#)
    - [Глава XI](#)
    - [Глава XV](#)
    - [Глава XIII](#)
    - [Глава XIV](#)
    - [Глава XV](#)
    - [Глава XVI](#)
    - [Глава XVII](#)
  - [Часть II](#)
    - [Глава I](#)
    - [Глава II](#)
    - [Глава III](#)
    - [Глава IV](#)
    - [Глава V](#)
    - [Глава VI](#)

- [Глава VII](#)
  - [Глава VIII](#)
  - [Глава IX](#)
  - [Глава X](#)
  - [Глава XI](#)
  - [Глава XII](#)
  - [Глава XIII](#)
  - [Глава XIV](#)
  - [Часть III](#)
    - [Глава I](#)
    - [Глава II](#)
    - [Глава III](#)
    - [Глава IV](#)
    - [Глава V](#)
    - [Глава VI](#)
    - [Глава VII](#)
    - [Глава VIII](#)
    - [Глава IX](#)
    - [Глава X](#)
    - [Глава XI](#)
    - [Глава XII](#)
    - [Глава XIII](#)
    - [Глава XIV](#)
    - [Глава XV](#)
    - [Глава XVI](#)
    - [Глава XVII](#)
    - [Глава XVIII](#)
    - [Глава XIX](#)
    - [Глава XX](#)
    - [Глава XXI](#)
    - [Глава XXII](#)
-

Эллен Вуд
Ист-Линн

Часть I

Глава I

Леди Изабелла

В красивой просторной библиотеке своего городского дома, в мягком кресле, сидел граф Уильям Моунт-Сиверн, стараясь забыть о мучившей его подагре. Волосы его поседели, лоб покрылся преждевременными морщинами, а лицо, когда-то чрезвычайно привлекательное, было бледно. Одна из его ног, хорошо закутанная, лежала на мягкой бархатной подушке. Глядя на изможденную фигуру этого человека, можно было безошибочно сказать, что он состарился раньше времени, — и действительно, ему едва минуло сорок девять лет, а между тем он казался пожилым человеком. Не являясь по роду своей деятельности ни знаменитым политиком, ни великим полководцем, ни известным государственным мужем, ни даже членом верхней палаты, граф Моунт-Сиверн в свое время слыл выдающейся личностью. Он прославился неутомимым мотовством и неистовой страстью к карточной игре. При этом говорили, что, в сущности, этот человек наделен самой доброй душой.

До двадцати пяти лет он отличался самым примерным поведением и с утра до вечера сидел над книгами. Трудлюбие и усидчивость Уильяма Вэна вошли в поговорку в кругу его товарищей адвокатов; они безуспешно старались пробудить в нем лень и любовь к удовольствиям и в шутку прозвали его непреклонным судьей. Молодой Вэн был честолюбив и хорошо понимал, что успех в свете зависит от его собственных способностей и старания. Он происходил из знатной, но бедной семьи, представителем которой также являлся старый граф Моунт-Сиверн. Юноше никогда и в голову не приходило, что со временем он может унаследовать графский титул и извлечь из него какое-либо преимущество, потому как три жизни стояли между ним и этим титулом. Но вот они стали угасать одна за другой: старший из наследников умер от апоплексического удара, второй — от лихорадки в Африке, а третий утонул, плавая на лодке в Оксфорде.

Так молодой Уильям Вэн, студент, стал графом Моунт-Сиверном и законным обладателем шестидесяти тысяч фунтов стерлингов ежегодного дохода. Поначалу он не знал, что делать с такими деньгами, и думал, что шестьдесят тысяч невозможно истратить за год. Постепенно он превращался в важную особу. Кроме недавно приобретенного состояния и титула он имел чрезвычайно приятную внешность и очаровательные

манеры. К несчастью, благоразумная сдержанность, которой отличался Уильям Вэн, бедный студент школы правоведения, навсегда покинула наследника громкого титула. Все рассудительные люди начали поговаривать, что он обанкротится. Как бы то ни было, пэр, имеющий шестьдесят тысяч годового дохода, разоряется не за один день.

Читателю уже известно, что граф сидит в своей библиотеке, что ему сорок с лишним лет и что он еще не совсем разорился. Что его заботит? Конечно, сложные денежные обстоятельства — долги, опутавшие его, разбившие его надежды, отравившие его существование. Многим было известно о его положении, но никто, кроме него самого, не знал о той мучительной боли, которую он носил в своем сердце день и ночь.

Было время, когда благодаря экономии и рассудительности он еще мог бы все поправить, но граф уже лишился прежнего самообладания и боялся смотреть в будущее; он отгонял от себя все заботы и увеличивал и без того огромный список долгов. Разорение приближалось семимильными шагами. Такие печальные мысли волновали графа в ту минуту, когда он молча смотрел на груды зловещих бумаг, разбросанных по столу.

Затем он задумался о своей прошлой жизни. Женился он по любви; графиня терпеливо сносила его недостатки, никогда не жаловалась на его беспечную светскую жизнь и была прекрасной матерью для их единственной дочери. Графиня умерла, когда ребенку минуло двенадцать лет, а граф до сих пор не переставал сокрушаться о том, что у него не было сына, — быть может, он нашел бы тогда средство выпутаться из затруднительных обстоятельств.

— Милорд, — прервал его размышления появившийся в эту минуту слуга, — вас желает видеть какой-то господин. Вот карточка, милорд.

— Мистер Карлайль из Вест-Линна! — простонал граф и почувствовал сильную боль в ноге. — Что ему нужно? Попросите его войти.

Слуга удалился и почти тотчас вернулся в сопровождении мистера Карлайля — темноволосого мужчины лет двадцати семи, статного и очень высокого. На бледном, с правильными чертами лице молодого человека особенно выделялись темно-серые глаза с длинными густыми ресницами. Несмотря на то что отец его был простым адвокатом, он сумел дать сыну хорошее образование. Окончив курс в Регби, молодой Карлайль перешел в Оксфорд. Итак, он без стеснения, с уверенностью человека, приехавшего по делу, подошел к графу.

— Очень рад, — поприветствовал граф гостя и любезно протянул ему руку. — Как видите, по милости моего злейшего врага — подагры — я не

могу встать, не испытав страшной боли... Прошу вас, присаживайтесь. Вы давно в Лондоне?

— Я только что приехал из Вест-Линна с единственным намерением — встретиться с вами.

— Чем могу быть полезен? — осведомился граф с некоторым беспокойством, так как у него мгновенно мелькнуло подозрение, что Карлайль подослан кем-нибудь из его многочисленных кредиторов.

Придвинув стул поближе к графу, молодой человек сказал:

— Я слышал, что замок Ист-Линн продается.

— Позвольте, сэръ! — воскликнул граф. — Давайте поговорим откровенно. Зачем вы пришли?

— Я вас не понимаю, — произнес Карлайль.

— Прошу извинить меня, но не явились ли вы сюда по наущению моих кредиторов? Не думаете ли выведать, как обстоят мои дела?

— Это было бы бесчестным поступком с моей стороны, милорд, — правда, многие юристы имеют своеобразные представления о чести, — тем не менее ваши подозрения для меня оскорбительны, так как я к этим козням не имею никакого отношения. Я никогда не совершал таких низких поступков и, надеюсь, не сделаю ничего подобного в будущем.

— Прошу прощения, мистер Карлайль. Если бы вы знали, к каким хитростям прибегают мои враги, какие сети они мне расставляют, то не удивились бы тому, что я стал подозрительным. Итак, к делу.

— Ваш управляющий по секрету сообщил мне, что Ист-Линн продается. Если это правда, то я хотел бы его купить.

— Для кого? — поинтересовался граф.

— Для себя.

— Вы шутите? — воскликнул Моунт-Сиверн. — Для себя? То есть вы хотите сказать, что адвокатские дела приносят прибыль?

— Вы совершенно правы, — сказал мистер Карлайль, — у меня много богатых клиентов в провинции. Отмечу и то, что я унаследовал два довольно значительных состояния — одно от моего отца, другое от дяди.

— О да, мне это известно.

— Я давно хотел приобрести какое-нибудь имение и остановил свой выбор на Ист-Линне.

— Мистер Карлайль, — произнес лорд Моунт-Сиверн после долгого раздумья, — мои дела очень плохи, и мне необходимо достать где-нибудь денег. Ист-Линн в настоящее время заложен, и притом за меньшие деньги, чем он стоит в действительности. Продав Ист-Линн, я, разумеется, рассчитываю выручить несколько тысяч, чтобы поправить свои

обстоятельства. Я готов уступить вам это имение за разумную цену, но прошу вас, эта сделка должна оставаться в секрете. Кредиторы могут облепить меня со всех сторон... Вы понимаете?

— Конечно, — ответил мистер Карлайль. — Мне остается только спросить, за какую сумму вы желаете продать это имение?

— Мои поверенные, Варбертон и Вэр, расскажут вам обо всех деталях, но я хотел бы получить за Ист-Линн не меньше семидесяти тысяч фунтов.

— Семьдесят тысяч фунтов! Это слишком много! — возразил молодой покупатель.

— Я отдаю вам его за бесценок, — стоял на своем граф.

— Я думал, что Ист-Линн закреплен за вашей дочерью, — прямодушно заметил Карлайль.

— За ней ничего не закреплено. А всему виной эти необдуманные браки. Я полюбил дочь генерала Конуэя, но генерал рассчитывал на более выгодную партию для своей дочери и отказал мне. Тогда я прибегнул к единственному возможному средству: я решил ее похитить. Мы тайно отправились в соседний городок, и там Мэри стала графиней Моунт-Сиверн. Конечно, ни о каком приданом не могло быть и речи. Это одно из самых тягостных воспоминаний в моей жизни: генерал, узнав о бегстве единственной дочери, скоропостижно умер.

— Это ужасно, — прошептал Карлайль.

— Да, к несчастью, это известие убило его. После этого печального происшествия моя бедная жена никогда уже больше не улыбалась. Она беспрестанно винила себя в смерти отца и сама умерла преждевременно...

В этот момент вошел слуга и доложил, что обед подан. Графа вкатили в кресле в столовую, за ним следовал Карлайль. Как раз в эту минуту он увидел девушку, входившую в дверь с противоположной стороны комнаты. Адвокат мысленно спросил себя, земное существо стоит перед ним или это ангел. Она была олицетворением легкости и грации и отличилась той изумительной красотой, которую мы часто встречаем в мечтах или произведениях живописца, но очень редко в действительности. Черные блестящие локоны ниспадали на ее шею. На ней было белое кружевное платье, жемчужные браслеты украшали ее нежные руки. Взглянув на эту девушку, Карлайль принял ее за видение из лучшего мира и замер на месте.

— Леди Изабелла, моя дочь, будьте знакомы, — сказал граф.

Сели за стол. Граф Моунт-Сиверн разместился во главе, а девушка и мистер Карлайль — друг напротив друга. Адвокат не считал себя особым ценителем женской красоты, но эта девушка привела его в восхищение. Его поразили не столько ее изящные черты лица, нежный румянец и

роскошные волосы, сколько кроткое выражение мягких черных глаз. Никогда женский взгляд не производил на него такого сильного впечатления.

— Я вижу, что ты уже приготовилась к балу, Изабелла, — заметил граф.

— Да, папа, я не хотела заставлять миссис Левисон ждать.

— Надеюсь, ты вернешься не очень поздно?

— Все зависит от мисс Вэн.

— О, теперь вошло в моду превращать ночь в день! Вот почему молодежь так быстро теряет свой цветущий вид.

Карлайль взглянул на румянец, пылавший на щеках молодой особы, и заметил, что они слишком свеж и ярк, чтобы скоро увянуть.

Когда обед закончился, вошла горничная. Она объявила, что карета подана.

— Веселись, мой ангел, — прошептал граф, когда дочь подошла поцеловать его. — Веселись, — повторил он, нежно прижимая ее к груди. — Пожалуйста, не забудь передать мисс Вэн, что я не желаю, чтобы она каждую ночь лишала тебя сна, который так необходим для здоровья. Мистер Карлайль, будьте добры, позвоните. Я не могу проводить дочь до кареты.

— Если вы позволите, граф, это сделаю я, — пробормотал Карлайль, немного сконфузившись.

Граф поблагодарил его, а девушка улыбнулась. Карлайль предложил ей руку, и они стали спускаться по широкой, ярко освещенной лестнице. Он помог леди Изабелле устроиться в карете, и она, протянув руку, искренне пожелала ему доброго вечера. Карета умчалась, и Карлайль вернулся к графу.

— Не правда ли, она хороша? — спросил лорд Моунт-Сиверн.

— Более чем хороша, — ответил Карлайль с жаром.

— Да, мне рассказывали, что на прошлой неделе она произвела фурор при дворе. Но важнее всего то, что она так же добра, как и прекрасна.

Граф говорил правду. Природа одарила Изабеллу не только красотой, но и нежной, возвышенной душой. Она нисколько не походила на высокомерных светских дам. Изабелла была робка и чувствительна, благородна и внимательна ко всем.

Глава II

Сломанный крестик

Карета леди Изабеллы остановилась перед домом миссис Левисон. Это была почтенная особа лет восьмидесяти, очень строгая в обращении. Когда девушка вошла в гостиную, хозяйка дома вела оживленную беседу со своим внуком — капитаном Фрэнсисом Левисоном, двоюродным братом мисс Вэн. Мало кто мог соревноваться с ним в умении казаться искренним и очаровательным; мало кто был так эгоистичен и пуст в глубине души. Он считался наследником старого и богатого сэра Питера Левисона, и потому общество прощало ему все недостатки.

— Леди Изабелла Вэн, — громко произнесла старушка, заметив гостью, — позвольте представить вас капитану Левисону.

Раскланявшись, Изабелла, еще не привыкшая к светским обычаям, смутилась и покраснела под восхищенным взглядом молодого гвардейца.

— Какой хорошенький у вас крестик, дитя мое! — воскликнула миссис Левисон, когда Изабелла подошла к ней проститься, перед тем как ехать с мисс Вэн на вечер. — Эти семь изумрудов, оправленные в золото, очень красивы.

— Да, — согласилась девушка, — этот крестик мне очень дорог — мама подарила мне его перед смертью. Хотите взглянуть? — прибавила она, снимая с себя драгоценность. — Я надеваю его только по очень важным случаям.

В тот вечер Изабелла в первый раз ехала на бал к герцогу. Неопытной девушке это казалось очень важным событием.

— Я только сейчас заметила, что на вас ничего нет, кроме этого крестика и жемчужных браслетов! — воскликнула мисс Вэн. — Почему вы не надели бриллианты?

— Я надела, но потом сняла, — пролепетала Изабелла, улыбаясь и краснея.

— Почему же?

— Я подумала, что все решат, будто я их надела для того, чтобы произвести впечатление.

— Понимаю, — с насмешкой заметила мисс Вэн, — вы желаете причислить себя к тем, кто презирает наряды. Могу уверить вас, леди Изабелла, что это самый утонченный способ произвести эффект.

Эта колкость несколько не оскорбила Изабеллу; она лишь подумала,

что леди Вэн пребывает в дурном расположении духа. И это действительно было так: девушку, очевидно, возмущало внимание, которое капитан Левисон оказывал ее гостье.

— Возьмите свой крестик, дитя мое, — сказала старушка, — он очень хорошенький и идет вам гораздо больше, чем все бриллианты мира. С вашей внешностью вы не нуждаетесь в украшениях, что бы там ни говорила мисс Вэн.

Фрэнсис Левисон взял крестик из рук своей бабушки, но он выскользнул у него из рук. Наклонившись, чтобы поднять его, капитан нечаянно наступил на него, и тот разломился пополам.

— Какое несчастье! — воскликнула миссис Левисон. — Как же это случилось?!

Изабелла стояла с поникшей головой; ей казалось, что ее сердце также разбито. Она взяла сломанный крестик, прижала его к губам, и невольные слезы полились из ее глаз.

— Ну, стоит ли расстраиваться из-за такой безделицы? — с нетерпением сказала мисс Вэн.

— Его можно починить, милая, — вмешалась миссис Левисон.

Глотая слезы, Изабелла добродушно обратилась к капитану:

— Не упрекайте себя, к тому же миссис Левисон говорит, что его можно починить. — С этими словами она снова надела цепочку.

— Как, неужели вы отправитесь на бал в этой тонкой золотой цепочке? — воскликнула мисс Вэн.

— Если мне что-нибудь скажут, я объясню, что мой крестик сломался, — возразила Изабелла.

Будучи не в силах сдержать гнев, мисс Вэн расхохоталась, а потом язвительно проговорила:

— Все подумают, что у дочери лорда Моунт-Сиверна распроданы даже бриллианты.

Изабелла улыбнулась.

— Послушай, Эмма, — заволновалась старушка, — если вы хотите ехать на бал, то пора отправляться.

Фрэнсис Левисон подал Изабелле руку. Таким образом, в тот вечер ее во второй раз провожал до кареты незнакомец. Мисс Вэн, оставшись без кавалера, последовала за ними.

— Прощайте, — сказала она холодно капитану, когда они спустились по лестнице.

— Я с вами не прощаюсь, потому как надеюсь попасть на бал.

— Как? Но вы ведь говорили, что собираетесь провести этот вечер с

друзьями?

— Да, но я передумал. До свидания, леди Изабелла.

Как только карета отъехала, мисс Вэн с досадой произнесла:

— Воображаю, как вы будете хороши с этой тоненькой цепочкой на шее!

— Что за беда! Сейчас меня больше всего занимает мысль о моем сломанном крестике. Мне кажется, это дурное предзнаменование.

— Дурное предзнаменование?

— Да, мама подарила мне этот крестик перед смертью. Она говорила, чтобы я берегла его, как талисман, и обращалась к нему в самые тяжелые минуты жизни, когда что-нибудь огорчит меня и я буду нуждаться в совете и утешении. И вот теперь он сломался...

— Опять слезы! — проворчала мисс Вэн. — Я не могу представить герцогине Дардфорд девушку с такими красными глазами. Если вы не перестанете плакать, я поеду на бал одна.

Изабелла вытерла слезы и постаралась успокоиться. Вскоре она вошла в огромный зал и почувствовала себя совсем иначе. Ослепительный блеск люстр, великолепное убранство — все восхищало ее неопытное сердце. Девушка с радостью предалась веселью, танцам, наслаждаясь общим оживлением и своим успехом.

— Что это с вами? — воскликнул один оксфордский студент. — Я думал, что вы перестали бывать на вечерах!

— И вы были правы! Я действительно терпеть не могу балов, — ответил тот, к кому студент обратился с этим вопросом.

— Почему же вы здесь?

— Подыскиваю себе невесту. Отец не дает мне ни шиллинга. Он поклялся, что больше не станет расплачиваться по моим долгам, пока я неостепенюсь. Он настаивает на том, чтобы я женился.

— В таком случае советую вам выбрать эту новую красавицу.

— Кто она?

— Леди Изабелла Вэн.

— Покорно благодарю за совет. Я также хотел бы иметь и богатого тестя, а мы с лордом Моунт-Сиверном слишком похожи.

— Вы очень многое теряете, потому что эта девушка поразительно красива. Ваш знакомый Фрэнсис Левисон уже ухаживает за ней и надеется одержать победу.

— Он вам не нравится?

— Да, я не выношу этого человека. Он мне противен. Поверьте, это самый бездушный человек на свете. А вот и он, легок на помине, —

произнес студент, слегка понизив голос. — С ним дочь лорда Моунт-Сиверна!

Действительно, это был Левисон. Он шел рядом с девушкой и, склонившись над ее ушком, может быть, уже в двадцатый раз извинялся за свою неловкость. Левисон говорил так вкрадчиво, что нежное сердце леди Изабеллы растрогалось.

— Берегитесь, леди Изабелла, — прошептал оксфордский студент. — Ваш любезный кавалер настолько же фальшив, насколько красноречив и нежен.

Глава III

Барбара Гэр

Вест-Линн некогда был значительным городом, особенно в глазах своих обитателей. Он имел право посылать двух депутатов в парламент и имел прекрасный крытый рынок. В нем располагалась большая зала, которая называлась «Залой ратуши». Там собирались городские власти и толковали о делах.

Не больше чем в миле от города находилось поместье Ист-Линн. С любого пригорка путешественник мог любоваться его зеленым парком, окруженным высокой стеной. Увитые зеленью ворота, находившиеся между двумя флигелями, велик замку.

Слева, в некотором отдалении от Ист-Линна, уединенно стоял кирпичный дом с флюгером на крыше. Перед ним расстилался луг, окруженный двумя рядами деревьев. Его пересекала небольшая песчаная дорожка, ведущая к железным воротам и далее к дому. По обеим сторонам широкого коридора располагались приемные кабинеты. Комната с левой стороны от входа служила общей гостиной, а соседняя с ней отворялась только в торжественных случаях. Это место, известное всем как «Роуди», принадлежало Ричарду Гэру — опытному судье.

У мистера и миссис Гэр было трое детей — сын и две дочери. Старшая Энн рано вышла замуж, а младшей, Барбаре, только исполнилось девятнадцать. Что касается сына, Ричарда, то... Нет, о нем мы расскажем чуть позже.

В начале мая, одним холодным вечером, в упомянутой гостиной сидела миссис Гэр — бледная, сильно исхудавшая женщина, закутанная шальями и обложенная подушками. Кресло ее было придвинуто к камину, хотя в нем не горел огонь. В той же комнате у окна сидела хорошенькая девушка — блондинка с утонченными чертами лица, голубыми глазами и ярким румянцем — и так небрежно листала книгу, что было件нятно: она увлечена чем-то другим.

— Я вся озябла, — простонала больная женщина, — мне бы хотелось, чтобы затопили камин. Барбара, дитя мое, — прибавила она умоляющим голосом, — неужели мне будет отказано в этой милости?

Миссис Гэр почти всегда говорила таким тоном. Несмотря на то что она была замужем почти целых двадцать четыре года, она никогда не осмеливалась отдать какое-либо приказание. Всегда кроткая и покорная,

любящая и нежная, она всем сердцем была предана своему суровому и высокомерному мужу и подчинялась ему беспрекословно; она также потворствовала капризам и причудам своих детей.

Трогательную просьбу миссис Гэр на этот раз немедленно исполнили. Служанка принесла дров, и через некоторое время бедная больная, вытянув ноги к каминной решетке, немного согрелась. Барбара оставила ее одну. Она сняла с вешалки шерстяную шаль, накинула ее на плечи и быстро выбежала в сад. Казалось, что-то сильно ее тревожило. Дойдя до ворот, выходящих на большую дорогу, она остановилась и стала прислушиваться. В этот тихий час Барбара чувствовала, что никто ей не мешает. Вокруг царила полнейшая тишина.

— Скоро ли он вернется? — прошептала она. — Как тяжела жизнь без него! Почему он так долго не возвращается? Корнелия сказала, что он уехал только на один день.

Слабый звук шагов, раздавшийся вдали, донесся до слуха Барбары; она спряталась за деревом. Вскоре шаги стали отчетливее; щеки девушки сразу вспыхнули и сердце забилось чаще. Да, это был он, тот, кого она любила. У нее мелькнула мысль пойти ему навстречу... Но нет, она не решилась. Истинная любовь всегда робка, а любовь Барбары Гэр была истинной и глубокой. Сердце Барбары замерло: он прошел мимо, не заметив ее за деревьями. И тут она невольно окликнула его:

— Арчибальд!

Мистер Карлайль — а это был он — быстро обернулся и, увидев Барбару, направился к ней.

— Как, это вы? Уж не караулите ли вы воров и разбойников?

Вместо ответа Барбара приоткрыла ворота и пожала протянутую ей руку. Затем, подавив волнение, спросила:

— Вы давно вернулись?

— Только что, с восьмичасовым поездом, — ответил Карлайль. — И еще не был дома.

— В самом деле? Что же скажет Корнелия?

— Я заходил минут на пять в контору. Мне нужно повидаться с Бошаном, я иду к нему. Жаль, что не могу сейчас заглянуть к вам.

— У Бошана вы встретитесь с моим отцом.

— Разве мистер Гэр отправился туда?

— Да, и, вероятно, вернется домой не раньше одиннадцати или двенадцати часов...

Мистер Карлайль на минуту задумался.

— В таком случае я отложу свое посещение, так как хотел поговорить

с Бошаном один на один.

С этими словами Карлайль вошел в сад и предложил Барбаре свою руку.

— Отчего вы так внезапно уехали? — спросила она. — Даже не пришли к нам проститься.

— Да, мне пришлось поехать по очень важному делу...

— Корнелия говорила, что вас не будет только один день.

— Меня задержали в Лондоне. Я привез вам оттуда маленький подарок.

— Мне? — воскликнула Барбара, и щеки ее мгновенно залились румянцем.

— Впрочем, его еще надо отыскать, — пробормотал себе под нос молодой человек, — уж не потерял ли я... Ах, вот же он! — произнес он весело, вынимая из бокового кармана футляр.

Раскрыв его, он достал оттуда золотую цепочку с медальоном и надел ее на шею Барбары. Девушка замерла, сердце ее забилось сильнее прежнего. Они вошли в дом. Миссис Гэр все еще сидела перед камином.

— Мама, — воскликнула Барбара, показывая только что полученный подарок, — посмотри, что мне подарил Арчибальд!

— Какая изящная вещица! — заметила та. — Послушайте, Карлайль, вы совсем ее избалуете.

— О, пустяки! — с улыбкой сказал Карлайль. — Я купил ее из-за медальона. Я подумал, что в нем можно хранить волосы, которыми вы так дорожите, Барбара...

— Чьи волосы? — спросила мисс Гэр.

Карлайль огляделся вокруг, опасаясь, как бы кто-нибудь не услышал его, и затем прибавил чуть слышно:

— Волосы Ричарда.

Миссис Гэр, откинувшись на спинку кресла, закрыла лицо руками.

— Бедный, бедный мой сын! — прошептала она со стоном и дала волю слезам. — Несчастное дитя! Эта ужасная история убивает меня...

Карлайль от всего сердца пожалел несчастную женщину, но он был бессилен что-либо исправить. Желая положить конец этой тягостной сцене, Арчибальд стал прощаться. Барбара проводила его до двери.

— Ваша мать выглядит печальнее, чем когда-либо! — произнес Карлайль, уходя.

— Да, это правда, — не стала отрицать девушка. — Сегодня она видела дурной сон. Она все думает, что случится какое-нибудь несчастье... Это был ужасный сон. Ей пригрезилось убийство...

— Вы не должны позволять ей расстраиваться до такой степени. Постарайтесь ее утешить и берегите ее, Барбара, она так впечатлительна!

Они дошли до ворот, и девушка горячо пожала руку Карлайля.

— Арчибальд, — прошептала она с нежностью и указала ему на цепочку, — я еще не поблагодарила вас за это...

— Полно вам. Спокойной ночи, Барбара!

С этими словами он поцеловал молодую девушку в щеку. Барбара почувствовала, как ее сердце забилось от радости. Никогда еще Карлайль не был с ней так ласков и добр. Она вернулась домой в приподнятом настроении. Даже миссис Гэр удивилась.

— Позвони, чтобы подали лампу, Барбара! — попросила больная. — Только не задергивай шторы — я очень люблю смотреть на лунный свет.

Барбара исполнила поручение матери, но сама не переставала думать о прощании с Карлайлем.

— О, Арчибальд, Арчибальд! — шептала она. — Почему, надевая на меня эту цепочку, ты не сказал, что любишь меня?

Мистер Карлайль с юного возраста находился в очень хороших отношениях с семейством Гэр. На его глазах выросли обе сестры — Барбара и Энн, и он привык обращаться с ними как с детьми. Несмотря на то что он с нежностью относился к обеим, в душе он все же отдавал предпочтение Энн. Она была кроткой и покладистой девушкой, похожей на мать, между тем как Барбара любила отстаивать собственное мнение.

Когда на часах пробило десять, Барбара встала и прислонилась горячим лбом к оконному стеклу. О чем мечтала эта умная и энергичная девушка? Она уже видела себя женой Карлайля. «Он меня любит, — думала она. — Он был так ласков, подарил мне этот медальон и поцеловал меня. Но почему же он до сих пор не сказал мне этого? Почему?»

Непрошенная слеза скатилась с ресниц на нежную щеку: тягостное сомнение запало ей в душу. Вдруг она вздрогнула — чей-то силуэт мелькнул в темноте. Кто бы это мог быть? Ей показалось, что темная фигура сделала шаг вперед. Таинственный человек будто умолял ее выйти к нему. Она хотела вскрикнуть, позвать на помощь слуг, но не смогла.

Выбежав из комнаты, Барбара быстро спустилась по лестнице. Остановившись внизу у окна, она снова стала вглядываться в ночную тьму. Загадочное существо, очевидно, следило за девушкой, так как его умоляющие жесты повторились снова. Наконец она решилась. Вернувшись в гостиную, Барбара небрежно накинула на плечи шаль и сказала миссис Гэр, что отправляется в сад, чтобы там дожидаться возвращения отца. Прежде чем выйти, она еще раз бросила быстрый взгляд в окно.

Таинственная фигура оставалась на прежнем месте. С замирающим сердцем и смутным предчувствием Барбара Гэр направилась к неизвестному человеку.

Глава IV

Свидание при лунном свете

Никогда еще луна не светила так ярко. Затаив дыхание, Барбара шла вперед.

— Кто вы такой? — спросила она. — Что вам нужно?

— Барбара, — прошептал незнакомец, — неужели ты не узнаешь меня?

Услышав голос брата, девушка вскрикнула от радости и припала к его груди. Несмотря на грубую крестьянскую одежду, накладные черные усы, несмотря на сильно изменившееся лицо Ричарда, Барбара не ошиблась.

— Мой милый брат! — воскликнула она. — Зачем ты пришел сюда? Если тебя узнают, то тебя ждет неминуемая смерть...

— На виселице, да, я знаю, — произнес Ричард Гэр.

— Так зачем ты рискуешь своей жизнью? Ведь если мама узнает, что ты здесь, это убьет ее!

— Жить так, как я живу сейчас, — с грустью ответил Ричард, — невозможно. После того как мы с тобой расстались, я отправился работать в Лондон...

— В Лондон? — переспросила Барбара.

— Да, и ни разу не выезжал оттуда. Но работа оказалась мне не по силам. Я смогу найти другую, более подходящую, только если мама даст мне немного денег.

— Чем же ты занимался в Лондоне?

— Я был конюхом.

— Как?

— Неужели ты ожидала, что я стану торговцем, банкиром или, быть может, секретарем в министерстве ее величества? — вспыхнул Ричард. — Я зарабатываю двенадцать шиллингов в неделю, Барбара, вот и весь мой доход.

— Мой милый, бедный Ричард! — воскликнула девушка, горячо сжимая руку брата и орошая ее слезами. — О, как ты должен раскаиваться теперь в том, что совершил!

— Я не совершал никакого преступления. Я не больше тебя знаю, кто убил того человека. Но с некоторых пор начинаю кое о чем догадываться...

— Неужели ты подозреваешь Бетеля?

— О нет, он просто браконьер.

— Мама говорит, что ее неотвязно преследует одна мысль. Она почему-то убеждена, что Бетель — соучастник в этом деле.

— Барбара! Клянусь честью, убийца — человек по имени Торн!

— Торн? — повторила молодая девушка, устремив на брата удивленный взгляд. — Кто это?

— Я его не знаю, но хотел бы его разыскать. Он был другом Эфи.

— Ричард, ты несправедлив! Произносить такие слова без каких бы то ни было оснований...

— Конечно, ты можешь иметь на этот счет свои убеждения, но я пришел сюда не за этим. Скажи, отец все еще настроен против меня?

— Он никогда не упоминает твоего имени, и мы не смеем при нем разговаривать о тебе. Кроме того, он присягнул. Ты, вероятно, слышал... После того как судьи вынесли приговор, он торжественно присягнул, что если где-нибудь встретит тебя, то сам лично выдаст правосудию. Можешь быть уверен, он сдержит свое обещание.

— Я знаю, — с горечью ответил Ричард. — Он никогда не обращался со мной как с сыном. Разве я виноват в том, что мое здоровье было всегда так слабо, что мать баловала и жалела меня больше других? Отец преследовал меня за это своими безжалостными насмешками. Если бы он любил меня, если бы я мог быть счастлив в своей семье, то разве бы я стал искать общества и развлечений в других местах? Барбара, ты должна помочь мне увидеться с матерью.

— Но я не знаю, как это устроить...

— Она что, больна и лежит в постели?

— Нет, просто отец может вернуться в любую минуту. Он отправился по делам к Бошану.

— Вот уже целых полтора года я не виделся с матерью, — произнес с грустью Ричард, — и мне было бы слишком тяжело уйти отсюда, не поговорив с ней. К тому же, Барбара, мне нужны сто фунтов стерлингов.

— Приходи сюда завтра в этот же час, я принесу деньги. Но, — прибавила она, — если ты утверждаешь, что невиновен, разве нельзя это доказать?

— Все улики против меня. А если я назову Торна, то это ничего не даст. Для всех он мифическое лицо. Никто ничего о нем не знает.

— Если так, то... — начала Барбара.

— Я вижу, — перебил ее Ричард, — что даже ты сомневаешься в моих словах!

— Не говори так. Ты же знаешь, что я всей душой желаю только одного — доказать твою невиновность. Почему бы тебе не рассказать обо

всем Арчибальду Карлайлю? Он серьезный человек, который сумеет вникнуть в суть дела...

— Ты права, Карлайль — единственный, кому я могу поверить свою тайну. Что обо мне здесь говорят? Интересуются, что со мной случилось?

— Одни думают, что ты умер, другие уверяют, что ты уехал в Австралию.

В следующий миг на дороге вдруг послышались голоса судьи Гэра и Риннера. Они пожали друг другу руки, и мистер Гэр вошел в ворота. Брат и сестра притаились в тени деревьев. И когда отец, не заметив их, прошел мимо, Барбара обратилась к Ричарду со словами:

— Итак, до завтра, я больше не могу оставаться здесь ни минуты.

Она хотела уйти, но Ричард удержал ее.

— Теперь мы одни в эту безмолвную ночь, Барбара, и над нами Бог, — сказал он с волнением. — Я невиновен, поверь мне, Галлиджона убил Торн.

Барбара быстро убежала. Между тем мистер Гэр был уже в доме и запирает дверь.

— Отец, отворите мне, — сказала девушка громко.

Судья поспешил впустить ее, но, удивленный и слегка раздосадованный тем, что в этот час Барбара была еще не в постели, потребовал объяснений.

— Я хотела встретить вас у ворот, — опустил голову, тихо ответила она, — и пошла по другой дорожке. Вы меня не заметили...

В тот вечер впервые в жизни ей пришлось сказать неправду.

Глава V

Контора мистера Карлайля

В центре Вест-Линна стояли два смежных дома: в том, что был побольше, Карлайль жил, а в маленьком принимал посетителей. Его имя пользовалось большой известностью в графстве, и основатели конторы «Карлайль и Дэвидсон» были хорошо образованными, опытными адвокатами.

Миссис Карлайль — вторая жена адвоката — умерла, когда родился Арчибальд, и ребенок был воспитан своей единокровной сестрой Корнелией. Она ни разу не отступилась от своих обязанностей в отношении мальчика, напротив, она хотела управлять им и теперь, когда он стал взрослым. Арчибальд в силу привычки очень часто покорялся ее требованиям. Ее главными страстями в жизни были любовь к брату и жадность до денег. Эти две вещи скрашивали ее одиночество, ведь она навсегда отказалась от замужества, несмотря на то, что, будучи дочерью богатого Карлайля, не имела недостатка в женихах.

На другое утро после возвращения из Лондона Арчибальд сидел в своей конторе. Возле него стоял управляющий его делами мистер Дилл. Это был маленький человек с плешивой головой, кротким видом и почтительными манерами. Он давно мог стать адвокатом, но должность управляющего конторой «Карлайль и Дэвидсон» вполне устраивала его. Он получал хорошее жалованье. Насмешники распустили слух, что он был неисправимым поклонником мисс Карлайль и, не получив намека на взаимность, решил навсегда остаться холостяком. В эту минуту он рассказывал хозяину о том, что случилось за время его отсутствия. Когда мистер Дилл закончил доклад, дверь отворилась, и секретарь Карлайля сообщил о визите полковника Бетеля.

— Попросите его подождать, — ответил Карлайль.

— Вот что, Дилл, — продолжал он, — вам будут присланы бумаги, закладные и векселя на поместье Ист-Линн. Пожалуйста, просмотрите их внимательно и никому ничего не говорите.

— Слушаюсь, мистер Арчибальд, — ответил управляющий. — Но могу я хотя бы узнать имя покупателя?

— Скоро узнаете, — ответил Карлайль, улыбнувшись. — Прошу вас, внимательно отнеситесь к этим бумагам, а теперь пришлите ко мне Бетеля.

Между кабинетом мистера Карлайля и комнатой, которую занимали

секретари, находилось небольшое помещение. Из него через узкий коридор можно было попасть в маленький кабинет мистера Дилла. Сюда приходили клиенты, и здесь разбирались разные дела в отсутствие Карлайля или когда последний был очень занят. Крошечное окошечко выходило из этой комнаты в контору секретарей.

Итак, Дилл уединился в своем святилище и, усевшись за письменным столом, занялся делом. Вдруг дверь распахнулась, и показалось хорошенькое личико Барбары Гэр.

— Могу я увидеть мистера Карлайля? — спросила она застенчиво.

Дилл встал со стула. Она вышла в коридор, и он последовал за ней — не без удивления, так как мистери Карлайлю весьма редко приходилось принимать юных особ женского пола.

— Мистер Карлайль сейчас занят, — произнес управляющий, — у него судьи.

— Судьи! — испуганно воскликнула Барбара. — Значит, и папа тоже здесь? Что же делать? Он не должен меня видеть!

Не успела она это произнести, как на лестнице послышались голоса. Мистер Дилл торопливо схватил Барбару за руку, провел в свою комнату через контору, чтобы избежать встречи с судьями, и запер ее там. Через несколько минут управляющий вернулся и сообщил девушке, что посетители разошлись и ей нечего больше опасаться.

— Я, право, не знаю, какого вы теперь обо мне мнения, мистер Дилл, — пробормотала она, — но скажу вам по секрету, что меня прислала сюда мама. Она не желает, чтобы папа узнал об этом...

— Дорогая моя, — ответил Дилл, — адвокат не имеет права удовлетворять свое любопытство различными предположениями.

С этими словами он проводил Барбару в кабинет мистера Карлайля, который не меньше своего помощника удивился ее появлению.

— Сегодня я — ваша клиентка, — начала она, стараясь улыбнуться, чтобы скрыть волнение. — Я пришла к вам с поручением от мамы, и в коридоре чуть было не столкнулась с отцом. Я так перепугалась, что до сих не могу успокоиться...

Арчибальд, предложив девушке сесть, занял свое прежнее место. Он уже не был ее знакомым — любезным и внимательным, — нет, теперь она видела перед собой строгого делового человека.

— Я должна сообщить вам нечто странное, — прошептала она чуть слышно и прибавила, озираясь: — Это очень важное дело. От него зависит жизнь человека.

Барбара встала и приблизилась к Арчибальду. Он также поспешил

подняться.

— Ричард здесь, — прошептала она.

— Ричард! — повторил Карлайль. — Как?..

— Да, он приходил к нам вчера вечером. Я заметила его в саду и сначала не узнала его, так как он был переодет. Все это время он жил в Лондоне и работал конюхом, чтобы не умереть с голоду. Он поклялся, что невиновен в преступлении...

Карлайль ничего не ответил; он, по-видимому, не верил словам Ричарда.

— Присядьте, Барбара, — сказал он, придвигая девушке стул. — Не бойтесь, сюда никто не войдет. Продолжайте ваш рассказ.

— Ричард говорит, что его не было в коттедже в то время, когда произошло убийство, и что имя настоящего убийцы — Торн.

— Кто такой этот Торн? — спросил Карлайль, но в его тоне все еще слышалось недоверие.

— По словам Ричарда, это друг Эфи. Брат поклялся мне, что невиновен, и я верю ему. О, Арчибальд, вам нужно встретиться с ним сегодня вечером. Он опять придет на то же место. Быть может, он сам многое выяснит, и вы найдете средство доказать его непричастность. Вы так умны, вы все можете!

— Не совсем все, Барбара, — с улыбкой ответил мистер Карлайль. — И это единственная причина, заставившая Ричарда прийти сюда?

— Нет, Арчибальд. Потеряв всякую надежду доказать свою невиновность, он пришел попросить сто фунтов стерлингов. Если он достанет эту сумму, то сможет найти лучшее занятие. Мама послала меня к вам; у нее сейчас нет денег, а у отца она не смеет просить. Не будете ли вы так добры, не одолжите ли вы ей эти деньги сегодня? Она вернет их вам, как только сможет.

— Если вам нужны деньги прямо сейчас, — сказал мистер Карлайль, — то я должен послать за ними в банк, так как наша касса пока пуста.

— Они понадобятся вечером. Итак, вы постараетесь встретиться с Ричардом?

— Это для него небезопасно, — задумчиво произнес Карлайль, — совсем небезопасно. Тем не менее я постараюсь сделать все возможное.

— Я хотела спросить у вас совета, — продолжала Барбара. — Нужно ли говорить маме, что Ричард здесь?

Карлайль посмотрел на девушку с удивлением.

— О, я совсем забыла упомянуть об этом! — воскликнула она. —

Мама не знает, что Ричард здесь. Я сказала ей, что он прислал за деньгами своего товарища. Говорить ли ей правду?

— Почему бы и нет? Мнекажется, вы должны это сделать.

— Хорошо, просто я боялась, что это ее встревожит.

— Но это же естественно. Я думаю, миссис Гэр будет счастлива, когда узнает, что ее сын жив и здоров.

— Но как нам сделать так, чтобы отца не было дома сегодня вечером? Помогите что-нибудь придумать, Арчибальд! Вы единственный человек, к которому я могу обратиться в этой затруднительной ситуации.

— Что ж, я подумую об этом...

— Но мне не хотелось бы опять приходить сюда, — перебила его Барбара, — это может возбудить подозрения.

— В таком случае постарайтесь оказаться на улице в четыре часа. Впрочем, нет, выйдите из дома в три часа, ровно в три, и я вас встречу.

Карлайль встал и проводил Барбару до дверей. Девушка едва успела выйти, как увидела перед собой нечто огромное, несущееся, подобно кораблю, на всех парусах. Это оказалась мисс Карлайль.

— Как! — воскликнула она, обращаясь к Барбаре. — Так это вы были у Арчибальда?

Девушка пролепетала, что приходила по поручению от своей матери.

— По поручению! — повторила великанша. — За этим что-то кроется! Я два раза приходила к Арчибальду, и два раза мистер Дилл говорил мне, что он занят и что ему нельзя мешать. Я заставлю его со мной объясниться!

— Да от вас ничего не скрывают, — пояснила девушка, не без робости взглянув на величественную фигуру Корнелии. — Мама хотела посоветоваться с мистером Карлайлем по одному очень важному делу, но ей нездоровится, и потому она прислала меня.

— И по какому же это делу, позвольте спросить?

— Дело самое обыкновенное: мама просила одолжить ей небольшую сумму денег.

Мисс Карлайль громко высморкалась, что она всегда делала в тех случаях, когда с чем-нибудь не соглашалась. Она была убеждена, что здесь кроется какая-то тайна, и в надежде что-нибудь выяснить пошла за Барбарой по улице. Но ее старания не увенчались успехом.

Между тем Карлайль вернулся к себе в кабинет и после минутного раздумья позвонил в колокольчик. Вошел слуга. Арчибальд приказал ему отправиться в гостиницу «Оленья голова», где, как он предполагал, находились мистер Гэр и другие судьи, и попросил их прийти к нему.

— Я задержу вас всего на минуту, — начал мистер Карлайль, когда они

явились. — Скажу несколько слов о нашем общем деле. Чем больше я думаю о том человеке, которого засадили за решетку, тем меньше это одобряю. Полагаю, что стоит еще раз заняться рассмотрением этого дела, и потому я приглашаю вас сегодня вечером в семь часов выкурить по трубке и распить бутылочку самого лучшего вина.

Все охотно приняли это приглашение. Когда они уходили, Карлайль остановил судью Гэра и шепнул ему:

— Вы непременно должны прийти, без вас не обойтись. Все эти господа, — прибавил он, кивнув на уходивших, — не стоят вас одного.

Польщенный судья Гэр дал слово присутствовать. Спустя несколько минут секретарь доложил мистеру Карлайлю:

— Мисс Карлайль желает вас видеть, они с полковником Бетелем пришли снова.

— Пригласите сначала мисс Карлайль, — распорядился Арчибальд. — Что тебе нужно, Корнелия?

— Как! И ты еще спрашиваешь? Ты ушел из дома, не сказав, когда вернешься к ужину...

— Мы будем ужинать немного раньше, Корнелия, часов в шесть. А сейчас я очень занят, полковник Бетель ждет. Поговорим за ужином.

Но мисс Карлайль преспокойно разместилась в кресле для клиентов.

— Позволь спросить, о каком таком важном деле ты беседовал с Барбарой Гэр?

— Ты знаешь, какая беда случилась у Гэров и других судей? Они засадили в тюрьму одного бедняка, который полонил траву в своем саду в воскресенье, — ответил Карлайль после некоторого раздумья. — Миссис Гэр захотела узнать мое мнение по этому вопросу, ведь этот человек подал прошение министру. Вот почему приходила Барбара. Кстати, Корнелия, я пригласил на сегодняшней вечер гостей, покурить и...

— Чего ради я должна позволять травить себя?

— Корнелия, они придут ко мне по делу, понимаешь? Если ты не хочешь, чтобы я принимал их в гостиной, то я приглашу их к себе в спальню.

Слово «дело» всегда производило на мисс Корни какое-то магическое действие. Оно ассоциировалось у нее со словом «деньги». Страсть к деньгам у мисс Корнелии была так велика, что ради них она легко могла поступиться своим упрямством. Сам мистер Карлайль не был скупцом. Ему не раз удавалось с помощью простых и дельных советов примирить две враждующие стороны, вместо того чтобы воспользоваться заведенной тяжбой, которая могла бы принести ему немалую сумму.

— А теперь, пожалуйста, оставь меня, — спокойно произнес Арчибальд.

— Я не уйду, пока не узнаю, зачем к тебе приходила Барбара Гэр, — решительно возразила мисс Корни. — Ты очень умен, но тебе не удастся меня провести. Вы оба меня обманули. Нет, тут должна быть какая-то тайна, которую я непременно хочу узнать.

Мистер Карлайль хорошо знал свою сестру и ее решительный характер, а потому решил сказать ей правду. Она умела хранить тайны. Если же от нее что-нибудь скрывали, то она не успокаивалась, пока не докапывалась до истины.

— Если ты так хочешь знать, то я могу сообщить тебе новость, — проговорил Арчибальд. — Ричард Гэр вернулся.

— Ричард Гэр! — с трепетом воскликнула Корнелия. — Он сошел с ума!

— Конечно, он поступил не совсем благоразумно, но ему нужны деньги, за ними и приходила ко мне Барбара.

— Как! Неужели он вернулся домой?

— О нет, он не осмелился показаться на глаза отцу. Он тайно виделся с сестрой и сегодня вечером придет снова — за деньгами. Я пригласил к себе судей затем, чтобы выманить мистера Гэра из дома и дать возможность больной миссис Гэр повидаться с сыном.

Мисс Корни слегка нахмурилась.

— Теперь ты знаешь все, Корнелия, и я прошу тебя оставить меня одного.

Мисс Корни, не говоря ни слова, вышла из кабинета. Арчибальд взял со стола первое попавшееся ему под руку письмо и, запечатав его в конверт, адресовал на свое имя. Затем он позвал к себе мистера Дилла и вручил ему конверт.

— Сегодня ровно в восемь часов вечера принесите мне эту записку. Не посылайте ее ни с кем, а вызовите меня сами, понимаете?

Старый Дилл, удивившись этому приказанию, кивнул и опустил письмо в карман.

В три часа Карлайль встретился с Барбарой в назначенном месте.

— Все улажено, — сообщил он ей, — сегодня вечером судьи придут ко мне в гости, в том числе и мистер Гэр.

— Они придут к вам? — переспросила изумленная Барбара. — Значит, вы не поговорите с моим братом?

— Положитесь на меня, — ответил Карлайль и поспешил удалиться.

Глава VI

Ричард Гэр-младший

Судьи явились в назначенное время; ровно в семь часов они вошли в гостиную мисс Карлайль, — этот дом был ее собственностью и достался ей по завещанию отца. Корнелия сама приняла гостей и вскоре погрузилась в судебные прения, несмотря на ненавистные ей курительные трубки. В городе поговаривали, что она такой же хороший адвокат, каким был ее отец, и действительно, мисс Карлайль выказывала блестящие познания в юридических науках. В восемь часов в гостиную вошел слуга и доложил мистеру Карлайлю, что мистер Дилл желает его видеть. Арчибальд вышел из комнаты и через минуту вернулся с распечатанным письмом.

— Очень жаль, господа, — произнес он, — но я вынужден вас покинуть. Я скоро вернусь, а пока оставляю с вами мистера Дилла. Он знает законы не хуже меня.

Сэтими словами Карлайль вышел из дома и быстрым шагом направился к роще, примыкавшей к дому Гэров. Лунный свет освещал извилистые тропинки. Карлайль невольно посмотрел налево, туда, где возвышался лес. Там находился небольшой домик, где произошло убийство, за которое Ричарда Гэра приговорили к смертной казни. С тех пор это жилище пустовало, потому что никто не хотел оставаться в его печальных стенах.

Мистер Карлайль отворил ворота и огляделся. Стоявшая возле окна Барбара заметила Арчибальда и, спустившись вниз, открыла дверь.

— Мама очень волнуется, — прошептала она.

— Он здесь?

— Думаю, да, но еще не подал знака.

Встревоженная миссис Гэр стояла возле кресла. На щеках у нее выступили красные пятна. Мистер Карлайль поспешил передать ей деньги, и она с чувством пожала ему руку.

— Арчибальд, — произнесла она, — я должна увидеть сына. Как это устроить? Не пойти ли мне к нему в сад?

— Вечерний воздух для вас слишком свеж, не лучше ли ему подняться сюда?

— Пойду взгляну, не пришел ли он, — сказала Барбара.

— Оставайтесь здесь, я сам схожу, — возразил Карлайль. — А когда вы нас заметите, то просто откройте дверь.

Барбара вдруг вскрикнула и схватила мистера Карлайля за руку.

— Вон он! — воскликнула она. — Он вышел из-за деревьев, взгляните, прямо напротив окна!

Арчибальд вышел из дома и беззвучно прокрался к деревьям, где притаился Ричард. Это был стройный молодой человек чрезвычайно приятной наружности. Кротостью и уступчивым характером он напоминал мать, но, наделенный нежным и любящим сердцем, Ричард отличался легкомыслием и ветреностью.

— Скоро ли ко мне выйдет матушка? — спросил он, обменявшись несколькими фразами с Карлайлем.

— Я провожу вас к ней, — отозвался Арчибальд. — Вашего отца нет дома, следовательно, вы в безопасности.

— Так пойдемте же, я сам не свой и спешу поскорее уйти отсюда. Получу ли я деньги?

— Конечно. Но скажите мне, Ричард, нет ли у вас каких-нибудь новых сведений об этом ужасном преступлении?

— Моя сестра хотела, чтобы я переговорил с вами, но думаю, что это совершенно бесполезно. Если бы даже я сказал правду перед целым светом, то и тогда из этого ничего бы не вышло; и вы тоже не поверили бы мне, Арчибальд.

— Не бойтесь, Ричард, говорите со мной откровенно.

— Да, действительно, я давно хотел излить душу. Дома меня постоянно упрекали за то, что я часто хожу к Галлиджонам. Отец и мать думали, что я бываю у них, потому что мне нравится Эфи... Галлиджон просил меня дать ему ружье, и в тот вечер, когда я отправился к... Ну да все равно к кому...

— Ричард, — перебил его мистер Карлайль, — если вы хотите, чтобы я хоть чем-нибудь вам помог, говорите со мной откровенно. Клянусь, я не обману вашего доверия.

— Если так, то я скажу, что искренне любил эту девушку. Я готов был ждать целую вечность, лишь бы она стала моей женой. Вы знаете, мой отец сильно противился этому...

— Вы хотели жениться на Эфи? — уточнил Арчибальд.

— Да, таково было мое тайное намерение.

— А она отвечала вам взаимностью?

— Иногда мне казалось, что она меня любит, а иногда — что нет. Она постоянно отшучивалась и прибегала ко всевозможным уловкам. Я думал, что она просто капризничает, когда говорит мне, что я не должен приходить к ней... Впоследствии я узнал, что она привязалась к нему, а я был забыт.

— Я не понимаю вас, Ричард, — сказал Карлайль. — Я даже не знаю, о ком вы говорите.

— Это все он, ненавистный Торн.

Мистер Карлайль вспомнил, что это имя называла Барбара.

— Но кто он? Я никогда не слышал о нем.

— Никто его не знает в Вест-Линне. Он тщательно скрывался, — ответил Ричард, нахмурившись. — Он встречался с Эфи в лесу; откладывал знакомство с ее отцом, говоря, что у него есть тайна, которую он ей как-нибудь откроет.

— Расскажите о том вечере...

— У Галлиджона сломалось ружье, и он попросил меня дать ему мое на время. Я условился с Эфи, что приду к ним в тот вечер, и вышел из дома после ужина, захватив с собой ружье. В дверях меня остановил отец и спросил, куда это я направляюсь. Я ответил, что иду к Бошану, и впоследствии это послужило уликой против меня. Когда я дошел до Галлиджона, меня встретила Эфи и холодным тоном попросила, чтобы я вернулся к себе. Мы поговорили несколько минут, и в это время мимо нас прошел Локсли и увидел меня с ружьем в руках. Я поспешил извиниться, хотя ни в чем не был виноват, и уступил Эфи, потому что любил ее. Я отдал ей ружье, предупредив, что оно заряжено. Эфи отнесла его домой и заперла за собой дверь, но я не ушел. Мне пришло в голову, что, быть может, в этот вечер Торн пожелал познакомиться с ее семейством, и она хотела скрыть это от меня. Я спрятался за деревьями около дома. Локсли в это время еще раз прошел мимо и, заметив меня, поинтересовался, почему я прячусь. Я ответил молчанием на его вопрос. На судебном следствии это послужило еще одним доказательством моей вины. Спустя минут двадцать до меня донесся ружейный выстрел со стороны коттеджа. «Кто-то стреляет куропаток», — подумал я. В то же мгновение я увидел, как Бетель выскочил из-за деревьев и пустился бегом к коттеджу. Этим выстрелом убили Галлиджона... Не прошло и минуты, как я увидел другого человека, мчавшегося со всех ног к опушке леса. Это был Торн. Я никогда не забуду его мертвенно-бледного лица, вытаращенных глаз и разинутого рта. Если бы я был физически силен, то, наверно, остановил бы его, ведь мое предположение насчет свидания Эфи и Торна оправдалось.

— Вы говорили, что Торн появлялся в Вест-Линне только по вечерам. Это действительно так? — уточнил мистер Карлайль.

— Да, — продолжал Ричард, — но я могу поклясться, что в тот день он пришел раньше, чем обычно. Итак, он убежал... Я потерял его из виду, и вскоре до моих ушей донесся топот лошадиных копыт... Он во весь опор

мчался из леса. У меня зародились страшные подозрения, и я поспешил к коттеджу. В дверях я наткнулся на безжизненное тело Галлиджона. Он лежал мертвый в кухне на полу, весь в крови, а мое разряженное ружье валялось около него. Пуля засела у него в боку...

Ричард остановился, чтобы перевести дух.

— Я стал звать Эфи, но не получил ответа, — продолжал молодой человек. — Все словно замерло. На меня напал такой страх, что я, схватив ружье, решил бежать...

— Зачем же вы схватили ружье? — перебил его Карлайль.

— Я и сам не знаю, — ответил Ричард, — мне почему-то показалось, что мое ружье не должно обнаружить возле убитого Галлиджона... Когда я выбегал из кухни, меня опять увидел Локсли — он возвращался из леса домой. Не могу описать, что я испытал в ту минуту; окончательно сбитый с толку, я понял, что меня могут обвинить в преступлении. Я бросил ружье и убежал, не слушая Локсли, который пытался меня остановить.

— Это ваш самый безрассудный поступок! — заметил Карлайль.

— Да, — отозвался Ричард. — Все из-за моей проклятой трусости. Но позвольте мне продолжить. По пути к дому, в лесу, в том месте, где вырублены деревья, я столкнулся с Бетелем. Я подумал, что он поможет мне разобраться. «Вы видели эту собаку?» — крикнул ему я еще издали. «Какую собаку?» — переспросил он. «Этого презренного Торна, который был в гостях у Галлиджона!» — «Я не понимаю, о чем вы говорите». — «Вы не слышали выстрела?» — продолжал я. «Слышал, — ответил он. — Я подумал, что выстрелил Локсли». — «Разве вы не видели Торна, бежавшего со всех ног из коттеджа?» — «Нет, я видел только вас и Локсли». Подобный ответ окончательно смутил меня.

— И вы решились убежать в ту же ночь? — спросил Карлайль. — Вы сами себя погубили!

— Да, это было безумием с моей стороны. Спустя три или четыре часа я вернулся в коттедж и увиделся с Эфи. Никогда этого не забуду. Едва только она меня увидела, как разразилась жесточайшими упреками, называя меня убийцей. На шум сбежалась прислуга, и весь дом наполнился людьми. «Если она считает меня виновным, — подумал я, — то все тоже так сочтут». Я решил, что разумнее всего удалиться. Предчувствие меня не обмануло: все улики были против меня. Судебный следователь, допросив свидетелей, признал меня виновным. Чем больше я пытался оправдаться, тем больше запутывался. Эфи, которую я так искренне любил, была моим главным противником. Она утверждала, что у нее никого не было в тот вечер, что она сидела дома одна, а потом вышла через заднюю дверь, желая

прогуляться, что раздавшийся выстрел заставил ее вернуться и что она увидела Локсли, который стоял над ее мертвым отцом.

Арчибальд заметил:

— Вы говорите, что были в ту минуту в лесу. Бетель также не мог...

— Это не Бетель, — перебил его Ричард, — повторяю, я видел его в то мгновение, когда раздался выстрел.

— Но где был Локсли?

— В лесу. Я убежден, что выстрелил Торн. Он и есть убийца!..

— Ваша история невероятна, — произнес мистер Карлайль, — тем не менее я должен над ней хорошенько поразмыслить. Больше всего меня удивляет, что вы не догнали Торна, не донесли на него, хотя видели, как он выбегал из коттеджа.

— Я слабый человек. Это роковое стечение обстоятельств подавило во мне волю! Да и к чему слова, когда мое собственное ружье послужило доказательством против меня?

— Позвольте задать вам еще один вопрос. Как могло случиться, что никто не знал о существовании этого таинственного Торна? Неужели никто не видел, как Эфи встречалась с ним в лесу?

— Как она мне однажды сказала, он приезжал к ней в сумерках и на очень короткое время. Мне кажется, вы не верите моим словам. Я и не ждал ничего другого...

— Теперь вас могут оправдать только неопровержимые доказательства, — заключил Арчибальд. — Но все равно я над этим подумаю. Какой он, этот Торн? Опишите его.

— Аристократическая внешность, высокий, стройный. Ему не больше двадцати пяти.

— Не знаете ли вы, откуда он и кто его родители?

— Не знаю, но Эфи не раз хвасталась мне, что ее будущий жених приезжал из Суассона — за три мили отсюда, — чтобы увидаться с ней.

— Из Суассона? Так вы думаете, что это кто-нибудь из суассонских Торнов?

— О нет, этот человек совсем не похож на них. Быть может, он и аристократ, но не могу сказать, что он отличается изящным вкусом.

Арчибальд не мог не улыбнуться последнему замечанию молодого человека.

— Как вы это заметили, Ричард?

— Он носил бриллиантовые запонки в манишке, бриллиантовые перстни, бриллиантовые булавки... По всей вероятности, Торн надевал все это, чтобы ослепить Эфи, — по крайней мере, мне так показалось.

— Где же она теперь, Ричард?

Ричард поднял изумленные глаза на Карлайля:

— Откуда мне знать? Я вас хотел об этом спросить.

Арчибальд снова погрузился в размышления. Он, по-видимому, не доверял юноше.

— Ричард, — наконец обратился он к молодому человеку, — после похорон Галлиджона Эфи исчезла, и здесь все говорили, что она пожалела о своих жестоких обвинениях и отправилась к вам.

— С того вечера я ни разу не виделся с ней.

На этом молодые люди закончили разговор: было уже довольно поздно, и Ричард торопился к матери. Они пошли по дорожке, ведущей к дому. Ричард чувствовал, что ноги у него подкашиваются, он боялся, как бы его не узнали слуги. Наконец он упал в объятия плачущей матери, которая с нежностью прижала его к груди. Мистер Карлайль, не желая мешать их свиданию, направился в Вест-Линн.

До этого дня Арчибальд ни на минуту не сомневался в том, что преступление совершено Ричардом Гэром, но, как и другие судьи, не допускал, что оно было умышленным. Добрый и кроткий Ричард, по его мнению, не мог совершить это преступление хладнокровно. Мистер Карлайль предполагал, что между Галлиджоном и Ричардом произошла ссора и что последний, случайно спустив курок, убил Галлиджона, не всегда довольного посещениями молодого человека. Признание, сделанное младшим Гэром, сбивало юриста с толку. Он не думал, что Ричард сочинил всю эту историю ради собственного оправдания, но еще более странным ему казался тот факт, что никто не знал Торна.

Судьи провели приятный вечер; вкусный ужин и вино сделали их разговорчивыми. Когда Арчибальд вернулся, мисс Корни немедленно удалилась в свою комнату, жалуясь на сильнейшую головную боль из-за дыма. В одиннадцать часов гости разошлись по домам, и только мистер Дилл остался по знаку своего хозяина.

— Присядьте на минутку, мистер Дилл. Вы, кажется, близко знакомы с суассонскими Торнами. Нет ли у них какого-нибудь родственника, племянника или кузена, красивого молодого человека, большого щеголя?

— Вы имеете в виду молодого Джейкоба? — предположил управляющий. — Я был у него в прошлое воскресенье.

— У молодого Джейкоба, — повторил Карлайль с улыбкой. — Да ему, должно быть, лет под сорок!

— Около того, но, по-моему, Джейкоб еще молод. Что касается юных родственников, то у Торнов нет ни племянников, ни кузенов.

Арчибальд задумался. Затем, резко подняв голову, произнес:

— Сегодня мне удалось узнать нечто, что заставляет меня сомневаться в виновности Ричарда Гэра.

— Неужели вы забыли о его бегстве? — пробормотал удивленный мистер Дилл.

— Да, это свидетельствует против него, — согласился мистер Карлайль. — Но в то время, когда было совершено преступление, какой-то щеголь ухаживал за Эфи Галлиджон; его звали Торн, и он приезжал из Суассона. Нет ли такого человека в семействе Торнов?

— Мистер Карлайль! — воскликнул Дилл. — Мои знакомые — почтенные люди, к тому же они женаты, имеют детей...

— Вы не поняли. Я не их подозреваю. Жениху Эфи не больше двадцати пяти лет от роду. Я могу только предполагать, что это их родственник.

— Я не раз слышал от них, что они последние из рода Торнов.

— Не буду больше распространяться об этом деле. Но я имею достаточно причин сомневаться в виновности Ричарда Гэра. Я намерен попытаться что-нибудь выяснить и прошу вас помочь мне.

— С радостью! — отозвался управляющий. — Но я убежден, что убийца именно Ричард.

— Тем не менее, когда вы отправитесь в Суассон, постарайтесь разузнать, не жил ли там молодой человек по имени Торн в то время, когда было совершено преступление.

— Хорошо, постараюсь, — ответил мистер Дилл, и они пожали друг другу руки.

Вошел слуга.

— Джойс уже легла? — обратился к нему мистер Карлайль.

— Еще нет, сэр.

— Тогда пришли ее ко мне.

Джойс незамедлительно явилась. Она была горничной Корнелии и молочной сестрой Эфи Галлиджон.

— Заприте дверь, Джойс, — приказал Арчибальд.

Джойс исполнила приказание хозяина и остановилась около стола.

— Давно вы не получали известий от вашей сестры, Джойс?

— Я о ней ничего не знаю, сэр, — ответила та, вздохнув.

— А кто был тот знатный джентльмен, который за ней ухаживал?

На бледных щеках Джойс выступил яркий румянец.

— Как? Разве вы о нем слышали, сэр? — спросила она, понизив голос.

— Да, недавно. Он, кажется, приезжал из Суассона?

— Я точно не знаю, сэр. Сестра редко говорила о нем.

— А какого звания был этот человек?

— Вероятно, знатный лорд, — продолжала служанка, — я видела его всего один раз. Мы с Эфи гуляли по лесу, и он подъехал верхом. На его белых руках блестели кольца, а вместо пуговиц на манишке были драгоценные камни.

— И больше вы не видели его?

— Никогда. Мне кажется, что я и не узнала бы его. Как только он меня заметил, то раскланялся с Эфи и быстро исчез. Это был очень красивый мужчина. Военные держатся так прямо...

— Значит, он был военным? — уточнил мистер Карлайль.

— Да, Эфи называла его капитаном, но однажды призналась, что он еще не имеет этого звания.

— Может, поручик? — подсказал Арчибальд.

— Да, — подхватила служанка, — поручик Торн. Когда он спешил уехать, в тот самый вечер, то выронил носовой платок из тончайшего батиста. Я подняла его, но Эфи вырвала его у меня из рук и закричала: «Капитан Торн, вы потеряли носовой платок». Он вернулся и забрал его. В тот же самый вечер я видела в лесу молодого Гэра — он бродил возле коттеджа, а через неделю после этого убили Галлиджона.

Карлайль, не считая нужным продолжать расспросы, отпустил Джойс.

Встреча Ричарда с матерью скоро закончилась. Несчастный молодой человек снова покинул родной дом. Миссис Гэр и Барбара долго смотрели ему вслед, пока он наконец не вышел на дорогу, освещенную лунным светом.

Глава VII

Мисс Карлайль дома

Одним прекрасным июльским утром, когда на церковных часах в Вест-Линне пробило восемь, колокольный звон возвестил о том, что наступило воскресенье. Мисс Карлайль выбежала из спальни, прошла через коридор к двери, располагавшейся напротив ее комнаты, и громко постучалась:

— Вставай, Арчибальд.

— Вставать? — послышался в ответ сонный голос. — Зачем? Ведь сейчас только восемь.

— Может быть, но ты должен встать, так надо, — продолжала мисс Карлайль повелительно.

Корнелия спустилась в столовую, окна которой выходили на улицу. На столе блестела серебряная посуда. Но хозяйка дома в одно мгновение заметила, что комната была недостаточно чисто выметена, и набросилась с упреками на Джойс.

— Почему мы завтракаем сегодня в восемь часов? — спросил мистер Карлайль, садясь к столу.

— Потому что у меня накопилось много дел, — ответила Корнелия, — если мы не позавтракаем раньше, то я ничего не успею. Наша кухарка ушла. Я сделала ей выговор, а она ответила мне дерзостью. Тогда я сказала, что она может искать другое место, и она предпочла уйти немедленно.

— Не может ли тебе помочь Джойс? — спросил мистер Карлайль.

— Джойс? Разве она что-нибудь в этом понимает? — возразила мисс Корни с презрением. — Сегодня Барбара Гэр придет сюда на целый день.

— В самом деле?

— Да, она приходила ко мне вчера и, по-видимому, была очень взволнована. Она поссорилась с отцом и хотела, чтобы я пригласила ее погостить. Она накупила себе каких-то нарядов, а судье это очень не понравилось. Послушай, как звонят в колокола! — произнесла вдруг Корнелия.

Мистер Карлайль прислушался. Действительно, колокола в церкви Святого Иуды звонили так, словно там проходила пышная свадьба или какое-нибудь другое торжество.

— Что бы это могло значить? — удивился Арчибальд.

— Какой ты недогадливый! — произнесла мисс Корни. — Звонят по случаю приезда графа Моунт-Сиверна.

— Да, действительно. В церкви Святого Иуды есть особая скамья для графа Моунт-Сиверна и его семейства.

Надо заметить, что в это время Ист-Линн уже принадлежал мистеру Карлайлю. Он купил это поместье и замок со всей мебелью и серебром, но никто об этом даже не подозревал. Графу же вздумалось приехать в Ист-Линн на две недели. Арчибальд охотно согласился на это.

Весь Вест-Линн был в восторге. Многие жители надеялись, что граф снова поселится в замке. Наряды, приготовленные для его приема, были изумительны. Не повезло только Барбаре Гэр, подвергнувшейся за это родительскому гневу.

Покончив с делами, мисс Корни в сопровождении брата также отправилась в церковь. Когда они выходили из дома, навстречу им устремилась какая-то юная леди в бледно-розовой шляпке и с зонтиком такого же цвета. Это была Барбара. Она подбежала к Корнелии и Арчибальду, чтобы поздороваться.

— Поздравляю вас, Барбара, — произнесла мисс Корни, — вы прекраснее самого солнечного луча, и теперь я отлично понимаю, почему вам досталось от отца.

— Я вовсе не так нарядна, как сегодня будут многие, — ответила Барбара, застенчиво поднимая свои голубые глаза в ответ на приветствие мистера Карлайля.

Все трое направились в церковь. Арчибальд шел между сестрой и Барбарой.

— Вы знаете, что граф с дочерью будут сегодня в церкви? — спросила девушка.

— Да. Но что, если они не приедут? — рассмеялся он. — Красивые шляпки и перья — и все напрасно! Какое разочарование!

Едва они вошли в церковь, как заметили пробиравшегося поближе к алтарю хромого господина с седыми волосами и с глубокими морщинами на лбу, опиравшегося на руку девушки. Все повернули головы и с любопытством начали рассматривать новых посетителей. Барбара также оглянулась, но, по ее мнению, это не могли быть Моунт-Сиверны. Девушка для знатной леди была одета слишком просто: в светлое кисейное платье с соломенной шляпкой. Между тем церковный служитель, шествовавший впереди, проводил представителей знати к их месту, пустовавшему уже много лет.

— Кто это? — чуть слышно спросила Барбара.

— Это сам граф и леди Изабелла, — ответила мисс Корни.

— Неужели? — удивилась мисс Гэр. — Она одета гораздо проще, чем

я думала.

— Я сразу узнала ее. Она как две капли воды похожа на свою покойную мать.

После службы горожане окружили коляску графа. Усадив в нее леди Изабеллу, лорд Моунт-Сиверн уже хотел последовать за ней, как вдруг заметил мистера Карлайля и тотчас подозвал его к себе.

— Мне нужно поговорить с вами, — сказал он, пожимая его руку. — И если вы не заняты, то я хотел бы, чтобы вы поехали вместе с нами. Будьте нашим гостем на весь день.

Арчибальд не мог отказаться от такого приглашения и, попрощавшись с Барбарой и сестрой, сел в коляску, которая вскоре скрылась от любопытных глаз. Солнце ярко светило в этот чудный теплый день, и только сердце Барбары Гэр было холодно как лед. Она с трудом скрывала волновавшее ее чувство.

— Почему мистер Карлайль так близко знаком с графом? — размышляла она вслух. — Откуда он знает леди Изабеллу?

— Арчибальд знает очень многих, — ответила мисс Корни. — Он не раз виделся с графом в Лондоне и, разумеется, познакомился также с его дочерью. Не правда ли, она хороша собой?

Барбара промолчала. Задумчивая и безмолвная, она равнодушно слушала мисс Корни и вскоре отправилась к ней в гости. Что касается мистера Карлайля, то в это время он также садился за стол, великолепно сервированный, сиявший хрустальной и серебряной посудой и уставленный дорогими винами, роскошными блюдами, которые разносили чопорные слуги в богатых ливреях. Несмотря на неминуемую близость разорения, граф продолжал жить на широкую ногу. Грустно было видеть весь этот блеск, зная истинное положение дел, а между тем эта роскошь и изящество, за которыми, быть может, скрывалась неминуемая нищета, имели свое обаяние.

Когда подали десерт, леди Изабелла, оставив мужчин, удалилась в свой будуар. Оставшись одна, она предалась размышлениям: вспоминала о матери, о счастливом детстве, об отце и его болезни, о своем первом выезде в свет, о балах в лондонском высшем обществе. Перед ней мелькал образ Фрэнсиса Левисона. Леди Изабелла встала и, как бы желая отогнать от себя занимавшие ее мысли, села за фортепьяно, ожидая появления в гостиной отца и мистера Карлайля.

Но лорд Моунт-Сиверн не торопился выходить из-за стола. Он никогда не торопился расставаться с вином и, хотя каждая лишняя рюмка была ядом для него, не отказывал себе в этом удовольствии. Он продолжал

разговаривать с гостем, когда за стеной вдруг раздалась тихая музыка. Арчибальд, не закончив фразы, стал прислушиваться. Нежный и чистый голос разливался под аккомпанемент фортепьяно.

— Это поет Изабелла! — сказал граф. — Не правда ли, ее голос имеет какое-то особенное очарование? Она и не подозревает, что доставляет нам удовольствие...

И это действительно было так. Девушка играла для себя. Наслаждаясь этой восхитительной музыкой, мистер Карлайль не заметил, как наступила ночь.

Глава VIII

Концерт мистера Кэна

Не прошло еще двух недель, которые лорд Моунт-Сиверн намеревался провести в Ист-Линне, как подагра снова начала мучить его, а значит, он не мог покинуть поместье. Мистер Карлайль, в свою очередь, сказал, что хочет видеть лорда своим гостем как можно дольше. Граф с признательностью принял это предложение. Его болезнь продлилась до октября, затем он почувствовал некоторое облегчение. Его навещали друзья и знакомые из самых знатных семейств, живших по соседству с Ист-Линном. Но самыми приятными для него были посещения Арчибальда. Он заметно привязался к нему и очень огорчился, когда мистер Карлайль проводил вечер не у него.

— Я не могу долго разговаривать с гостями, это меня очень утомляет, — однажды признался граф дочери, — но присутствие мистера Карлайля стало для меня необходимостью. Он так внимателен, я дорожу его расположением.

— Да, он действительно добр, — согласилась Изабелла, — он мне очень нравится, отец.

В этот вечер мистер Карлайль, как обычно, приехал навестить графа. Изабеллу попросили что-нибудь спеть.

— Я бы с удовольствием, — ответила девушка, — но фортепьяно нужно настроить. Нельзя ли найти настройщика в Вест-Линне, мистер Карлайль?

— Конечно, можно. Хотите, я завтра же пришлю к вам мистера Кэна?

— Буду очень рада. Конечно, настройщик не принесет большой пользы моему инструменту, потому что он очень старый. Если бы мы чаще бывали в Ист-Линне, я попросила бы отца купить новое фортепьяно.

Бедная девушка! Она даже не подозревала, что старое фортепьяно теперь принадлежало мистеру Карлайлю, а не ей. Граф закашлялся, желая скрыть волнение, и переглянулся с Арчибальдом.

Мистер Кэн был органистом в церкви Святого Иуды и жил в крайней бедности. Когда на следующий день он пришел в замок, леди Изабелла ласково и приветливо заговорила с ним, как привыкла общаться со всеми. Бедный учитель музыки, прибодрившись, даже рассказал ей о своих затруднениях. В конце концов он обратился к ней с просьбой, чтобы она вместе с графом Моунт-Сиверном почтила его своим присутствием на

концерте, который он намеревался дать на следующей неделе.

— Это мой единственный заработок, — признался он, краснея, — и если концерт удастся, то я буду спасен. Хозяин грозит выгнать меня из квартиры и продать мебель за долги, а у меня семеро детей!

Растроганная Изабелла немедленно побежала к графу.

— Папа, — сказала она, — я хочу попросить вас о большой милости. Мне хочется, чтобы вы поехали со мной на концерт.

— В Вест-Линн? — воскликнул граф и громко рассмеялся. — Слушать, как какой-нибудь провинциал будет играть на тромбоне?

Тогда леди Изабелла рассказала графу о тягостном положении, в котором находилась семья музыканта.

— Я сам беден, — сказал граф, — но, если ты хочешь, я возьму четыре билета, и ты раздашь их слугам.

— О, отец, вы не поняли, о чем я хотела вас попросить. Если мы с вами отправимся на деревенский концерт, то все последуют нашему примеру, и концертный зал будет полон. Что нам за дело до музыки, которую мы услышим? Мы пробудем там не больше часа... а мнебыло бы так приятно помочь им...

— Так и быть, я сдаюсь. Передай своему музыканту, что мы приедем послушать его концерт.

Вечером, когда приехал мистер Карлайль, Изабелла поспешила сообщить ему о предстоящем концерте.

— Вы не поможете мне раздать билеты? — спросила девушка.

— Конечно, обещаю вам.

И он сдержал слово. На следующий же день он принялся распространять повсюду новость о том, что лорд Моунт-Сиверн и его дочь намерены удостоить концерт Кэна своим присутствием. Это известие наделало много шума, и мистер Кэн имел удовольствие видеть, как его скромное жилище подвергается настоящей осаде со стороны желающих попасть на концерт.

Вернувшись домой, Карлайль положил два билета перед мисс Корни.

— Что это такое? Билеты на концерт? — воскликнула мисс Карлайль. — Неужели ты купил их, Арчибальд?

— Не стоит и говорить о такой ничтожной сумме, — ответил Карлайль. — У бедного Кэна семеро детей.

— Зачем же он женился, если не может прокормить семью? — рассердилась мисс Корни.

— Ну, теперь делать нечего, билеты уже куплены.

— Будем сидеть, как два дурака, на пустых скамейках и считать свечи.

Нечего сказать, приятное занятие!

— Могу тебя утешить: в концертном зале не будет пустых скамеек, потому что Моунт-Сиверны также взяли билеты.

Как тут переполошилась мисс Карлайль!

Затем Арчибалд отправился в свою контору. По дороге ему встретился Отуэй Бетель, племянник полковника Бетеля. Отуэй шел с ружьем в руке, без которого его редко видели в окрестностях, так как он был страстным охотником. Если верить слухам, ходившим в Вест-Линне, то Отуэй Бетель не пренебрегал браконьерством, но последние полгода его совсем не было видно.

— Не верю своим глазам! — воскликнул Карлайль. — Где вы пропадали?

— Как вам сказать... Был везде понемногу. Исколесил всю Францию, а сейчас возвращаюсь из Германии.

— Бетель, — продолжал Карлайль, понизив голос, — я рад, что встретился с вами, и хочу кое о чем вас спросить. Постарайтесь припомнить ту ночь, когда был убит Галлиджон.

— О, это довольно трудно. Я стараюсь изгладить из памяти это неприятное воспоминание.

— Тем не менее прошу вас сосредоточиться. Я точно знаю, хотя об этом и не было упомянуто на следствии, что Ричард Гэр разговаривал с вами в лесу через несколько минут после того, как совершилось преступление.

— От кого вы это узнали? — спросил Бетель.

— Не важно.

— Да, я разговаривал с Ричардом и если не упомянул об этом, то лишь потому, что не хотел еще худшей участи бедняге. Он действительно догнал меня в лесу и казался чрезвычайно взволнованным.

— И он спросил, не видели ли вы человека, заходившего к Эфи и выбежавшего из коттеджа.

— Да, он спрашивал меня о каком-то Торне. Я подумал, что он сошел с ума или ломает комедию.

— Послушайте, Бетель, — продолжал мистер Карлайль, — скажите откровенно, видели ли вы на самом деле этого Торна?

— Я видел только Ричарда Гэра.

— Вы слышали выстрел?

— Разумеется, но, зная о том, что Локсли в лесу, я решил, что это он выстрелил.

— Каково же ваше собственное мнение об этом происшествии?

— Вы напрасно меня спрашиваете. Я никому не хочу вредить, а тем более Ричарду Гэру.

— Вы не понимаете, Бетель. Напротив, я стараюсь защитить его.

— Я уже сообщил вам все, что мне известно. Больше я ничего не знаю. Но, — прибавил он, — одного я не могу понять: как вы узнали о моей встрече с Ричардом, если я нислова не говорил обэтом?

— Не все ли равно, — ответил мистер Карлайль. — Очень жаль, что вы не заметили, как Торн выбежал из коттеджа.

— На вашем месте, — сказал Бетель, покачав головой, — я бы не очень верил тому, что в лесу был некий Торн. Быть может, это не что иное, как плод расстроенного воображения Ричарда Гэра.

Глава IX

Летучие мыши бьются в окно

Концерт должен был состояться в четверг, а в субботу граф Моунт-Сиверн собирался покинуть Ист-Линн. Однако очередной приступ подагры разрушил все планы лорда: ему пришлось лечь в постель и вновь воспользоваться любезным гостеприимством мистера Карлайля.

— Придется остаться здесь еще на неделю, — пожаловался дочери раздраженный граф, — а может, и на месяц.

— Не огорчайтесь так! Разве вам скучно в Ист-Линне?

— Не в этом дело. Совершенно другие причины заставляют меня покинуть поместье. И теперь ты не сможешь поехать на концерт, — прибавил он.

— Но почему?

— С кем же ты поедешь? Ведь я не могу встать с постели.

— О, папа, я же обещала приехать. Дучи собирались туда — не могу ли я присоединиться к ним?

— Конечно, можешь, — согласился больной.

Через несколько часов графу стало еще хуже. Изабелла, которой не позволяли долго оставаться в комнате отца, не подозревала о грозившей ему опасности; стоны и жалобы больного не доходили до ее ушей. Она весело собиралась, внутренне радуясь предоставленной ей свободе, и когда была готова, то вошла в комнату отца.

— Как я выгляжу? — спросила она с улыбкой.

Лорд Моунт-Сиверн поднял на дочь утомленные глаза с распухшими веками. Очаровательное видение представилось его изумленному взору. На Изабелле было белое кружевное платье, ее изящную шейку и волосы украшали бриллианты. Этот наряд и величественная осанка придавали ей вид ослепительно красивой феи.

— Изабелла... Ох! — простонал граф, приподнимаясь на постели.

— Что с вами? — спросила девушка, испугавшись.

— Я вдруг почувствовал страшную боль. Проклятая подагра! — прошептал граф. — Дитя мое, иди к себе.

— Позвольте мне остаться с вами! Я с радостью откажусь от концерта.

— Нет, — прошептал больной, корчась от боли, — мне будет лучше, если ты пойдешь. Ты ничем не можешь мне помочь. Прощай, мой ангел! Если ты увидишь мистера Карлайля, скажи ему, что я надеюсь встретиться

с ним завтра.

Для проведения концерта выбрали здание крытого рынка в ратуше. Многие более важные города, чем Вест-Линн, не могли бы похвастаться таким прекрасным в акустическом отношении залом.

Барбара Гэр также мечтала попасть на концерт, но миссис Гэр чувствовала себя слишком слабой для того, чтобы сопровождать ее, и потому было решено, что девушка отправится туда вместе с судьей Гэром, а по дороге они зайдут за Арчибальдом и Корнелией. Хотели нанять карету, но Корнелия воспротивилась этому. Вечер выдался чудесный, и Барбара была не прочь идти рядом с мистером Карлайлем.

— Почему вы теперь так редко у нас бываете? — спросила она Арчибальда.

— В последнее время я был занят. Граф очень болен и страшно скучает по вечерам, я навещал его. Впрочем, в субботу они уезжают...

— Вчера вечером, — заметила Барбара, стараясь подавить волнение, — говорили, что если бы Изабелла Вэн не принадлежала к такому знатному роду, то можно было бы подумать, будто вы за ней ухаживаете.

— Вот как! — отозвался мистер Карлайль. — Меня удивляет только одно, Барбара: что вы повторяете такой вздор.

— Это говорят другие, а не я...

Едва она договорила эту фразу, как они уже очутились перед залом ратуши. У входа собралась целая толпа. На некотором расстоянии от других экипажей стояла аристократическая карета лорда Моунт-Сиверна.

— Леди Изабелла сидит в карете! — воскликнула Барбара, проходя мимо.

Мистер Карлайль не мог понять, почему девушка в карете совершенно одна. Извинившись перед Барбарой, он покинул ее на несколько минут и отправился к экипажу Изабеллы. Заметив его, она выглянула из окна кареты и объяснила, что дожидается миссис Дучи.

— Но где же граф? — спросил Арчибальд.

— Разве вы не знаете, что он болен? — удивилась Изабелла.

— Болен?

— Да, сегодня в пять часов утра мы послали за доктором, и он не покидал его ни на минуту. Отец просил меня передать вам, что желает вас видеть.

Пожав руку Изабеллы, Арчибальд поспешил к Барбаре, с нетерпением ожидавшей его, и они оба поднялись по лестнице. В эту минуту раздался стук кареты. Толпа отхлынула, и Барбара, оглянувшись назад,

увидела достопочтенную миссис Дучи с двумя дочерьми и Изабеллой. Мистер Кэн проводил их к местам в первом ряду возле оркестра.

То же чудесное видение, показавшееся ослепительным лорду Моунт-Сиверну, поразило своим блеском и красотой всех зрителей. И только дочери миссис Дучи, отличавшиеся самой заурядной внешностью, одетые в темные шелковые платья, вытянули свои и без того длинные носы, а их достопочтенная мамаша тяжело вздохнула:

— Нужно пожалеть бедную сироту. Некому объяснить ей, как следует одеваться.

Этот концерт, как, впрочем, все провинциальные концерты, тянулся очень долго. Прошло уже довольно много времени, когда напудренный лакей лорда Моунт-Сиверна в ливрее и шелковых чулках поднялся по лестнице и, раскланявшись, попросил у стоявших возле дверей джентльменов позволения пройти. Остановившись при входе, он долго блуждал беспокойным взглядом по зале, прежде чем заметил мистера Карлайля.

— Позвольте вас спросить, сэра, — обратился он вежливо к Арчибальду, — не знаете ли вы, где сидит моя леди?

— На другом конце залы, возле оркестра.

— Я, право, не знаю, как мне пробраться к ней через эту толпу, — посетовал слуга. — А мне необходимо предупредить миледи, что милорду стало гораздо хуже.

— Я сам позову ее, — сказал мистер Карлайль.

Недовольный шепот послышался среди зрителей, когда Арчибальд, не обращая ни на что внимания, начал пробираться к леди Изабелле.

— А я уж думала, что вы не придете поговорить со мной, — сказала ему девушка. — Какой славный зал! Мне так весело!

— Зал прекрасный! — согласился Карлайль, размышляя о том, как сообщить девушке грустное известие. — Лорд Моунт-Сиверн чувствует себя не очень хорошо, — прошептал он, наклонившись к ней, — он прислал за вами карету.

Изабелла сразу же встала и, объяснившись с миссис Дучи, взяла мистера Карлайля под руку. Присутствовавшие с удивлением посмотрели на удаляющуюся пару. Вскоре Изабелла в сопровождении Арчибальда уже спускалась по лестнице. Карета подъехала к подъезду, и лакей тотчас отворил дверцу. Садясь в экипаж, Изабелла обратилась к мистеру Карлайлю с вопросом:

— Отцу совсем плохо?

— Да, миледи, но думают, что он доживет до утра.

Пронзительный крик вырвался из груди девушки. Боясь упасть, она невольно ухватилась за руку мистера Карлайля.

— Умоляю вас, успокойтесь. Быть может, все закончится благополучно.

— Не могли бы вы поехать со мной? — спросила Изабелла.

— Конечно, я не позволю вам ехать одной.

С этими словами он затворил дверцу кареты и сел рядом с кучером.

— Ну, теперь гони, не жалея лошадей, — приказал мистер Карлайль кучеру. — Иначе леди Изабелле станет совсем плохо от беспокойства.

— А завтра ей, бедняжке, будет еще хуже, — отозвался кучер. — Я служу у них уже пятнадцать лет, сэр, она на моих глазах выросла. Бедный граф!

— Такие приступы случались с ним уже не раз, — заметил Карлайль. — Возможно, все еще кончится хорошо.

— Да, сэр, но этот приступ не такой, как все другие. И потом эти летучие мыши, — прибавил кучер таинственным голосом, — не предвещают ничего хорошего. Это верный знак, что в доме будет покойник.

— Какие еще летучие мыши? — спросил Карлайль.

— После того как мы отвезли леди Изабеллу на концерт и вернулись назад, меня сразу же вызвала наша ключница миссис Мейсон. Когда я вошел в библиотеку, она сидела в кресле, облокотившись на подоконник. «Что это вам вздумалось открыть окно? — удивился я. — На улице мороз». — «Подойдите сюда и посмотрите сами», — ответила она мне резко. Я подошел к окну. Никогда за всю свою жизнь, сэр, я не видел ничего подобного. Летучие мыши носились тучами. Все они хлопали крыльями, бились о стекла и подлетали так близко, что задели бы нас, если бы мы не захлопнули окно. Вскоре после этого, сэр, в доме начался переполох. Милорд почувствовал себя очень дурно, и доктор сказал, что подагра дошла до желудка и угрожает сердцу.

— Но может случиться так, — настаивал мистер Карлайль, — что, несмотря на подагру и летучих мышей, граф все-таки оправится.

Кучер только покачал головой и, круто повернув лошадей, въехал в ворота замка. Через несколько секунд карета остановилась у подъезда, и миссис Мейсон вышла навстречу леди Изабелле. Мистер Карлайль помог девушке выйти из кареты. Она побежала в комнату отца, а Карлайль отвел ключницу в сторону и спросил:

— Есть ли какая-нибудь надежда?

— Ни малейшей, сэр, он умирает.

Граф лежал без памяти и никого не узнавал. Смерть уже наложила на

его лицо свою печать. Леди Изабелла не проронила ни одной слезы, но внутренне содрогалась при одной мысли о смерти отца.

— Неужели ему не станет лучше? — шепнула она на ухо доктору.

— Надежды мало, — признал доктор.

В эту минуту в комнату вошел мистер Карлайль. Ему также бросилось в глаза мертвенное лицо лорда Моунт-Сиверна, и он решил расспросить доктора об истинном положении дел. Заметив, что оба хотят удалиться, леди Изабелла приблизилась к Арчибальду.

— Не уходите! Когда он проснется, ему будет очень приятно увидеть вас. Он ведь так вас любит!

— Я вовсе не собирался уходить, леди Изабелла.

Грум, посланный за докторами, вернулся и привез еще троих. Когда осмотр был закончен, Изабелла спросила, есть ли хоть какая-нибудь надежда помочь ее отцу. Врачи переглянулись, но никто из них не решался ответить.

— Не молчите же! — воскликнула девушка. — Скажите мне правду! Я его единственная дочь!

Доктора решили удалить девушку из комнаты графа, так как приближалась страшная агония. После долгих уговоров Изабелла ушла в библиотеку. Она подошла к огромному камину, в котором горел яркий огонь, и прислонилась горячим лбом к мраморной доске.

— Мистер Карлайль, — позвала она, не поднимая головы.

— Я здесь, — отозвался молодой человек, последовавший за ней в библиотеку, — что я могу для вас сделать?

— Вы видите, что я покорилась вашим увещаниям, покинула комнату отца, но теперь вы должны приходить сюда и сообщать мне, в каком он состоянии.

— Ваше желание будет исполнено, — ответил Карлайль, поспешно выходя из библиотеки и оставляя леди Изабеллу вдвоем с еегорничной.

К утру девушка встревожилась еще сильнее. Арчибальд приносил ей известия из комнаты больного, но он, разумеется, смягчал факты. Изабелла не могла понять, почему ее не пускают к отцу, и, потеряв терпение, чуть было не поссорилась с мистером Карлайлем.

— Что я вам сделала? — восклицала она с горечью, стараясь сдержать душившие ее рыдания. — Почему вы так жестоко поступаете со мной? Я сижу здесь, словно в заключении. По вашей милости эта томительная ночь показалась мне в десять раз длиннее. Послушайте, когда умирал ваш отец, вас разве не пускали в его комнату?

— Простите меня, милая леди Изабелла, я не могу пустить вас к

больному.

Видя, что все усилия бесполезны, она залилась слезами и снова отошла к камину.

— О, мой бедный, милый отец! Ведь у меня никого нет, кроме тебя... — прошептала она.

— Ваши чувства мне понятны, и, быть может, уже в сотый раз за эту ночь я желаю — простите мне эту мысль, — чтобы вы были моей сестрой, тогда я смог бы лучше выразить вам свое сочувствие и утешить вас.

— В таком случае скажите мне правду. Скажите, почему меня не пускают?

— Я боюсь, я полагаю... — пробормотал мистер Карлайль.

— Вы меня обманываете! Мой отец умер! — воскликнула она.

— Нет, леди Изабелла, клянусь вам, я вас не обманываю: он еще жив, но конец уже близок.

Девушка упала на диван и уткнулась лицом в подушки.

— Он покидает меня, покидает навеки! О, мистер Карлайль, умоляю вас, дайте мне взглянуть на него, дайте мне с ним проститься!

— Я пойду узнаю, возможно ли это.

Она кивнула, и Карлайль вышел из библиотеки. Он пробыл в комнате графа всего несколько минут.

— Ну что?.. — спросила леди Изабелла, когда Арчибальд вернулся. — Могу я пойти к нему?

Мистер Карлайль сел возле нее, взял за руку и с грустью посмотрел ей в лицо.

— Как бы мне хотелось вас утешить, — проговорил он.

При этих словах Изабелла смертельно побледнела.

— Скажите мне все.

— Мне нечего сказать вам. Бог подкрепит вас, дорогая леди Изабелла.

Бедная девушка замерла, и холодный пот выступил у нее на висках. Вдруг, испустив отчаянный крик, она упала без чувств. Утренние лучи загорались на небе, возвещая миру о наступлении нового дня, но Уильям Вэн, граф Моунт-Сиверн, уже не видел их.

Глава X

Караульные у трупа

Граф умер в пятницу на рассвете. Дурные вести распространяются с быстротой молнии, так что к вечеру весь Лондон знал об этом происшествии, а на следующий день, в субботу утром, Ист-Линн заполнили кредиторы покойного лорда. Одни из них были вежливы, другие нетерпеливы, третьи грубы и сердиты; одни предъявляли свои права на мебель, другие грозили арестовать тело. Это намерение с удивительной ловкостью претворили в жизнь два человека с мрачными лицами и орлиными носами. Отделившись от толпы, они незаметно приблизились к дверям. Один из них позвонил в колокольчик, и к ним вышла служанка.

— Гроб привезли? — спросил ее незнакомец.

— Гроб? Нет еще! — ответила служанка. — Мистер Джон обещал прислать его к девяти часам, а сейчас нет еще и восьми.

— В таком случае мы подождем, — сказали странные господа. — Проводите нас в комнату его сиятельства, мы приготовим все, что нужно.

Служанка обратилась к дворецкому:

— Гробовщик прислал двух помощников, они хотят дождаться его в покоях графа.

— Мы можем остаться здесь одни, — сказали господа, когда дворецкий вошел вслед за ними, — вам нечего беспокоиться.

Слуга, ничего не подозревая, удалился, а «помощники» разместились по обеим сторонам от тела, намереваясь таким образом караулить его до тех пор, пока не будут удовлетворены их требования. Так они просидели около часа, когда дверь вдруг отворилась и перед ними появилась леди Изабелла.

— Что вам нужно? — спокойно спросила она.

— Ничего, нам здесь хорошо, — ответили они, не двигаясь с места.

Во внешности незнакомцев было что-то таинственное и отталкивающее, так что леди Изабеллу охватила дрожь.

— Но что вы здесь делаете? — повторила она в ужасе.

— Что ж, если вам угодно знать, — начал один из них, — то я скажу вам. Кажется, вы его дочь, — продолжал он, указывая пальцем на лорда Моунт-Сиверна. — Видите ли, мисс, мы выполняем пренеприятную миссию — караулим тело.

Изабелла устремила на них изумленный взгляд.

— Ваш отец, — поспешил объясниться тот же человек, — как вам, вероятно, известно, оставил очень много долгов. Наши хозяева, узнав о его смерти, прислали нас сюда и приказали нам караулить его тело, что мы и сделали.

Эти странные слова ошеломили девушку. Караулить мертвое тело! Побледнев, она вышла из комнаты. Ноги у нее подкашивались; боясь упасть, она оперлась о балюстраду лестницы; бедняжка до такой степени ослабела, что не могла пошевелиться. Снизу доносился зловещий шум — это громко ругались и спорили кредиторы. Затаив дыхание, Изабелла прислушалась.

— Зачем вам нужно видеть юную леди? — кричал дворецкий.

— Нам говорят, что, кроме нее, здесь никого нет, но беспокоить леди, видите ли, нельзя. Это уже слишком! Ведь она же помогала отцу тратить наши деньги! Она будет недостойна звания благородной леди, если не выслушает нас...

Бедная девушка едва сдерживала свой гнев и волнение. Она спустилась на несколько ступенек, все еще придерживаясь за балюстраду, а затем окликнула дворецкого.

— Миледи! — начал умоляющим голосом старый слуга. — Пожалуйста, не ходите к этим грубиянам! Я послал за мистером Карлайлем и ожидаю его с минуты на минуту.

— Разве отец действительно всем им должен? — с трепетом спросила бедная девушка.

— Боюсь, миледи, это именно так.

Леди Изабелла сразу выпрямилась, и мужество снова вернулось к ней. Она быстрым шагом прошла в столовую, где собрались кредиторы. В своем простом кисейном платице она казалась до того невинной, юной и не способной понять их дела, что вместо того, чтобы накинуться на нее с громкими жалобами, эти люди невольно умолкли.

— Я слышала, что вы хотели меня видеть, — начала девушка взволнованным и дрожащим голосом. — Я здесь. Что вам от меня нужно?

Кредиторы повторили свои просьбы, но уже спокойным и почтительным тоном.

— Дело вот в чем, — объяснил один из них, — мы не посмели бы беспокоить вас в такую минуту, но адвокаты его сиятельства, Варбертон и Вэр, к которым многие из нас обратились вчера вечером, сообщили нам, что никто из нас не получит ни шиллинга, кроме того, что удастся выручить от продажи мебели. В подобных случаях больше всех получает тот, кто является раньше других.

— К несчастью, вы опоздали, любезнейший, — вмешался другой кредитор. — Предположим, что деньги, вырученные за мебель, разделят между всеми нами, но ведь это все равно, что вылить в Темзу ведро воды.

— Что же я могу сделать? — в отчаянии воскликнула леди Изабелла. — Чего вы хотите от меня? У меня нет денег...

— Ваш отец был негодяем! — раздался чей-то запальчивый голос. — Он всех обманывал и разорил тысячи честных людей.

Эти слова заглушил неодобрительный ропот. Многих тронуло признание беззащитной девушки, которую некому было защитить.

— Я возвращаюсь к тому же вопросу, — еще раз проговорил раздражительный господин, не обращая внимания на укоризненный ропот соседей, — и спрашиваю вас, мисс, не осталось ли наличных денег, которые могли бы...

При появлении мистера Карлайля говоривший умолк. Увидев бледное лицо и дрожащие руки леди Изабеллы, Арчибальд сразу понял, в чем дело, и без церемоний перебил бестактного кредитора.

— Что это значит? — грозно спросил он. — Что вам нужно?

— Вам ли этого не знать, — язвительно заметил неугомонный оратор. — Если вы друг покойного лорда, то, конечно, вам известно, что мы требуем уплаты долгов.

— Очень может быть, — произнес мистер Карлайль, — но, во всяком случае, здесь не место для этого. Вы должны обратиться к Варбертону и Вэру, тем более что замок больше не принадлежит лорду Моунт-Сиверну.

— Какой вздор! — послышалось со всех сторон.

— Послушайте, господа! — продолжал мистер Карлайль просто и с достоинством. — Даю вам честное слово, что несколько месяцев назад это поместье вместе с домом и со всем, что в нем находится, законным образом перешло от лорда Моунт-Сиверна к другому человеку. Новый владелец пригласил к себе графа погостить, а болезнь задержала его в этих стенах до последней горестной минуты. Если вы все еще сомневаетесь в правдивости моих слов, то спросите об этом его адвокатов.

— Позвольте узнать, кто же купил это поместье?

— Мистер Карлайль из Вест-Линна. Быть может, некоторым из вас это имя незнакомо?

— Как же, он очень многим известен как опытный адвокат, достойный сын своего отца.

— Мистер Карлайль — это я, — произнес молодой человек.

— И вы выплатили графу весь капитал?

— Разумеется, я заплатил ему наличными деньгами, в июне.

— Что же сделал с этими деньгами лорд Моунт-Сиверн?

— Я не знаю, — ответил мистер Карлайль, — и это меня не касается.

В столовой снова поднялся ропот.

— Странно, что граф оставался три месяца в чужом доме, — возразили некоторые.

— Вам это может казаться странным, потому что вам неизвестно, как его мучила подагра.

— И вы говорите, что купили мебель?

— Да, и все, что находится в замке, принадлежит мне; я могу представить вам доказательства. Это мой дом, я вам ровно ничего не должен, так что покорнейше прошу вас удалиться.

Затем Карлайль предложил руку девушке и увел ее из столовой. Сам он намеревался вернуться и закончить это дело. Едва он затворил дверь, как леди Изабелла расплакалась.

— О, если бы вы знали, как я сожалею о том, что все так получилось, — сказал ей Карлайль. — Если бы я мог предвидеть всю эту сцену, то, без сомнения, избавил бы вас от нее. Позвать к вам миссис Мейсон или вы сможете подняться наверх без ее помощи?

— О да, я смогу... Я так боюсь, наверху еще двое... они караулят отца...

— Позвольте мне сначала выпроводить всех этих людей, дорогая леди Изабелла, — сказал Карлайль.

— Какие-то негодяи, сэр, завладели телом графа, — шепнул ему дворецкий, когда Изабелла удалилась. — Они обманом пробрались наверх, в спальню, сказав, что их прислал гробовщик, а теперь признались, что не позволят похоронить покойного, пока им не заплатят долг. Это так поразило всех нас, что мы до сих пор не можем прийти в себя.

Мистер Карлайль кивнул и вернулся в столовую, где по-прежнему бушевали нетерпеливые кредиторы, обманутые графом и не щадившие теперь его памяти. Но в конце концов они смолкли перед разумными увещеваниями Арчибальда и больше не посмели оставаться в его доме.

Но этим все не кончилось: мистер Карлайль прекрасно понимал, что отделаться от людей, карауливших труп, будет не так просто. Расспросив их о цели столь дерзкого поступка, осведомившись о правах, которые они имели на личность покойного графа, он так и не смог ничего сделать. Прежде чем приступить к дальнейшему расследованию этого печального случая, необходимо было дождаться приезда мистера Вэна, унаследовавшего от покойного титул графа Моунт-Сиверна и жившего в замке Марлинг.

На следующий день, в воскресенье, мистер Карлайль отправился в Ист-Линн, надеясь встретить там мистера Вэна. Но последний еще не приезжал, а Изабелла весь день просидела одна в столовой на низеньком диване возле камина. Арчибальд не мог не заметить ее болезненного вида и поинтересовался, как она провела ночь.

— Я очень озябла и целую ночь не могла сомкнуть глаз, — ответила она. — Странно, что мистер Вэн не едет.

— А почта пришла?

— Не знаю. По крайней мере, мне не приносили никаких писем.

Едва она произнесла эти слова, как вошел дворецкий с серебряным подносом, на котором лежало несколько писем. Изабелла взяла пакет с печатью замка Марлинг и распечатала его.

— Это почерк миссис Вэн!

В письме говорилось следующее:

«Замок Марлинг. Суббота.

Моя милая Изабелла, я позволила себе распечатать письмо мистера Карлайля к моему мужу, который крейсирует на яхте. Не нахожу слов, чтобы выразить вам, как меня огорчило известие о смерти графа. Мой муж писал, что вернется домой в воскресенье. Не беспокойтесь, он сразу же поспешит в Ист-Линн. Я слишком расстроена, поэтому отказываю себе в удовольствии написать вам больше. Постарайтесь не унывать и не забывайте искренне преданную вам Эмму Моунт-Сиверн».

Бледные щеки Изабеллы вспыхнули, когда она прочла подпись своей родственницы. Эмма Вэн поспешила присвоить себетитул графини Моунт-Сиверн. Тяжело вздохнув, девушка передала письмо мистеру Карлайлю. Тот быстро пробежал его глазами и, взглянув на подпись миссис Вэн, нахмурился, как будто его посетила та же мысль, что и Изабеллу.

— Миссис Вэн могла бы сама приехать и утешить вас, — заметил он.

Изабелла задумалась. Мрачные предчувствия не переставали волновать ее.

— Мистер Карлайль, — спросила она наконец, — как давно этот дом принадлежит вам?

— Он был куплен в июне. Разве лорд Моунт-Сиверн никогда не говорил вам об этом?

— Никогда. И все эти вещи тоже ваши? — прибавила Изабелла, окидывая комнату взглядом.

— Мебель продана вместе с домом, но все это, — прибавил он, указывая на серебряную посуду, стоявшую на столике (Изабелла не притрагивалась к завтраку, хотя столик был сервирован с самого утра), —

не продано, как и белье.

— Белье и серебряные вещи! — повторила молодая девушка. — В таком случае эти люди, которые были здесь вчера, могут воспользоваться ими?

— Не думаю. Кажется, серебро переходит вместе с майоратом, точно так же, как и бриллианты. Белье же не представляет особой ценности.

— А мои платья принадлежат мне?

Мистер Карлайль грустно улыбнулся. Этот простой и наивный вопрос растрогал его до глубины души.

— Без сомнения, эти платья не могут принадлежать никому другому.

— Отец остался вам должен? — спросила она робко.

— Нет, — ответил Арчибальд. — Лорд Моунт-Сиверн никогда не был мне должен.

— Однако вы купили Ист-Линн!

— Как мог бы купить любой другой, — ответил он, догадавшись об истинном смысле ее вопроса. — Мне хотелось выгодно вложить капитал, и я решил, что лучше всего купить имение. В то время как раз продавался Ист-Линн, и я стал его владельцем.

— Я вполне осознаю свое незавидное положение, мистер Карлайль, — продолжала Изабелла, и слезы невольно покатались по ее щекам, — мне совестно оставаться в вашем доме. Но что же мне делать? Ведь это случилось не по моей вине!

— Поверьте, что мне очень приятно видеть вас гостьей в этом доме. Вы можете оставаться здесь столько, сколько пожелаете.

— Вы так добры ко мне, — пролепетала Изабелла, — да, я пробуду здесь еще несколько дней, до тех пор... пока... что-нибудь не придумаю... О! Неужели дела отца были действительно так плохи, что у меня ничего не осталось?

— Да, насколько я могу судить, — откровенно ответил Карлайль. — Впрочем, может быть, за вами закреплено что-нибудь. Варбертон и Вэр...

— Нет, — перебила его Изабелла, — я никогда не слышала, чтобы за мной было что-нибудь закреплено. У меня нет ничего — ни крова, ни денег. Этот дом ваш, а лондонский дом и замок Моунт-Сиверн переходят мистеру Вэну.

— Но мистер Вэн будет рад видеть вас в вашем же доме!

— Мне?! Поселиться в одном доме с миссис Вэн?! — воскликнула Изабелла так, будто эти слова уязвили ее. — О чем вы говорите, мистер Карлайль?

— Извините, леди Изабелла, я не осмелился бы сам заговорить об

этом...

— Нет, это я должна просить у вас прощения, — возразила девушка уже спокойнее. — Я чувствую ваше участие и благодарю вас за доброту.

Мистер Карлайль встал, чтобы проститься. Ему казалось, что дальнейшее его присутствие здесь бесполезно; кроме того, он не хотел беспокоить Изабеллу. Когда Арчибальд уже выходил из дома, в дверях его догнала ключница:

— Говорят, есть известия из замка Марлинг. Юная леди получила письмо? Когда же будет мистер Вэн?

— Мистер Вэн отсутствует, — ответил мистер Карлайль. — Миссис Вэн, получив мое письмо, написала ему обо всем. Будем надеяться, что он приедет сегодня.

— Что же мы будем делать, если он не приедет? — произнесла таинственным голосом миссис Мейсон. — Свинцовый гроб следовало бы заколотить... Вы же знаете, сэр, как умер наш бедный господин.

— Честное слово, я пока ничего не могу вам сказать. Подобные случаи настолько редки, что я не знаю, насколько все это законно. Когда приедет мистер Вэн, немедленно пришлите за мной.

Глава XI

Новый пэр и банковский билет

В тот же день после полудня почтовый экипаж вместе с новым пэром лордом Моунт-Сиверном уже мчался по аллее. Он высадился на железнодорожной станции, находящейся в пяти милях от Вест-Линна. Мистер Карлайль немедленно явился к нему, и почти в одно время с ним приехал из Лондона Варбертон. Дела помешали ему приехать раньше и застать графа в живых. Новый граф не рассчитывал на блестящее положение дел своего родственника, но он никак не думал, что все настолько плохо.

— Лорд Моунт-Сиверн был самым сумасбродным кутилой, о котором мне когда-либо приходилось слышать! — воскликнул он.

— Да, он поступил непростительно по отношению к своей дочери, — согласились мистер Карлайль и мистер Варбертон.

— Это просто безумие, — не унимался граф. — Ни один человек, находясь в здравом уме, не бросил бы дочь на произвол судьбы. У нее же нет за душой ни шиллинга.

— Вы совершенно правы, милорд, — сказал мистер Варбертон. — Поместья переходят к вам, а если останется какое-нибудь движимое имущество, то его заберут кредиторы.

— Я слышал от Изабеллы, что Ист-Линн принадлежит вам? — обратился граф к мистеру Карлайлю.

— Да, мне, — ответил он, — я купил его еще в июне. Кажется, лорд старался держать это в тайне.

— Иначе и быть не могло, — вмешался мистер Варбертон. — Если бы он сообщил о продаже Ист-Лина, то кредиторы не оставили бы в его руках ни пенни. Кроме нас и поверенных мистера Карлайля, об этом деле никто не знал.

— Позвольте заметить, сэр, — произнес граф не без упрека, — я нахожу весьма странным, что, зная положение дел графа, вы не заступились за права его дочери!

— Да, мы знали о положении его дел, но вместе с тем понимали, что уговаривать его совершенно бесполезно, — возразил мистер Варбертон. — Он давно упустил то время, когда мог обеспечить леди Изабеллу. Раза два я пробовал вмешаться, но, по-видимому, это была болезненная струна, и он избегал разговоров на эту тему.

— Не говорите мне этого, сэръ! Он мог бы застраховать свою жизнь за несколько тысяч. А теперь у бедной девушки нет ничего. Разве это не доказывает его бессердечие?

— Все это я очень хорошо понимаю, милорд, — ответил адвокат. — Но вы имеете весьма приблизительные сведения о долгах покойного графа. Одни проценты, которые он должен был ежегодно выплачивать, равнялись невероятной цифре. Он всю жизнь только и делал, что подписывал векселя!

— Какая отвратительная непредусмотрительность! Какое постыдное мотовство! — горячился граф. — Бессердечный, малодушный человек! Он жил разбойником, умер нищим и оставил дочь на милость чужих людей!

— Она больше всех достойна сожаления, — сказал Карлайль. — Где она будет жить?

— Разумеется, у меня, — ответил граф. — И я надеюсь, что ей не придется сожалеть о том доме, где говорили только о долгах.

— Насколько мне известно, леди Изабелла ничего не знала о положении дел графа. Отец скрывал от нее все неприятности, — заметил мистер Карлайль.

— Чушь! — воскликнул недовольный граф.

— Прошу прощения, милорд, — возразил мистер Варбертон, — но то, что сказал мистер Карлайль, суцая правда. Благодаря деньгам, вырученным за продажу Ист-Линна, лорд мог еще некоторое время пожить по-старому, на широкую ногу. Как бы то ни было, теперь расточительность покойного уже никого не возмутит.

— Нет, возмутит, — перебил лорд Моунт-Сиверн. — Разве могут подобные вещи не иметь последствий? Я слышал, что вчера утром здесь происходила чудовищная сцена: несчастные обманутые люди во весь голос требовали справедливости. Изабелла говорит, что вам, мистер Карлайль, удалось заставить их удалиться.

— Да, я убедил их, что оставаться здесь бесполезно, так как Ист-Линн со всей мебелью принадлежит мне. Но наверху до сих пор сидят два человека, которые завладели телом покойного. Со вчерашнего утра эти двое ни на минуту не отходят от трупа. Кажется, к ним приходит еще и третий, который сменяет каждого из них поочередно.

— Но возможно ли, чтобы подобные вещи допускались английскими законами! — волновался граф. — Караулить мертвеца! Но ведь это ужасно! У меня кровь стынет в жилах при одной мысли об этом... Что же нам теперь делать? Как нам похоронить его?

— Да, это затруднительно. Ключница говорит, что эти люди не позволяют даже заколотить свинцовый гроб, а между тем это следует

сделать как можно скорее.

— А кто эти люди, вы знаете? — поинтересовался мистер Варбертон.

— Они присланы неким Энсти, — пояснил Арчибальд. — В связи с отсутствием членов семьи я решил сам войти в комнату покойного и расспросить этих людей. Долг составляет почти три тысячи фунтов стерлингов.

Пока джентльмены обдумывают, как им быть, оставим их и вернемся к Изабелле. Она сидела одна в своей комнате, подавленная страхом и тягостными предчувствиями. Лорд Моунт-Сиверн сказал ей, что она будет жить с ним и его женой. Он предложил ей это совершенно искренне, и леди Изабелла, склонив голову, прошептала: «Благодарю вас!» Но как только граф вышел, слезы отчаяния брызнули из ее глаз.

— Жить под одной крышей с миссис Вэн! — убивалась бедная девушка. — Нет, ни за что на свете! Лучше умереть! Лучше трудиться, имея ни минуты покоя, и есть черствый хлеб, чем подвергаться такому унижению.

Но в действительности у Изабеллы не оставалось другого выхода, кроме как поселиться у леди Моунт-Сиверн. Лорд пожелал немедленно отправить девушку в замок Марлинг, но она воспротивилась этому, и решено было, что она поедет туда на следующий день после похорон.

Мистер Варбертон, побеседовав по поручению графа с людьми, караулившими тело покойного лорда, и выплатив им три тысячи фунтов, сказал, что они могут удалиться не раньше чем после похорон. Если бы они ушли сразу, этот трюк могли повторить и другие кредиторы.

В пятницу утром графа похоронили в церкви Святого Иуды в Вест-Линне. Изабеллу это сильно возмутило: она надеялась, что отца похоронят в Моунт-Сиверне. Но граф, благородно исполнив свой долг по отношению к умершему родственнику, не считал нужным тратить больше, чем следовало. Гроб провожали только граф и мистер Карлайль. Хотя последний и не был родственником покойного лорда, но граф пригласил его, вероятно, потому, что не хотел один шествовать во главе процессии. Несколько аристократов графства держали покров гроба, за которым следовала длинная вереница экипажей.

На следующее утро в доме поднялась суматоха: граф и Изабелла уезжали, но не вместе. Прислуга также расходилась. Граф торопился в Лондон. Экипаж, в котором он отправлялся на станцию железной дороги, уже стоял у подъезда, когда пришел мистер Карлайль.

— Позвольте мне выразить вам свою признательность, — обратился к нему граф. — Я не знаю, что бы я без вас делал. Мне кажется, что без вас я

никогда не вышел бы из этого неприятного положения. Вы дали слово нанести мне визит; надеюсь, вы не замедлите исполнить ваше обещание.

— Непременно, если буду неподалеку, — проговорил мистер Карлайль с улыбкой.

В эту минуту вошла Изабелла, одетая в дорожный костюм, так как она уезжала сразу же после графа. Лицо ее скрывалось за траурной вуалью, которую она приподняла и откинула на шляпку.

— Мне давно пора проститься с вами, Изабелла, — сказал граф. — Не нужно ли вам чего?

Девушка хотела что-то сказать, но взглянула на мистера Карлайля, стоявшего у окна, и передумала.

— Ну что же, моя милая? — продолжал граф, торопясь уехать. — Вам не придется ни о чем беспокоиться. Не забудьте только взять с собой что-нибудь на завтрак, потому что вы попадете в замок Марлинг не раньше обеда. Передайте миссис Вэн, то есть леди Моунт-Сиверн, что я не успел написать ей, но, как только буду в Лондоне, обязательно ей телеграфирую.

Взволнованная Изабелла молча стояла перед ним, беспрестанно меняясь в лице.

— Что с вами? — спросил граф. — Кажется, вы хотите мне что-то сказать.

Она не знала, как начать. Ей было совестно высказать свое желание, а присутствие мистера Карлайля еще больше стесняло девушку.

— Мне... мне не хотелось бы беспокоить вас, граф, — пробормотала она, и краска неволью выступила у нее на лице, — но... у меня нет денег!

— Ах, извините меня, пожалуйста, Изабелла, — произнес тот с живостью, — мне так досадно, что я не подумал об этом раньше...

Он расстегнул сюртук, вынул бумажник и задумался.

— Сейчас я не могу дать вам больше трех фунтов, дорогая, — произнес он. — Но, полагаю, этого будет достаточно. Впрочем, у дворецкого Поунда есть деньги на дорогу, а когда вы приедете в замок, то вам стоит только сказать леди Моунт-Сиверн, и она, конечно, выделит вам необходимую сумму.

С этими словами он выложил на стол несколько соверенов и простился с леди Изабеллой, пожелав ей счастливого пути. Проводив графа до кареты, Арчибальд снова вернулся к Изабелле, которая все еще находилась в столовой и собирала со стола золотые монеты; лицо ее было смертельно-бледным.

— У меня есть к вам просьба, мистер Карлайль, — обратилась к нему девушка.

— Я готов сделать для вас все, что смогу, — ответил тот.

— Пожалуйста, передайте это мистеру Кэну, — произнесла она, протягивая молодому человеку деньги. — Я просила горничную заплатить ему, но она уже истратила то, что я дала ей. Передайте же их ему, вы сделаете мне большое одолжение.

— Но этого слишком много, — осмелился заметить мистер Карлайль.

— Нет, я должна ему за билеты и за то, что он настраивал фортепьяно. Кроме того, он нуждается в деньгах гораздо сильнее, чем я, — прибавила она, стараясь улыбнуться. — Если бы это было не для него, я никогда не собралась бы с духом обратиться с просьбой к лорду Моунт-Сиверну. Знаете, что бы я тогда сделала?

— Что же?

Она хотела ответить, но в эту минуту их внимание привлек неожиданный шум. Они быстро подошли к окну и увидели, что перед крыльцом остановилась карета, в которой леди Изабелла должна была ехать до станции железной дороги.

— Мне пора! — прошептала девушка. — Мистер Карлайль, позвольте мне оставить вам кое-что на память — золотых и серебряных рыбок, которых я купила несколько недель назад.

— Почему же вы не хотите взять их с собой?

— Чтобы их увидела леди Моунт-Сиверн? Нет! Я предпочитаю оставить их у вас. Бросайте им иногда хлебные крошки... — Она произнесла эти слова с сильным волнением, и слезы градом покатались по ее лицу.

— Успокойтесь, присядьте на минуту.

— Нет-нет, я лучше поеду.

Изабелла села в карету, и Арчибальд, отворив дверцу и наклонившись к девушке, протянул ей руку.

— Простите меня, мистер Карлайль, — прошептала бедная девушка, — я до сих пор ни разу не поблагодарила вас за вашу доброту. Но я не могла... вы, конечно, поняли?

— Я хотел бы сделать для вас гораздо больше, — ответил молодой человек, — я хотел бы избавить вас от всех тревог, которые вас мучили, но наши дороги расходятся... Прощайте, дорогая леди Изабелла, и да хранит вас Бог!

Кучер ударил кнутом, и лошади побежали крупной рысью. Изабелла вжалась в угол кареты и расплакалась. Немного успокоившись, она заметила какую-то бумажку, лежавшую между складками ее платья. Развернув ее, девушка увидела, что перед ней банковский билет на сто

фунтов стерлингов. «Но откуда ему было взяться? От кого он?» — недоумевала Изабелла. Тут внезапная мысль озарила ее, щеки вспыхнули, а руки задрожали от гнева. Только мистер Карлайль мог оставить ей этот билет.

Прежде всего она почувствовала себя оскорбленной. Немного успокоившись, она вспомнила о своем безвыходном положении, и гнев ее исчез, а благодарность снова наполнила сердце. Она мысленно удивлялась его великодушию. Но что же ей делать с этим билетом? Отослать обратно? Но это значило бы оскорбить благородное сердце. И за что же? За его преданность и внимание? Нет, она оставит эти деньги у себя и дожидется случая вернуть их ему лично.

В это самое время, опершись о садовую ограду, в густой тени деревьев стояла Барбара Гэр. Она знала, что леди Изабелла уезжает из Ист-Линна, и, увлеченная любопытством, свойственным всем женщинам, а также чувством ревности к сопернице, она дожидалась, когда мимо проедет карета, чтобы взглянуть на Изабеллу. Но ожидание обмануло ее: шторы были опущены. Экипаж давно скрылся из виду, а Барбара все стояла на прежнем месте и, быть может, простояла бы еще дольше, если бы перед ней не появился ее отец, только что вернувшийся из Вест-Линна.

— Барбара, — обратился он к ней, — ты не видела мистера Карлайля?

— Нет, отец.

— Я заходил к нему в контору и узнал, что он в замке Ист-Линн. По всей вероятности, он пройдет мимо нас, и я задержу его на минуту.

Судья облокотился о ворота, Барбара стояла рядом с ним.

— Ты слышала новость, Барбара? — сказал мистер Гэр. — Все толкуют о том, что мистер Карлайль...

Судья замолк и вышел на дорогу, желая посмотреть, не идет ли Арчибальд. Барбара сгорала от нетерпения, желая услышать окончание фразы.

— Посмотри-ка, ведь это мистер Карлайль, — воскликнул судья. — Говорят, что он купил Ист-Линн.

— Неужели? — изумилась девушка.

— Почему бы и нет? Как у него, так и у его сестры денег куры не клюют. Я хотел разговорить старого Дилла, но он, как обычно, молчит, и я от него ничего не добился.

— А! Вот и вы! Здравствуйте, мой любезный, — мистер Гэр еще издали поприветствовал мистера Карлайля. — Я ждал вас с нетерпением, чтобы узнать, нет ли у вас новостей от начальства благотворительного общества... Наш комитет желает передать на его попечение бедняков.

— Да, — ответил молодой человек, — новости есть. Общество решило принять их, отправляйте хоть сейчас.

— Это решение меня очень радует, — продолжал судья. — Кстати, мистер Карлайль, скажите, пожалуйста, правда ли то, что вы купили Ист-Линн?

— Да, Ист-Линн теперь принадлежит мне.

— Вот как! Ну, адвокаты умеют отлично улаживать свои дела, без всяких проволочек. Не прошло и недели, как умер граф, а Ист-Линн уже в ваших руках, сэр.

— Ист-Линн принадлежал мне еще за несколько месяцев до смерти графа.

— Да ведь граф жил там! Ну, думаю, он щедро заплатил вам за свое пребывание в замке!

— Я не взял с него ничего, — ответил Арчибальд, улыбнувшись. — Он жил у меня как почетный гость.

— Тем хуже для вас! — воскликнул судья. — Извините меня, мистер Карлайль, — сказал он, спохватившись. — Говорят, граф невероятно запутал свои дела.

— Очень запутал, — подтвердила Барбара, — я слышала вчера, что у леди Изабеллы ничего не осталось, что ей даже не на что было купить траурное платье... Неужели это правда, Арчибальд?

Карлайль не мог не улыбнуться.

— Удивляюсь, как еще не говорят о том, что леди Изабелла вовсе не носит траура, потому что у нее нет денег... Однако нам пора проститься, мистер Гэр. До свидания, Барбара!

* * *

Когда лорд Моунт-Сиверн прибыл в Лондон и остановился в гостинице, где останавливались Вэны, первой, кого он встретил, была его собственная жена. Граф очень удивился, так как рассчитывал, что она останется в замке Марлинг. Леди Моунт-Сиверн объяснила все весьма просто: она пожелала сама заказать траур в Лондоне. С ней был и их сын Уильям.

— Очень жаль, что ты приехала в Лондон, — сказал граф, — потому что Изабелла отправилась сегодня в замок Марлинг.

— Что это значит? С какой целью она туда отправилась? — спросила леди Моунт-Сиверн, гордо подняв голову.

— Пожалуйста, не спрашивай меня, это очень печальная история! Лорд Моунт-Сиверн умер почти нищим, не оставив Изабелле ни шиллинга.

— В этом нет ничего удивительного. Но что же она будет делать? Где она будет жить?

— Как это где? Она будет жить у нас. Вероятно...

— У нас? — закричала леди Моунт-Сиверн. — Этого не будет! Послушай, Раймунд, я не хочу, чтобы Изабелла Вэн жила в моем доме. Я ненавижу ее. Как ты мог быть до такой степени малодушным, что одобрил ее желание поехать к нам?

— Я ничего не одобрял, — холодно заметил граф, — я сам предложил ей поселиться у нас. Не мог же я бросить беззащитную сироту. Разве ты этого не понимаешь?

— Нет, нет! — воскликнула графиня. — Не огорчай меня, Раймунд.

— Изабелла теперь уже в замке Марлинг, — продолжал новый пэр, — и она там останется. Когда ты вернешься туда, то не посмеешь ее выгнать, потому что я этого не желаю. Неужели ты смогла бы отослать ее в рабочий дом? Нет, ты не посмеешь! Что о нас скажут в свете? Признаюсь, я думал, что ты будешь добрее, Эмма.

Леди Моунт-Сиверн ничего не ответила. Злоба продолжала бушевать в ее сердце.

— Не понимаю, что тебя так встревожило, — продолжал граф со своим обычным хладнокровием. — Изабелла не обременит тебя надолго. Такая хорошенькая девушка, как она, скоро выйдет замуж.

— А я постараюсь сделать так, чтобы она вышла за первого, кто за нее посватается, — сердито сказала леди Моунт-Сиверн. — Можешь быть в этом уверен.

Глава XV

Жизнь в замке Марлинг

Изабелла прожила уже около десяти дней в своем новом жилище, когда лорд и леди Моунт-Сиверн приехали наконец в замок Марлинг. В сущности, это был не замок, а самое незатейливое здание. Граф встретил Изабеллу по-дружески, но графиня обращалась с ней до такой степени небрежно и покровительственно, что щеки девушки не раз вспыхивали от негодования. Леди Моунт-Сиверн была тщеславна. Она окружала себя только теми поверхностными людьми, которые курили ей фимиам.

В понедельник миссис Левисон — бабушка леди Моунт-Сиверн — приехала в замок Марлинг вместе с Фрэнсисом Левисоном. Все шло своим чередом до пятницы, но затем в сердце графини снова пробудилось чувство зависти, так как Фрэнсис Левисон не переставал уделять внимание Изабелле.

В пятницу утром девушка отправилась погулять с маленьким Уильямом — сыном графини. Фрэнсис Левисон присоединился к ним, и все трое вернулись домой только к обеду. Все это время леди Моунт-Сиверн не переставала волноваться, так как миссис Левисон постоянно удерживала ее возле себя. Чем медленнее тянулось время, тем сильнее в ней разгоралась ненависть к Изабелле. Перед обедом девушка вошла в свою комнату и попросила горничную причесать ее. Марвель встала позади стула, а маленький Уильям играл неподалеку. Вдруг дверь с шумом отворилась, и вошла графиня.

— Где вы были? — спросила она, задыхаясь от гнева.

— Мы гуляли в парке, — ответила девушка.

— Как вы смеете это делать?

— Я вас не понимаю, — произнесла Изабелла, и сердце ее болезненно сжалось.

— Вам недостаточно того, что я приютила вас в своем доме! Вам нужно устраивать мне всевозможные неприятности. Вы целых три часа гуляли с Фрэнсисом Левисоном... Вы только и делаете, что кокетничаете с ним с самого его приезда...

Высвободив волосы из рук горничной, Изабелла выпрямилась во весь рост и, посмотрев на графиню, произнесла сдержанным, но твердым голосом:

— Я нисколько не кокетничаю и никогда этого не делала. Я

предоставляю это, — в голосе Изабеллы помимо ее воли послышалось презрение, — замужним женщинам, хотя мне кажется, что для них это совершенно непростительно. В этом доме кокетничает только одна особа, и это вы, леди Моунт-Сиверн!

Услышав эту истину из уст Изабеллы, графиня вся побелела от ярости и, не помня себя от гнева, ударила ее по лицу. Испуганная и униженная, девушка едва удержалась на ногах, и не успела она выговорить слова, как миледи снова ее ударила. Изабелла задрожала, пронзительно вскрикнула и, закрыв лицо руками, опустилась на стул. Пораженная Марвель подняла глаза к небу, а Уильям заревел так громко, как будто ударили его самого.

Изабелла не спала всю ночь; горькие, жгучие слезы лились из ее глаз. Она не хотела больше оставаться в замке Марлинг. Сотню раз за эту ночь она пожалела о том, что не лежит возле своего отца. После этой бессонной ночи она встала слабая и больная. Марвель принесла ей завтрак, Уильям также пробрался к ней в комнату — он уже успел горячо привязаться к девушке.

— Мама уезжает, — пролепетал он, — посмотрите, Изабелла.

Она подошла к окну и увидела, что леди Моунт-Сиверн сидела в коляске, а Фрэнсис Левисон был верхом.

— Теперь мы можем спуститься вниз, там никого нет, — сказал ребенок.

Изабелла согласилась. Не успели они войти в столовую, как их с карточкой на подносе встретил слуга.

— Какой-то джентльмен желает вас видеть, миледи, — произнес он.

— Ах, это мистер Карлайль! — прочитав карточку, прошептала Изабелла. — Пожалуйста, пригласите его войти.

Один из клиентов Арчибальда, путешествуя по Англии, неожиданно заболел, и ему пришлось остановиться в городе Марлинге, по соседству с которым и находилось поместье графа Моунт-Сиверна. Больной немедленно послал телеграмму Карлайлю, так как пожелал написать завещание. Это незапланированное путешествие было чистой случайностью для Карлайля, а между тем оно сыграло в его жизни огромную роль.

— Какая неожиданная встреча! — поприветствовала гостя Изабелла. — Как я рада вас видеть!

— Я был в Марлинге по делам, но не мог уехать, не повидавшись с вами.

— Видите, как быстро сбылось то, о чем я говорила, мистер Карлайль. Вот мы с вами и встретились... Вы...

Изабелла замолчала. Она вспомнила о билете в сто фунтов и сконфузилась, потому что — увы! — разменяла билет и даже истратила часть денег! Могла ли она поступить иначе? У нее не достало бы мужества попросить денег у леди Моунт-Сиверн, а граф почти всегда отсутствовал.

— Я, право, не знаю, что сказать, — пробормотала она, — я хотела поблагодарить, вас. Мне так совестно было тратить... но я...

— Ну что вы! — перебил ее Арчибальд, смеясь. — Не нужно говорить об этом.

Мистер Карлайль не мог не заметить Изабелле, что она очень изменилась.

— Я не могу быть в замке Марлинг такой, какой я была в Ист-Линне.

— Надеюсь, что вам здесь все-таки неплохо живется, — сказал мистер Карлайль.

Она устремила на него взгляд, который так никогда и не изгладился из его памяти; в нем выразилось самое глубокое отчаяние.

— Нет, — произнесла молодая девушка, качая головой, — я не могу оставаться в этом доме, я здесь слишком несчастна! Я не спала целую ночь — все гадала, куда мне уехать. И ничего не придумала. У меня нет друга в целом мире.

Маленький лорд Вэн подошел к Карлайлю.

— Изабелла сказала мне сегодня утром, что она не может остаться у нас, — начал ребенок, — и знаете почему? Потому что мама вчера рассердилась и ударила ее...

— Молчи, Уильям, — перебила его Изабелла, вспыхнув, и позвонила в колокольчик.

Пришел слуга и увел маленького лорда в детскую.

— Неужели это правда? — спросил ее вполголоса Арчибальд, когда она подошла к нему ближе. — Да, вы действительно нуждаетесь в друге.

— Я веду здесь самое безотрадное существование, — призналась бедная девушка, и прошлая жизнь прошла перед ее мысленным взором, как очаровательное видение. — О, почему я не в силах воскресить моего милого отца? Почему я не могу вернуть нашей тихой и радостной жизни? Да, Ист-Линн показался бы мне теперь раем!

Что мог возразить на это мистер Карлайль? Почему от волнения у него перехватило дыхание, а лицо залилось краской?

— Если мои слова покажутся вам оскорбительными, то не придавайте им значения и простите меня. Не захотите ли вы... когда-нибудь... вернуться в Ист-Линн в качестве его законной владелицы?

— Вернуться в Ист-Линн в качестве его законной владелицы? —

изумилась она.

— И моей жены.

Эти слова поразили ее. Она так доверчиво беседовала с мистером Карлайлем, так свободно открывала ему свои чувства! Она считала его своим самым искренним другом, искала в его словах опору, наконец, любила его как брата, но стать его женой! Эта мысль еще ни разу не приходила ей в голову, и поначалу она воспротивилась ей. Изабелла попыталась высвободить свою руку и отступить назад, но мистер Карлайль не допустил этого. Он не только удержал эту руку, но и взял другую, признаваясь ей в горячей любви. Он говорил Изабелле не пустые заученные фразы, а серьезные и глубокие слова нежности. И если бы другой образне занимал воображения девушки, то, вероятно, она ответила бы «да».

Разговор их был неожиданно прерван появлением леди Моунт-Сиверн. Она замерла в величественной позе и своим ястребиным взглядом потребовала объяснений. Желая избавить леди Изабеллу от замешательства, Карлайль сам представился графине.

— Я слышала о вас, — проговорила миледи, любуясь приятной внешностью молодого человека. — Но я не знала, что вы и Изабелла Вэн находитесь в таких близких отношениях, что...

— Миледи, — возразил Карлайль, предлагая стул графине Моунт-Сиверн, — мы никогда не были в близких отношениях, но сегодня я попросил леди Изабеллу стать моей женой.

Лицо графини просветлело. Наконец-то ей представилась возможность отделаться от ненавистной Изабеллы.

— Как она должна быть вам благодарна! — сказала леди Моунт-Сиверн. — Я говорю с вами откровенно, мистер Карлайль, потому что вы знаете, как граф был непредусмотрителен по отношению к дочери. Он не оставил ей ни шиллинга. Ты согласилась, Изабелла?

Не удостоив ее ответом, девушка приблизилась к мистеру Карлайлю и тихо произнесла:

— Вы дадите мне несколько часов на размышление?

— Я очень рад, что вы считаете мое предложение достойным размышления, — ответил Карлайль, — это дарит мне надежду.

Он отворил перед ней дверь, и девушка вышла. Оставшись одна в своей комнате, Изабелла думала: «Это лучший выход из моего безотрадного положения, однако... Я не только не люблю мистера Карлайля, но и боюсь, что люблю Фрэнсиса Левисона. Зачем я встретила его на своем пути? Почему он не предложил мне стать его женой?»

Размышления Изабеллы были прерваны визитом миссис Левисон и графини. Само собой разумеется, последняя употребила все свое красноречие, чтобы привлечь старушку на свою сторону. Обе убеждали девушку принять предложение мистера Карлайля. Старушка уверяла ее, что она никогда не видела более симпатичного молодого человека, что он стоит дюжины пустоголовых людей из высшего света. Изабелла слушала ее с затаенным страхом. Камнем преткновения по-прежнему оставался Фрэнсис Левисон.

Увидев мистера Карлайля из окна, она вышла в гостиную, сама еще не зная, какой даст ответ. Внизу она неожиданно встретила Левисона, и сердце ее сильно забилося.

— Где это вы прятались? — воскликнул юноша. — Я приехал как раз вовремя, чтобы быть представленным мистеру Карлайлю. Клянусь честью, он прекраснейший человек! И я поздравляю вас, Изабелла.

Она устремила на него пристальный взгляд.

— Леди Моунт-Сиверн говорит, что Ист-Линн — прелестное местечко, — продолжал он. — Желаю вам счастья!

— Благодарю вас, но вы слишком торопитесь с поздравлениями, капитан Левисон.

— В самом деле? Если так, то сохраните мои добрые пожелания до тех пор, пока появится более счастливый смертный... Что же касается меня, — прибавил он, — то я не смею пока вступить на дорогу благословенной супружеской жизни. Когда-то и я мечтал об этом, как многие другие, но, разумеется, мечты эти не были серьезными. Такой бедняк, как я, с неизвестным будущим, должен довольствоваться ролью бабочки и оставаться холостяком до конца своих дней.

Закончив свою речь, Левисон вышел из комнаты. Изабелла не могла не ощутить всей пустоты его слов. Она вдруг почувствовала, какой он фальшивый и бездушный человек. Вскоре после ухода Левисона появился мистер Карлайль. В этом человеке не было ничего фальшивого и бездушного. Он запер дверь и подошел к Изабелле. Она не произносила ни слова, губы ее дрожали.

— Ну что же? — спросил он. — Вы решились исполнить мою просьбу?

— Да... но... Я хотела сказать вам... я непременно должна сказать вам, — начала она сквозь слезы, — что хотя я и отвечаю согласием на ваше предложение, но... это случилось так неожиданно!.. Вы мне очень нравитесь, я вас уважаю, но еще не люблю вас.

— Я удивился бы, если бы было иначе. Но я постараюсь заслужить

вашу любовь, Изабелла. Ведь вы позволите?

— О да, — ответила она с жаром, — я надеюсь на это.

Мистер Карлайль привлек ее к себе и в первый раз нежно поцеловал.

Арчибальд провел в замке Марлинг и следующий день. Вечером перед его отъездом были сделаны все свадебные распоряжения. Мистер Карлайль желал как можно скорее увезти из этих неуютных стен прелестный цветок — Изабелле опротивел Марлинг. Что же касается графини, то она только об этом и мечтала. Итак, свадьба должна была состояться меньше чем через месяц.

Глава XIII

Старик Дилл

Чувство, которое испытывал мистер Карлайль по возвращении из Марлита, походило на чувства школьника, который знает, что напроказничал, и боится, как бы об этом не узнали другие. Он предчувствовал, что сестра не одобрит его женитьбы, что из всех женщин в мире леди Изабелла покажется ей самой неподходящей родственницей, так как мисс Корни ценила полезное и весьма равнодушно относилась к прекрасному. Он был уверен, что если Корнелия обо всем узнает, то она постарается расстроить свадьбу.

Однажды вечером, через три недели после возвращения Арчибальда из Марлинга, Барбара зашла к Карлайлям и застала сестру и брата за чаем, который они пили на этот раз раньше обычного. Мисс Корни провожала брата в дорогу; она объявила, что сразу же после чая уложит его вещи.

— Нет-нет! — возразил Арчибальд. — Благодарю, но лучше я сделаю это сам. Питер! — обратился он к слуге. — Принеси большой чемодан в мою комнату.

— Большой? — повторила мисс Корни, любившая вмешиваться даже в то, что ее не касалось. — Зачем тащить с собой такую тяжесть?

— Кроме одежды, я беру с собой много вещей и бумаг.

Тут мисс Корни нечаянно порезала себе палец ножом.

— Нет ли у тебя пластыря, Арчибальд? — спросила она.

Мистер Карлайль, раскрыв портфель, положил его на стол и вынул пластырь. Зоркие глаза мисс Корни тотчас заметили в портфеле письмо. Протянув руку, она бесцеремонно схватила его и развернула.

— Дамский почерк! От кого это?

— Извини, Корнелия, это личное, — ответил мистер Карлайль, прикрывая письмо рукой.

— Полно, Арчибальд! Разве у тебя есть от меня секреты? Штемпель вчерашний!

— Сделай одолжение, отдай мне письмо, — настаивал он.

Повелительный тон брата удивил Корнелию, и она поспешила положить письмо на прежнее место.

— Однако как я опоздала! — воскликнула Барбара, вскочив со стула. — Мама будет беспокоиться и, пожалуй, подумает, что со мной случилось какое-нибудь несчастье.

— Арчибальд вас проводит, — заметила Корнелия.

— Я, право, не знаю, — сказал он со своей обычной откровенностью. — Дилл ждет меня в конторе, и я должен провести с ним по меньшей мере час. Полагаю, однако, что Питер покажется вам очень скучным провожатым, поэтому надевайте поскорее свою шляпку, Барбара!

Они довольно скоро добрались до дома судьи. Мистер Карлайль открыл перед девушкой ворота. Но Барбара не спешила расставаться с молодым человеком.

— Арчибальд, у меня давно есть к вам одна просьба, — продолжала она с некоторым волнением в голосе. — Боюсь только, что вы примете меня за сумасшедшую.

— В чем же дело?

— Год назад вы подарили мне золотую цепочку и медальон, помните?

— Да, и что же?

— Я положила в этот медальон маленькие прядки волос — Ричарда, мамы, — но в нем еще осталось место, взгляните. — С этими словами она подала ему медальон, который всегда носила на шее.

— Я ничего не вижу, Барбара, здесь темно. Что же из того, что в медальоне есть еще место?

— Я люблю оставлять что-нибудь на память о моих лучших друзьях, и потому мне хотелось бы и ваши волосы хранить вместе с другими.

— Мои волосы? — воскликнул мистер Карлайль с таким удивлением, будто у него просили голову. — Зачем они вам, Барбара?

Сердце девушки сжалось от огорчения, а лицо мгновенно залила краска стыда.

— Мне приятно вспоминать о моих друзьях, которыми я дорожу, — пролепетала она.

Не заметив ни смущения, ни глубины чувства, заставившего мисс Гэр обратиться к нему с такой просьбой, он продолжал с добродушной насмешкой:

— Как жаль, что вы не сказали мне этого вчера, Барбара! Я только что подстригся и мог бы прислать вам обрезки. Будьте умницей, дитя мое, и не делайте из меня Веллингтона, щедро раздающего пряди своих волос и автографы. Мне пора, прощайте!

* * *

Однажды утром, через два или три дня после отъезда мистера

Карлайля, когда мисс Корни с самым сосредоточенным видом рассматривала белые кисейные занавески, только что повешенные на окна, к ней явился мистер Дилл.

— Мисс Карлайль! Почтальон принес к нам в контору письмо на ваше имя. Оно от мистера Карлайля.

Она взяла пакет и, распечатав его, бегло прочла несколько строк. Ошеломленная новостью, мисс Корни упала в кресло. Никогда в жизни она не испытывала ничего подобного.

«Замок Марлинг, первое мая.

Милая Корнелия, сегодня я обвенчался с леди Изабеллой и спешу сообщить тебе об этом. Завтра я напишу тебе обо всем подробнее и все объясню.

Любящий тебя брат, Арчибальд Карлайль».

— Что это? Обман?..

Это были первые слова, вырвавшиеся из уст мисс Карлайль, как только к ней вернулась способность говорить. Мистер Дилл молча стоял перед ней.

— Да говорите же, что это? Обман? Что вы стоите как истукан? — напустилась Корнелия на ни в чем не повинного поверенного.

— Я удивлен не меньше вас, мисс. Я получил письмо точно такого же содержания.

— Этого не может быть! Еще три дня назад он столько же думал о браке, сколько я!

— Однако он приказал напечатать о своем браке в местной газете, — произнес мистер Дилл, подавая Корнелии записку.

Она схватила бумажку и с минуту держала ее перед собой; ее рука дрожала.

«Первого мая в замке Марлинг капелланом графа Моунт-Сиверна обвенчаны Арчибальд Карлайль, эсквайр из Ист-Линна, и леди Изабелла Вэн, единственная дочь Уильяма, покойного графа Моунт-Сиверна».

Мисс Карлайль разорвала бумажку на мелкие клочки и разбросала их по полу.

— Этого я ему никогда не прощу! — воскликнула она в гневе. — Жениться на такой мотовке! Где же они будут жить?

— Я думаю, что в Ист-Линне.

Мисс Карлайль, вскочив, выпрямилась во весь свой величественный рост и приблизилась к ошеломленному управляющему. Она схватила его за воротник сюртука и принялась трясти, как куклу. Бедный старый Дилл, маленький и худенький, подумал, что настал его последний час.

— Вы участвовали в заговоре, вы помогали ему и одобряли все, что он делает, — ополчилась она на старика.

— Уверяю вас, мисс, я узнал обо всем только что, — попытался защищаться мистер Дилл. — Почему мистер Карлайль не может поселиться в Ист-Линне? Это соответствует его положению, мисс. А что касается его жены, то это милое, кроткое, восхитительное существо!

— Идиот! Идиот! — кричала раздраженная Корнелия.

— Мне пора возвращаться в контору, — прошептал управляющий, желая положить этому конец. — Но прежде чем я уйду, позвольте мне выразить глубочайшее сожаление. Я не виноват в том, что вам почудилось, будто вы имеете основательную причину на меня накидываться.

Барбара стояла у окна гостиной, когда мисс Корни подходила к ее дому. Мисс Карлайль насмешливо улыбалась. Она с некоторым злорадством думала о том, какой удар нанесет Барбаре. Любовь мисс Гэр к Арчибальду не могла укрыться от ее проницательных глаз.

— Как поживаете? — воскликнула Барбара, высунувшись из окна. — Можете себе представить: мама выехала из дома! Они с отцом отправились в коляске в Линнборо.

Мисс Карлайль вошла, не ответив на приветствие, и опустилась на первый попавшийся стул; из ее груди вырвалось нечто похожее на стон.

— Что с вами? — забеспокоилась Барбара.

— Арчибальд женился на ней!

Несмотря на все попытки оставаться спокойной, Барбара вздрогнула. Но, как и мисс Карлайль, она сначала высказала свое недоверие.

— Этого не может быть, Корнелия.

— Тем не менее это случилось. Они обвенчались вчера в замке Марлинг, в капелле графа Моунт-Сиверна. Если бы я знала об этом заранее, то могла бы разлучить их, но теперь дело сделано.

— Извините меня, — проговорила Барбара, стараясь казаться спокойной, — я забыла сделать некоторые распоряжения по хозяйству.

Она быстро поднялась наверх, в свою комнату, и в отчаянии опустилась на пол. Она поняла, до какой степени были обманчивы ее радужные надежды в отношении Арчибальда Карлайля, — он никогда не любил ее! Какой-то стук, донесшийся с лестницы, заставил девушку встрепенуться. Она вспомнила, что ей нужно вернуться к неумолимой мисс Корни.

— Женился на другой! Женился на другой! — шептала она, спускаясь.

Благодаря своему мужеству Барбаре даже удалось войти в гостиную с улыбкой на лице. Мисс Карлайль сразу же начала изливать жалобы, словно

желая получить вознаграждение за то, что она провела несколько минут в одиночестве.

— Если бы я знала! — причитала она. — Я бы засадила его в сумасшедший дом!.. Однако я решила вот что. Завтра же отправлюсь в Ист-Линн и выгоню оттуда всех пятерых слуг. Я была там в субботу, но думала, что их нанял не Арчибальд, а жилец, которому он собирался сдавать замок. Потом я перееду туда со своими слугами, а свой дом сдам в аренду вместе с мебелью. Нетрудно догадаться, как будет вестись хозяйство и каковы будут расходы, когда в Ист-Линне поселится эта принцесса.

Барбара ничего не ответила.

Глава XIV

Возвращение в Ист-Линн и признание Барбары

Гэр

Мисс Карлайль сдержала свое слово. Выехав из своего дома вместе с Питером и двумя служанками, она поселилась в Ист-Линне. Несмотря на увещевания старого Дилла, она выгнала всех слуг, нанятых мистером Карлайлем, за исключением одного лакея.

Ровно через месяц после свадьбы, в пятницу вечером, Арчибальд вместе с женой приехал в Ист-Линн. Их ждали, и мисс Карлайль, чтобы встретить их, вышла на лестницу. Она нарядилась в новый чепчик и в прекрасное черное шелковое платье. Вскоре к замку подъехал изящный экипаж, запряженный четверкой лошадей.

— Как! Ты здесь, Корнелия? — воскликнул Арчибальд, поднимаясь по лестнице. — Это очень любезно с твоей стороны. Познакомься, Изабелла, это моя сестра.

Оставив их вдвоем, Арчибальд вернулся к карете, чтобы забрать кое-какие вещи. Тем временем мисс Карлайль провела Изабеллу в столовую, где на подносе стоял приготовленный ужин.

— Не угодно ли вам, миледи, перед ужином пойти наверх и переодеться? — спросила она сухо.

— Благодарю вас, — ответила Изабелла, — я не буду ужинать. Мы недавно пообедали. Я пойду наверх.

— Так вы ничего не хотите? — спросила мисс Корни.

— Хочется пить, и я не отказалась бы от чашки чая.

— Чаю? Так поздно? — проворчала старая хозяйка. — Кажется, у нас нет горячей воды. К тому же после чая вы не сможете заснуть.

— В таком случае ничего не нужно, — кротко произнесла Изабелла, — не хочу причинять вам неудобств.

Лишь только Корнелия вышла из комнаты, как Изабелла, опустившись в кресло, дала волю слезам. Она рыдала, как ребенок. Ледяной прием потряс ее слабые нервы, и она мысленно спрашивала себя: «Неужели я приехала в Ист-Линн, а не в чужой дом?» В эту минуту вошел Карлайль и увидел ее огорченное личико.

— Изабелла, что с тобой? — заволновался он.

— Ничего... — прошептала она в ответ. — Я утомилась, и эти комнаты

напомнили мне об отце. Арчибальд, мне хотелось бы пойти наверх. Ты не знаешь, где теперь мой кабинет и спальня?

— Не знаю, дорогая моя...

Но в комнату уже вошла мисс Карлайль и объявила Изабелле, что она отвела для нее покои возле библиотеки и что это самые лучшие комнаты. Она предложила проводить Изабеллу, но Арчибальд предпочел идти сам и подал руку жене. Ни в одной комнате не зажигали свечей, и отовсюду веяло холодом.

— Ничего не понимаю! — воскликнул мистер Карлайль. — Здесь все перевернуто вверх дном. Слуги, похоже, не поняли моего письма и ждали нас завтра.

— Мой друг, — сказала Изабелла, снимая шляпку, — я очень устала... Могу я не спускаться вниз?

— Конечно, разве ты не в своем собственном доме? — ответил Арчибальд с улыбкой. — Я надеюсь, что ты будешь здесь счастлива. — С этими словами мистер Карлайль вышел из комнаты и отправился к сестре.

Он нашел ее в столовой: она собиралась ужинать.

— Корнелия, — начал Арчибальд, — я никак не могу понять, что здесь происходит. Я не вижу никого из моих слуг, где они?

— Я их выгнала, — решительно заявила та.

— Но что же они сделали дурного? — изумился мистер Карлайль.

— Арчибальд, друг мой, я не понимаю, как ты мог совершить подобную глупость. Если тебе захотелось жениться, то почему ты не выбрал девушку из нашего круга?

— Это мое личное дело, — ответил Арчибальд, однако слова сестры поразили его: до сих пор он преклонялся перед ее волей, но в эту минуту невольно почувствовал, что было бы лучше, если бы Корнелия и его жена жили не под одной крышей. — Кстати, что с твоим домом? — поинтересовался он.

— Я сдала его в аренду вместе с мебелью, и новые жильцы уже обосновались там. Не выгонишь же ты меня из Ист-Линна на мостовую?

— Ты права, Корнелия. Конечно, в Ист-Линне найдется для тебя место, но...

— Даже слишком много места! — перебила его мисс Корни. — Мы могли бы поселиться в доме вдвое меньшем, чем Ист-Линн, если бы не высокий сан леди Изабеллы...

— Что же касается слуг, — продолжал Арчибальд, оставив без внимания последние слова сестры, — то предупреждаю тебя, что я буду держать их столько, сколько мне вздумается. Я не поощряю излишней

роскоши, но хочу окружить жену удобствами.

На этом их разговор оборвался. Очень многие из местных жителей сочли своим долгом явиться в замок и поздравить мистера и миссис Карлайль. Некоторые из них приезжали в роскошных экипажах, запряженных четверками лошадей, и с напудренными лакеями в золоченых ливреях. Никто бы, конечно, и не подумал оказывать мистеру Карлайлю подобные почести, если бы не его брак с леди Изабеллой.

В числе гостей также был и судья Гэр с женой и дочерью. Они приехали в старинной желтой коляске, которая запрягалась только в торжественных случаях. Пара жирных лошадей с самым невозмутимым видом подвезла этот тяжелый экипаж к замку.

В это время Изабелла одевалась, но до ее ушей донесся разговор прислуги.

— Миледи здесь?

— Да.

— Приехали гости. И знаешь, кто пожаловал, Джойс? Гэры. И она тоже с ними! Можешь себе представить: в шляпке с голубыми цветами и с длинным белым пером, вроде того, которым Марта счищает пыль с мебели. Я видела, как она вышла из коляски.

— Про кого это ты говоришь? — резко спросила Джойс.

— Про мисс Гэр, разумеется. И кто мог ожидать, что она приедет сюда с визитом. Леди Изабелла должна остерегаться — я не удивлюсь, если она поднесет миледи стакан с ядом. Как жаль, что мистера Карлайля нет дома, я отдала бы все на свете, чтобы только посмотреть, как они встретятся все трое.

Джойс сделала знак служанке, чтобы она не болтала, и вошла к Изабелле, чтобы помочь ей одеться, не подозревая о том, что леди слышала этот разговор.

Миссис Карлайль быстро спустилась в гостиную. Она увидела судью, напыщенного и самодовольного, миссис Гэр, бледную и болезненную особу, и мисс Гэр, показавшуюся ей прелестной. Гости оставались довольно долго, и миссис Гэр первой выразила желание уехать, но как раз в это время вошла мисс Корнелия и начала упрашивать Гэров остаться. Судья отказался, сказав, что на пять часов у него назначена встреча с другом, но он несколько не препятствовал Барбаре остаться в гостях. Девушка залилась румянцем, но тем не менее приняла приглашение мисс Карлайль.

Перед обедом Изабелла вошла в свою комнату, где ее дожидалась Джойс.

— Миледи, — начала служанка, — я говорила с мисс Карлайль, она не

возражает, если я стану вашей горничной, но настаивает, чтобы я непременно сообщила вам о некоторых неприятных обстоятельствах из своей жизни.

— В чем же дело? — спросила Изабелла, садясь перед зеркалом, чтобы расчесать волосы.

— Я постараюсь рассказать вам все вкратце, миледи. Мой отец был писарем в конторе мистера Карлайля. Разумеется, я говорю о покойном отце вашего супруга. Моя мать умерла, когда мне было восемь лет, и отец женился во второй раз на сестре жены мистера Кэна.

— Учителя музыки?

— Да, миледи, они обвенчались, и в конце года родилась моя единокровная сестра, Эфи. Через год ее мать тоже умерла, и сиротку взяла к себе родственница ее матери. А я осталась дома, с отцом. Меня посылали в школу, а когда я выросла, то научилась шить платья и шляпки, которые потом продавала. Так прошло много лет, потом Эфи вернулась домой. Ее родственница умерла, дав девушке хорошее воспитание, но не оставив ей ни шиллинга. Эфи удивила нас с отцом: она одевалась по последней моде, была весела и хороша собой, но ни о чем не заботилась. Целым днями Эфи ничего не делала, а только читала книги, которые брала в библиотеке. Мы с ней часто ссорились. Как-то она познакомилась с молодым Ричардом Гэром, сыном судьи Гэра, родным братом мисс Гэр, — продолжала Джойс, понизив голос, словно боясь, что Барбара услышит ее из гостиной. — Эфи была очень тщеславной девушкой, она сумела так понравиться Ричарду, что он горячо полюбил ее и привязался к ней. Между тем она только потешалась над ним и охотно болтала и с другими молодыми людьми — таков уж был ее характер.

— Вероятно, у нее было много женихов, — равнодушно произнесла Изабелла, не придавая особого значения этой истории.

— И самый главный, миледи, — Ричард Гэр. Потом она познакомилась еще с одним господином, который приезжал издалека, чтобы повидаться с ней. А Ричард Гэр привязывался к Эфи с каждым днем все сильнее. Мы часто виделись с ним по вечерам. И это продолжалось очень долго, до тех пор... до тех пор, пока он не убил нашего отца!

— Как? Кто убил? — вскричала испуге Изабелла.

— Ричард Гэр, миледи. С умыслом он это сделал или ружье само случайно выстрелило во время их ссоры, я не знаю, но все говорят, что он умышленно совершил это убийство. О, миледи, я никогда в жизни не забуду этого ужасного зрелища. Эфи ничего не могла мне объяснить: она вышла из дома и прогуливалась по лесу, когда было совершено

преступление. Мистер Локсли рассказал Эфи, что слышал выстрел, раздавшийся возле нашего дома, и видел, как Ричард Гэр, бросив ружье, пустился бежать.

— О, Джойс! Какая ужасная история! Что же сделали с Ричардом Гэром?

— Он убежал, миледи, в ту же ночь.

— И давно это случилось, Джойс?

— В сентябре будет ровно четыре года с тех пор, как я лишилась отца. Наш дом и теперь еще стоит в лесу, но никто там не живет. Говорят, что там пахнет убийством.

Изабелла успокоила Джойс, сказав, что она несколько не виновата в ветрености своей сестры и что эта печальная история не изменит ее намерения оставить Джойс при себе. Затем, откинувшись на спинку кресла, молодая женщина погрузилась в раздумье.

— Какое платье прикажете приготовить, миледи? — поинтересовалась горничная.

— Джойс! — воскликнула Изабелла, оставив без внимания заданный вопрос. — О чем ты разговаривала с Сусанной несколько часов назад? Кажется, о том, что мисс Гэр может дать мне яду? И передай Сусанне, чтобы она не шепталась так громко, если хочет рассказать что-то по секрету.

Джойс почувствовала себя неловко, тем не менее не могла не улыбнуться.

— Не стоит обращать на это внимания, миледи, — ответила она, — все это пустяки. Многие думали, что мисс Гэр очень привязана к мистеру Карлайлю и что ей хочется выйти за него замуж. Но мне кажется, он никогда не был бы с ней счастливым.

Изабелла почувствовала, как кровь ударила ей в голову, и ее сердце невольно сжалось, как будто от укола ревности. Никакая жена не может выслушивать равнодушно, что другая женщина была привязана к ее мужу; в подобных случаях всегда возникает сомнение, не было ли это чувство взаимно. Не сказав больше ни слова, миссис Карлайль спустилась вниз. На ней было изящное черное платье из дорогого кружева с низким лифом. В этот день она казалась еще прекраснее, чем когда-либо, и Барбара невольно отвернулась, чтобы не видеть ее красоты, ее нарядного платья, ее глубоких выразительных глаз. Чувство ненависти и ревности все больше охватывало ее душу.

Барбара также была хороша собой в своем светло-голубом шелковом платье. На шее у нее висела золотая цепочка — подарок мистера Карлайля.

Она поклялась никогда не снимать ее.

Обе они стояли у окна и смотрели, как Арчибальд возвращается домой по тенистой аллее. Увидев их еще издали, он кивнул. Изабелла не могла не заметить волнения мисс Гэр.

— Как поживаете, Барбара? — воскликнул Арчибальд, входя в гостиную и пожимая руку девушки. — Наконец-то вы нас посетили! А как твое здоровье, милая? — прошептал он, наклоняясь к Изабелле.

Она заметила, что он не поцеловал ее. Конечно, миссис Карлайль не желала, чтобы он делал это при других, — тем не менее его сдержанность не ускользнула от ее ревнивого внимания.

Чуть позже Корнелия предложила Барбаре пройтись с ней по парку.

— Как она вам? — вдруг спросила Барбара, обращаясь к мисс Корни.

— Она гораздо лучше, чем я думала, — ответила та. — Сначала я вообразила, что это женщина с большими претензиями, но в ней этого вовсе нет; напротив, она очень проста и любезна и, кажется, ужасно любит своего мужа.

Проходя мимо клумбы, Барбара сорвала розу и начала ощипывать лепестки. Мисс Карлайль остановила садовника и вступила с ним в горячий спор, доказывая, что он не совсем точно исполнил какую-то работу. Барбара, уверенная в том, что спор затянется еще на полчаса, покинула мисс Карлайль и вернулась в замок одна. Войдя в комнату, располагавшуюся рядом с гостиной, она на минуту остановилась и взглянула в полуотворенную дверь. Несмотря на сумерки, Барбара разглядела Изабеллу, сидевшую за фортепьяно, и Карлайля, стоявшего за ее стулом.

— Надеюсь, ты мной доволен, Арчибальд, я спела тебе уже десять романсов, — сказала она, откинув голову назад и устремив на него влюбленный взгляд. — За это меня стоит наградить.

— Да, это правда, — ответил он, осыпая поцелуями счастливое личико Изабеллы.

Барбара, стоявшая у окна, невольно отвернулась и приложила горячий лоб к стеклу; тихий стон вырвался из ее груди.

— Как! Вы здесь одни, мисс Гэр? — воскликнула Изабелла, войдя в комнату под руку с мужем. — Я думала, что вы с мисс Карлайль.

— Где же Корнелия? — прибавил Арчибальд.

— Я только вошла сюда, — ответила Барбара, — вероятно, она идет за мной.

Тут мисс Карлайль показалась на пороге.

— Арчибальд! — воскликнула она гневно. — Что это значит?

Садовник говорит, что ты приказал сделать клумбу овальной формы, тогда как было решено сделать ее квадратной.

— Изабелла хочет, чтобы она была овальная.

— По моему мнению, она будет гораздо красивее, если сделать ее квадратной.

Мистер Карлайль не обратил внимания на эту выходку. Он отличался тихим и ровным характером, но Изабелла, с каждым днем все больше уважавшая мужа, не могла не оскорбиться мысленно.

Вечер прошел без приключений, и, когда на часах пробило десять, мисс Гэр сказала:

— Я и не думала, что уже так поздно! Странно, что за мной никто не пришел. Попрошу Питера проводить меня. Вероятно, мама легла спать, а отец, похоже, забыл обо мне. Как будет мило, если двери окажутся закрыты, — весело прибавила Барбара.

— Что однажды с вами и случилось, — заметил мистер Карлайль.

Он напоминал девушке о той ночи, когда она виделась со своим несчастным братом, и мистер Гэр, не подозревая об их тайных свиданиях, чуть было не оставил дочь на улице. Впоследствии она сама рассказала об этом Арчибальду, но воспоминание это было для нее так тягостно, что ее лицо исказила гримаса.

— Арчибальд! — произнесла она, повинувшись минутному порыву. — Не напоминайте мне о прошлом!

Изабелла окинула ее недоуменным взглядом.

— Питер может проводить меня? — продолжала Барбара.

— Нет, уже поздно. Лучше я сам провожу вас, — сказал мистер Карлайль.

Сердце Барбары сильно забилося, когда они вышли из дома и мистер Карлайль предложил взять его под руку. Девушка будто ожила и вновь почувствовала себя счастливой. По-детски радуясь собственному счастью, она почти забыла, что он был мужем другой.

Ночь стояла теплая. Они прошли через парк и очутились на дороге, откуда через поля шла тропинка до самого дома судьи Гэра. Барбара не могла не думать о том чудном вечере, когда они шли почти той же самой дорогой; ей вспоминались его слова, его порывистые движения, обманчивые надежды, проснувшиеся в ее душе.

В жизни женщины бывают минуты, когда она всецело поддается тревожным чувствам. Этим вечером Барбара была свидетельницей чужого счастья, она видела нежное внимание, которым мистер Карлайль окружал молодую жену, и ревность, терзавшая ее сердце, закипела в ее душе и

ждала случая хлынуть наружу. Если бы у бедной девушки было больше самообладания, она, конечно, не произнесла бы тех слов, которые впоследствии заставляли ее жестоко раскаяться. Маленьким оправданием ей могло служить только то, что она знала Арчибальда с самого детства, что они постоянно виделись друг с другом.

Мистер Карлайль шел рядом с Барбарой, размышляя вслух о тысяче ничтожных предметов и даже не подозревая о чувствах девушки. Вдруг черты ее лица исказились, и судорожное рыдание вырвалось из груди.

— Что с вами? — воскликнул Карлайль. — Вы больны?

Барбара мужественно боролась с возрастающим волнением; наконец она немного успокоилась.

— Вам лучше, Барбара? — спросил Арчибальд с беспокойством. — Если я чем-то оскорбил вас, то поверьте, что это неумышленно!

— Что я для вас? Если бы завтра мне пришлось лежать под землей, разве вам было бы больно? Теперь у вас есть жена... А для меня в этой жизни все кончено... Но что в таком случае означали ваши частые посещения? Зачем вы подарили мне этот медальон?

— Милая Барбара, я любил вас, как брат любит сестру. Если я помимо воли дал вам хоть малейший повод думать, что питаю к вам более глубокое чувство, то умоляю, простите меня.

— Конечно, вы были для меня братом и больше никем! Вас не тревожит мое горе. Вы посмеялись надо мной, завладели моим сердцем и бросили меня без сожаления. Но скажите, полюбили бы вы меня, если бы *онане* встала между нами?

— Прошу вас, не будем об этом. Я всегда думал о вас как о сестре, как о друге. Успокойтесь ради самого неба, прошу вас! Забудем навсегда этот тягостный разговор и останемся друзьями, как прежде.

— Я могла бы перенести это гораздо легче, если бы о нас не говорили во всем Вест-Линне. Теперь я мишень для насмешек!..

— Это вы, мисс Гэр? — вдруг раздался чей-то голос.

Это была миссис Уилсон, ее горничная. Она объяснила, что миссис Гэр послала ее за Барбарой.

— Вам не нужно провожать меня дальше, — сказала Барбара мистеру Карлайлю.

— И все же я провожу, — настоял он.

Они шли молча. Когда они были уже около дома, миссис Уилсон удалилась, оставив их вдвоем.

— Барбара, — сказал Арчибальд, — я надеюсь, что скоро вы повстречаете человека, который будет больше меня достоин вашей любви.

— Никогда! — воскликнула она. — Никогда!

Мистер Карлайль ушел. «Да, хотелось бы, — думал он, — чтобы она поскорее вышла замуж и позабыла обо мне».

— Арчибальд! — Это восклицание раздалось в нескольких шагах от замка Ист-Линн.

— Это ты, моя милая? — спросил он.

— Да, мой друг, я вышла тебя встречать. Ты так долго не возвращался.

— Это правда, — ответил он, привлекая к себе жену, — мы встретили по дороге служанку, но я счел своим долгом проводить Барбару до самого дома.

— Ты, кажется, близко знаком с ее семейством?

— О да! Корнелия даже приходится Гэрам родственницей.

— Ты находишь Барбару хорошенькой?

— Да, она недурна.

— Арчибальд, скажи мне, это правда, что ты никогда не любил Барбару Гэр?

— Ах, Изабелла, как ты можешь меня об этом спрашивать? Я любил только раз в жизни, и притом ту самую особу, на которой имел счастье жениться.

Глава XV

Между жизнью и смертью

Прошел год. Изабелла была бы совершенно счастлива, если бы не мисс Карлайль; почтенная домоправительница все еще проживала в Ист-Линне и причиняла всем немало беспокойства.

Стояло раннее апрельское утро, сероватый свет проникал через широкие окна с улицы. Джойс сидела перед камином в уборной Изабеллы и в отчаянии заламывала себе руки; слезы текли по ее щекам. Дверь из коридора потихоньку отворилась, и вошла мисс Карлайль, закутанная в теплую шаль.

— Как ты думаешь, Джойс, — спросила она шепотом, — опасность остается?

— О, не думаю! Но все-таки тяжело, когда другие страдают...

— Я теряю всякое терпение, Джойс, я хочу пойти и взглянуть на нее.

— Доктор не позволяет ее беспокоить, — прошептала горничная.

Мисс Корни вышла в коридор, а Джойс не двигалась с места. Наконец она услышала, что приехал доктор Мартен из Линнборо и вошел в соседнюю комнату. Немного погодя оттуда вышел мистер Уэнрайт и поспешил в кабинет мистера Карлайля.

— Ах, мистер Уэнрайт, скажите, что говорит доктор Мартен?

— Он говорит то же самое, что и я, — ответил тот. — Вероятно, все закончится благополучно. И вам следует только запастись терпением. Мой вам совет: пошлите за мистером Литтлом, потому что в таких случаях...

При этих словах крик ужаса и отчаяния вырвался из груди Карлайля, потому как почтенный мистер Литтл был пастором.

— Не для вашей жены! — поспешил пояснить доктор. — Я говорю о ребенке. Если он не выживет, то все-таки умрет крещеным.

— Благодарю вас, благодарю, — сказал Арчибальд, крепко пожимая руку доктора.

Было около полудня. Почтенный мистер Литтл, мистер Карлайль и Корнелия собрались в уборной Изабеллы. Джойс с бледным взволнованным лицом вошла в комнату с младенцем на руках, но мистер Карлайль гораздо больше беспокоился об Изабелле, нежели о нем. Началась служба. Пастор взял девочку на руки.

— Какое ей дать имя? — спросил он.

— Изабелла Люси, — ответил Карлайль.

При этих словах на лице мисс Корни отразились гнев и удивление. Она надеялась услышать свое собственное имя, но Арчибальд назвал дочь в честь жены и матери.

Мистеру Карлайлю позволили войти в комнату жены только вечером. Изабелла заметила его волнение и слабо улыбнулась.

— Будем признательны Богу, что все окончилось так благополучно. Я не думала, что останусь жива!

— Да... да, моя милая.

— А ты писал лорду Моунт-Сиверну? — поинтересовалась Изабелла.

— Писал после полудня, — ответил мистер Карлайль.

— Зачем ты назвал нашу дочь моим именем?

— Для меня не может быть имени лучше этого.

Глава XVI

Миссис Уилсон

Ребенок остался жив и постепенно окреп. Предстояло найти ему няню. Изабелла поправлялась довольно медленно: у нее все еще была лихорадка и слабость. Однажды утром к ней вошла мисс Карлайль.

— Держу пари, вы ни за что не угадаете, кто пришел просить у вас места няни, — сказала она. — Это Уилсон — горничная миссис Гэр. Она прожила у них три года и пять месяцев и теперь оставляет их, потому что поссорилась с Барбарой.

— Она хорошая служанка?

— Она степенная и порядочная женщина, но у нее предлинный язык.

— Это, конечно, не повредит ребенку. Позовите ее, — сказала леди Изабелла.

Служанку проводили к миссис Карлайль, и та принялась расспрашивать, почему Уилсон оставила миссис Гэр.

— Миледи, все это случилось из-за ссоры с Барбарой. За последний год она сильно изменилась. Она стала такой же самовластной, как и судья. Я несколько раз грозила ей, что оставлю их дом. Вчера вечером мисс Гэр так допекла меня, что я сказала ей, что уйду сразу же после завтрака, и сдержала свое слово. Я была бы очень рада получить место у вас, миледи.

— Вы были главной горничной у миссис Гэр?

— Да, миледи.

— Так, может быть, место у меня вам не подойдет. У нас в доме главная служанка Джойс, и вы будете под ее начальством.

— О, мне совершенно не обидно, — ответила миссис Уилсон. — Мы все любим Джойс, миледи.

Со следующего же утра миссис Уилсон вступила в новую должность.

После обеда Изабелла лежала на диване в своей спальне. Все полагали, что она спит, но на самом деле она только дремала. Вдруг в соседней комнате, где сидели Джойс с рукоделием и Уилсон со спящим ребенком, кто-то произнес ее имя.

— Какой у миледи больной вид! — сказала Уилсон.

— Напротив, она с каждым днем заметно поправляется, — возразила Джойс. — Если бы вы видели ее неделю назад, вы бы так не говорили.

— Ах, моя милая! Как обрадовалась бы одна особа, если бы что-то случилось!

— Какой вздор! — рассердилась Джойс. — Все это глупые сказки! Людям же нужно о чем-то говорить...

— Вы ничего не знаете. А я часто видела их вдвоем, и он всегда был с ней очень нежен. Он подарил ей медальон и цепочку, которую она не снимает.

— Вы опять поете про нее? — с досадой произнесла Джойс.

— Удивляюсь, как это вас не интересует. Барбара никогда не снимает с себя эту цепочку. Я даже думаю, что она спит в ней. Накануне того дня, когда мистер Карлайль поехал жениться на леди Изабелле, Барбара приходила к ним, и он провожал ее домой. Ночь стояла великолепная, и кругом было почти так же светло, как днем. Не знаю, как это случилось, но тогда между ними произошла очень нежная сцена.

— И вы присутствовали при ней? — насмешливо поинтересовалась Джойс.

— Да, мне приходилось видеться с другими горничными не иначе как в роще. В тот вечер я ждала под деревьями служанку Риннеров, как вдруг подошли мистер Карлайль и Барбара. Она просила его зайти к ним в дом, но он отказался. Ей очень хотелось заполучить его волосы, чтобы хранить их в медальоне. Да, это была славная сцена, Джойс...

— Болтушка ты!

— Бедняжка и не думала, что он женится на другой. Через два или три дня после этого мисс Корни пришла сообщить нам о свадьбе. Я была тогда в спальне миссис Гэр, но окна оставались открытыми. Барбара под каким-то предлогом побежала в свою комнату, а я вышла в коридор. Через несколько минут до меня донеслись глухие рыдания и стоны. Я потихоньку отворила дверь и увидела мисс Гэр, лежащую на полу. А как-то раз Барбара провела целый день в Ист-Линне. Вечером меня послали встретить ее. Я пошла по полю, потому что на дороге было очень пыльно, и увидела мисс Гэр и мистера Карлайля. Она, кажется, за что-то упрекала его, а он сказал ей, что теперь между ними все кончено и они могут относиться друг к другу только как брат и сестра. Если с миледи что-нибудь случится, то — поверьте мне, Джойс, — Барбара не замедлит занять ее место.

— Но с ней ничего не случится.

— Надеюсь. Знаете, она не смогла бы быть хорошей мачехой... Кто ненавидит жену, тот не будет любить и ее детей...

— Уилсон, если ты будешь позволять себе такие разговоры, то я скажу миледи, что ты не годишься для этого места.

Как ужасно почувствовала себя Изабелла! Ревность овладела всем ее существом. Когда мистер Карлайль вошел в комнату жены, он содрогнулся,

увидев ее побледневшие щеки и воспаленные глаза, сверкавшие лихорадочным блеском.

— Изабелла, тебе хуже? — спросил он, поспешно подходя к ней.

— О, Арчибальд! — вскрикнула она. — Не женись на ней! Иначе я не буду лежать спокойно в своей могиле.

Удивленный мистер Карлайль подумал, что бедняжка бредит.

— Ты кого-нибудь любил, пока не женился на мне? Может, ты и сейчас ее любишь?

— О ком это ты говоришь, Изабелла? — спросил он.

— О Барбаре Гэр!

— Я никогда ее не любил, — произнес раздосадованный мистер Карлайль. — Кто внушил тебе такую мысль?

— Но она любила и любит тебя!

— Если это так, Изабелла, — сказал он, — то, значит, Барбара гораздо безрассуднее, чем я думал. Поверь, что ты не имеешь ни малейшего основания ревновать меня к этой девушке. Я никогда не разделял ее чувств.

Изабелла вздохнула. Это облегчило ее сердце, и она немного успокоилась.

— Прости меня, Арчибальд, я не была бы так ревнива и так несчастлива, если бы меньше любила тебя.

— Ну а теперь скажи мне, кто вбил тебе в голову эту глупую мысль?

Была минута, когда Изабелле хотелось откровенно рассказать мужу обо всем, что она слышала, но, когда в сердце возродилось доверие, ей показалось, что было низко подслушивать разговор служанок, и она промолчала.

Глава XVII

Капитан Торн в Вест-Линне

— Барбара! Какой сегодня прекрасный день!

— Да, мама, день великолепный!

— Я думаю, что сегодня можно съездить проветриться.

— Конечно, мама. Если бы вы почаще выезжали, то скорее поправились бы.

— Твой отец в саду. Иди, милая, спроси, можно ли мне выехать.

Барбара умчалась как стрела. Судья Гэр был в саду и за что-то выговаривал Бенджамину, который служил у него кучером, грумом и в свободное время — садовником.

— Отец, мама думает, что ей было бы полезно совершить прогулку. Мы можем взять коляску? Мы хотим побывать в лавке в Вест-Линне. Мы могли бы поехать с Бенджаминном.

— Хорошо, поезжайте, но сделайте одолжение, не сорите деньгами.

Взгромоздившись на сиденье кучера, Бенджамин повез Барбару и миссис Гэр в Вест-Линн. Там была одна модная лавка, находившаяся неподалеку от конторы мистера Карлайля. Выйдя из коляски, миссис Гэр заметила, что при ней нет мешка.

— Вероятно, я оставила его в коляске, Барбара. Иди и принеси его, моя милая. В нем лежит образец той шелковой материи, которая мне нужна.

— Бенджамин! Поищи, пожалуйста, мамин мешок, — обратилась она к кучеру. — Он где-то в коляске.

Бенджамин принялся искать. Барбара ждала, равнодушно посматривая на улицу. Солнце сияло, и его блестящие лучи падали на толстую золотую цепочку праздно разгуливавшего джентльмена. В солнечных лучах переливались его кольца с драгоценными камнями и позолоченные пуговицы на манишке. Вдруг он поднял руку, на которой не было перчатки, и пригладил усы; при этом бриллиантовый перстень на его пальце заиграл всеми цветами радуги. Барбара невольно вспомнила о никому не известном человеке, которого описывал ей Ричард.

Она стала следить за ним; это был красивый молодой человек лет двадцати семи или восьми, высокий, стройный, хорошо сложенный, с карими глазами и темными волосами. Выражение лица у него было чрезвычайно приятное; он шел в глубокой задумчивости и что-то тихо насвистывал. Вдруг кто-то крикнул: «Капитан Торн!» Это оказался Отуэй

Бетель. Поприветствовав друг друга, они стали беседовать. Барбара вся обратилась в слух и застыла на месте.

— Мисс Гэр, добрый день! — обратился к ней доктор Уэнрайт. — Как ваше здоровье?

— Спасибо, мистер Уэнрайт, хорошо, — отозвалась девушка, очнувшись от охватившего ее оцепенения.

Молодой человек, привлечший ее внимание, тем временем удалялся. Надо было что-то делать. Но не бежать же за ним! И тут Барбара решилась.

— А вы случайно не знаете того джентльмена, что беседует с мистером Бетелем? — спросила она доктора, краснея. — Я никогда его раньше не встречала.

— О, это капитан Торн, друг Гербертов. Еще год назад он был поручиком, а теперь уже капитан!

— Как ты долго, милая!.. О, мистер Уэнрайт, здравствуйте! — сказала миссис Гэр.

— Добрый день! — ответил доктор.

— Я остановилась поговорить с мистером Уэнрайтом, — объяснилась Барбара, взяв мешок из рук Бенджамина.

— Ты что-то бледна, дитя мое.

— Я немного утомилась, давайте поскорее закончим с покупками.

Простившись с доктором и купив все, что нужно, они поехали домой. По дороге Барбара размышляла о том, что ей лучше всего обратиться за помощью к Арчибальду Карлайлю. Она решила, что этим же вечером отправится в Ист-Линн. Но что сказать родителям?

За столом миссис Гэр начала говорить о шелковой материи, которую купила себе на мантилью. Ей хотелось точно такую же, какую она видела в последний раз на мисс Карлайль. Когда мисс Корни приходила к ней, то предлагала ей выкройку, и потому миссис Гэр намеревалась послать за ней служанку.

— О, мама, позвольте сходить мне! — с живостью проговорила Барбара.

Пылкость, с которой девушка произнесла эти слова, так удивила судью, что он перестал резать жаркое и спросил: «Что это с ней?» Барбара пролепетала что-то невнятное в свое оправдание.

— Ее нетерпение понятно, — улыбаясь, заметила миссис Гэр. — Вероятно, Барбара надеется увидеть новорожденного — все девушки любят маленьких детей.

Ей позволили отправиться в Ист-Линн, и она пришла туда после обеда.

— Мисс Карлайль нет дома, — ответили ей, — а миледи пока не

принимает гостей.

Это была неудача. Пришлось сказать, что она желает видеть мистера Карлайля. Питер проводил ее в гостиную, и через минуту к ней явился Арчибальд.

— Мне очень жаль, что я беспокою вас, — начала она, вспыхнув от стыда. Ей почему-то вспомнилось ее вечернее свидание с ним. — Я спрашивала мисс Карлайль, мама прислала меня к ней за выкройкой; но на самом деле мне нужно было видеть вас. Вы помните поручика Торна, о котором Ричард говорил вам как о настоящем преступнике? Так вот, мне кажется, что он сейчас в Вест-Линне.

— Как! Неужели тот самый Торн? — удивился мистер Карлайль.

— Утром мы с мамой ездили в лавку, и она позабыла в коляске свой мешок, который я и отправилась разыскивать. В конце улицы я вдруг увидела неизвестного господина — высокого роста, брюнета, с очень приятной внешностью. Я заметила на нем золотую цепочку и изящные пуговицы, блестевшие на солнце. В моей голове как молния мелькнула мысль: «Как этот господин похож на Торна, о котором мне говорил Ричард!» В эту самую минуту его окликнул Отуэй Бетель. «Капитан Торн!» — громко крикнул он.

— Это и в самом деле любопытно, Барбара.

— Потом я увидела мистера Уэнрайта. Он сказал мне, что это капитан Торн, друг Гербертов. Если год назад он был поручиком, то, вероятно, теперь произведен в капитаны.

— А похож этот господин на благородного джентльмена?

— Очень. У него такие белые руки, какие могут быть только у настоящего аристократа.

— Прежде всего следует удостовериться в том, что это действительно тот самый человек, — заметил мистер Карлайль. — Я наведу справки и обо всем вам сообщу.

Затем Арчибальд проводил девушку до ворот и, пожав ей руку, пожелал доброго дня. Как только Барбара удалилась, мистер Карлайль заметил две мужские фигуры. В одной из них он узнал Тома Герберта, а другой господин, как подсказывало ему предчувствие, и был капитаном Торном. Арчибальд дождался, пока они подойдут ближе.

— Ах, как я рад, что встретил вас! — воскликнул Герберт. — Капитан Торн, — обратился он к своему спутнику, — позвольте представить вам мистера Карлайля.

Арчибальд пригласил их к себе в дом и велел подать пива. Молодой Герберт бесцеремонно развалился в кресле и закурил сигару.

— Вам знакомы эти места? — спросил Арчибальд, обращаясь к капитану.

— Я только вчера приехал в Вест-Линн, — с улыбкой отозвался гость.

— Значит, вы никогда не были здесь прежде? — продолжал мистер Карлайль.

— Никогда!

— Капитан Торн и мой брат Джон служат в одном полку, — вмешался мистер Герберт. — Джон пригласил капитана, и он приехал, не предупредив нас, а сам Джон между тем уехал в Ирландию.

Они заговорили о рыбной ловле, и в пылу спора капитан Торн упомянул о знаменитых угрях, которые водятся в местном пруду.

— В Нижнем пруду! — пояснил он.

— В каком из двух? — с самым невозмутимым видом поинтересовался мистер Карлайль. — У нас два пруда с таким названием по соседству.

— Я говорю о том, что находится за три мили отсюда, в имении эсквайра Торна.

— Значит, вам все же приходилось бывать в наших местах, — тонко подметил Арчибальд. — Мистер Торн уже умер, и имение перешло к его зятю, а Нижний пруд засыпан тригода тому назад.

— Я слышал о нем от одного из моих друзей, — продолжал мистер Торн, несколько не смутившись.

Карлайль перевел разговор на Суассон, откуда приезжал капитан Торн, известный по рассказам Ричарда Гэра. Этот Торн подтвердил, что он «немного знает Суассон», потому что когда-то гостил там «очень недолгое время». Арчибальд находил подозрения Барбары довольно основательными. Под каким-то предлогом мистер Карлайль, извинившись, вышел на минуту из комнаты и позвал Джойс.

— Джойс! Зайдите на минуту в гостиную и принесите мне что-нибудь. Я хочу, чтобы вы взглянули на джентльмена, которого привел с собой мистер Герберт. Мне кажется, что вы могли видеть его раньше.

Мистер Карлайль вернулся в гостиную. Джойс, повинувшись приказанию, пошла вслед за ним с графином в руках и на несколько минут задержалась в гостиной, делая вид, что приводит в порядок стоявшие на столе вещи.

Когда оба гостя простились с Арчибальдом, он сразу же позвал Джойс.

— Ну, вы узнали этого господина?

— Нет, сэр, мне кажется, я его никогда не видела.

— Подумайте еще, Джойс, постарайтесь вспомнить прошлое.

— Нет, сэр! — еще раз повторила служанка.

— Вы не думаете, что это тот самый человек, который ухаживал за Эфи?

— Что вы, сэр! — отозвалась девушка, покраснев до корней волос. — Я только раз видела поручика Торна и не думаю, что этот господин на него похож.

Так как Джойс не подтвердила предположения мистера Карлайля, то на следующее утро он отправился к Отуэю Бетелю.

— Вы, кажется, хорошо знакомы с капитаном Торном, который гостит у Гербертов? — спросил он.

— Да, — ответил Бетель шутливым тоном, — если только можно хорошо узнать человека после двухчасовой беседы. Но к чему вы клоните?

— Признайтесь, Бетель, ведь это тот самый Торн, который ухаживал за Эфи Галлиджон?

Бетель, казалось, остолбенел, услышав эти слова.

— Это ужасная ложь! Он так же похож на него... Но про какого Торна вы говорите? — быстро поправился он.

— Пожалуйста, не уклоняйтесь. Я говорю о том самом Торне, который был замешан, как говорят, в деле Галлиджона.

— Вы сами не понимаете, что говорите, мистер Карлайль. Я всегда считал вас рассудительным, — пробормотал Бетель, растерявшись.

Мистер Карлайль оставил его. Он уже не сомневался, что в истории Галлиджона было что-то темное и таинственное. По пути в контору он встретил Тома Герберта.

— Долго пробудет у вас капитан Торн? — спросил он между прочим.

— Он уже уехал — я только что проводил его на железную дорогу.

Когда мистер Карлайль возвращался домой, то по дороге зашел к Гэрам. Когда он уходил, Барбара, изнемогая от нетерпения, проводила его до ворот.

— Ну, что вы узнали? — спросила она.

— Ничего удовлетворительного, — ответил мистер Карлайль. — Наш подсудимый сбежал.

— Он уехал! — воскликнула Барбара.

Арчибальд рассказал мисс Гэр о том, как мистер Герберт и капитан Торн заходили к нему вчера, как он встретился с Гербертом, и в конце концов упомянул даже о свидании с Бетелем.

— Быть может, он уехал потому, что заподозрил неладное? — спросила Барбара.

— Не думаю.

— Вы узнали, кто он?

— Офицер, служащий в одном полку с Джоном Гербертом. Том говорит, что он из хорошей семьи, но я подозреваю, что это именно тот самый человек.

— Неужели ничего больше нельзя сделать?

— Пока ничего, — ответил мистер Карлайль, — остается только ждать и надеяться.

— А между тем мой брат проводит дни в нищете и изгнании!

Часть II

Глава I

На море

Прошло несколько лет...

— По моему мнению, ей необходима перемена климата, мистер Карлайль. Вам следовало бы отвезти миссис Карлайль куда-нибудь во Францию или в Бельгию. Морской воздух пойдет ей на пользу.

— Очень хорошо, я поговорю с ней, — сказал Арчибальд.

Леди Изабелла имела к этому времени уже троих детей: Изабеллу, Уильяма и Арчибальда; последнему исполнился год. Миссис Карлайль только что оправилась после продолжительной болезни, но ее прежние силы так и не восстановились. Мистер Уэнрайт напрасно пытался вылечить ее — ничто не помогало, и мистер Карлайль прибегнул к совету опытного врача Мартена.

Леди Изабелла не хотела ехать во Францию, но вскоре все изменилось. Миссис Дучи (читатель, вероятно, еще не забыл этого имени) и ее почтеннейший муж задумали для сокращения расходов поселиться на некоторое время на континенте. Около двух лет они прожили в Париже. Изабелла довольно часто переписывалась с миссис Дучи и теперь получила еще одно письмо, в котором последняя сообщала, что едет на два месяца в Булонь. Доктора настаивали на том, что леди Изабелле следует воспользоваться этим обстоятельством. Общество миссис Дучи избавляло ее от одиночества. Когда мистер Карлайль тоже поддержал докторов, Изабелла покорила общему желанию и начала собираться в дорогу.

Здоровье миссис Карлайль было очень слабым; лицо ее осунулось, глаза все время грустили, а тонкие руки были горячи и бессильны. Несмотря на то что стояло лето, Изабелла, кутаясь в шаль, целыми часами молча сидела в кресле и смотрела в окно. Иногда, впрочем, она оживлялась и с любовью следила за игрой своих детей.

Болезненное состояние пробудило в ее душе давно заснувшие воспоминания. В последнее время она почти не думала о Барбаре Гэр, потому что ничто не возбуждало ее ревнивых подозрений, но теперь Изабелла находилась в таком состоянии, когда беспокойство и самые нелепые сомнения овладевают душой человека. Она беспрестанно задавалась вопросом о том, искренне ли ее любит Арчибальд.

Преданность мистера Карлайля своей жене была по-прежнему сильна, но время и привычка несколько изменили его. Он стал серьезнее и уже не

так щедро расточал доказательства своей любви. Изабелла никак не могла понять причин такой перемены и приписывала это кажущееся охлаждение влиянию на его сердце Барбары Гэр.

Настал день отъезда. Простившись с детьми и поручив их заботам мисс Корни и Джойс, мистер Карлайль и леди Изабелла с мисс Уилсон и Питером отправились в Булонь.

Остановившись в лучшей гостинице на берегу моря, они спросили миссис Дучи, и им сразу же передали письмо, полученное тем же утром и написанное на имя леди Изабеллы. Почтенная миссис Дучи выражала свое сожаление, что по семейным обстоятельствам она вынуждена отказаться от удовольствия поселиться в Булони и отправляется на воды в Германию.

— Я так и думала, — заметила Изабелла. — Это самая непостоянная женщина в мире.

Мистеру Карлайлю вскоре удалось найти очень хорошую квартиру недалеко от пристани, где они и поселились. Арчибальд пробыл с женой три дня, несмотря на то, что собирался остаться всего на день.

— Я решила не заводить здесь никаких знакомств, — обратилась миссис Карлайль к мужу, сидевшему рядом с ней на пристани и наблюдавшему за оживленной толпой.

— Очень хорошо, — ответил он, — хотя здесь можно встретить и кого-нибудь из знакомых. Дело в том, что сюда приезжают разные люди: члены почтенных семейств и любители приключений. Если послушать, как хвастаются эти люди, можно подумать, что на родине они миллионеры и ведут самую праведную жизнь.

— Откуда ты все это знаешь, Арчибальд? Ведь ты никогда не жил за границей?

— Это правда, но в качестве адвоката я часто имел дела с теми, кто путешествовал по разным городам Европы. Вон идет мистер Бэкстон! Посмотри на него повнимательней, Изабелла. Он, конечно, узнал меня, но пройдет мимо.

— О ком ты говоришь? — спросила Изабелла, вглядываясь в многолюдную толпу.

— О том разодетом толстяке с белокурыми волосами. Вон и его супруга, вместе с другими дамами. Они напускают на себя важность, желая прослыть образцовыми представителями английского общества... Не устала ли ты, Изабелла?

— Немного. Я хотела бы вернуться домой.

Мистер Карлайль встал и подал жене руку. Они вернулись в свою квартиру.

На следующий день в восемь часов утра Арчибальд уехал. Перед отъездом он велел подать завтрак, который приготовила ему мисс Уилсон, и затем пошел в комнату жены проститься.

— Прощай, дорогая моя, — сказал он, целуя Изабеллу. — Береги себя.

— Поцелуй за меня моих милых детей, Арчибальд, и... и...

— Что, милая? — спросил он. — Говори же, я боюсь опоздать на пароход.

— Не ухаживай без меня за Барбарой Гэр, — произнесла она полушутливым-полусерьезным тоном.

Мистер Карлайль не придавал этим словам особого значения и, приняв их за шутку, вышел, смеясь. Если бы он только знал, как для нее это было серьезно!

На следующий день Изабелла встала позже, чем обычно, и долго сидела за утренним чаем, углубившись в мысли о том, как будет жить в одиночестве. Так как утро выдалось прекрасное, она в сопровождении Питера решила пойти на пристань. Оказавшись на месте, Изабелла отослала слугу, попросив, чтобы он пришел за ней через час.

Женщина присела и стала наблюдать за людьми, которые прогуливались по набережной. Через несколько минут на пристани появился высокий красивый мужчина с аристократической внешностью. Когда их взгляды нечаянно встретились, миссис Карлайль вздрогнула. Это был тот самый человек, которого она когда-то любила и которого так и не забыла, хотя ей казалось, что он навсегда исчез из ее памяти.

Капитан Левисон медленно шел по направлению к женщине. Он вспомнил замок Марлинг, Изабеллу и невольно задал себе вопрос, почему она сидит здесь одна. Приподняв шляпу, капитан воскликнул:

— Кажется, я имею честь снова встретиться с леди Изабеллой Вэн?

Она пожала ему руку и прошептала несколько бессвязных слов.

— Приношу тысячу извинений, — продолжал капитан, — мне следовало бы сказать — с леди Изабеллой Карлайль. С тех пор как мы виделись с вами в последний раз, прошло много времени, но я так обрадовался неожиданной встрече, что невольно подумал о вас как о леди Изабелле Вэн.

Краска, выступившая на щеках молодой женщины, исчезла. Фрэнсис Левисон продолжал смотреть на нее, вспоминая прошлое.

— Что привело вас сюда? — спросил он, садясь возле нее.

— Я была больна, и мне рекомендовали морской воздух.

— Вы и в самом деле кажетесь нездоровой, — прибавил он сочувственно. — Могу ли я быть вам чем-нибудь полезен?

— Мне кажется, что сегодня я слишком рано вышла из дома, — сказала она, желая скрыть волнение. — Мне лучше вернуться домой... вероятно, по дороге я встречу своего слугу. Желаю вам доброго утра, капитан Левисон.

— Позвольте мне проводить вас!

С этими словами он взял Изабеллу под руку так же свободно, как делал это прежде. Она понимала, что ей не следовало соглашаться, но не находила предлога, чтобы отказаться от его любезности, тем более что он приходился ей дальним родственником.

— Давно вы виделись с леди Моунт-Сиверн? — поинтересовался капитан Левисон.

— Этой весной в Лондоне, когда была там вместе с мужем. Мы встретились с ней в первый раз после моего замужества, мы не переписываемся. Впрочем, лорд Моунт-Сиверн несколько раз приезжал к нам в Ист-Линн. Сейчас он, кажется, в Лондоне.

— Очень может быть. Вот уже девять месяцев, как я не был в Англии. Все это время я жил в Париже и приехал сюда только вчера.

— Какой долгий отпуск, — заметила Изабелла.

— Это не отпуск. Я больше не служу в армии — теперь я в отставке. Откровенно говоря, я нахожусь в очень печальном положении. Мой старый дядя поступил со мной самым недостойным образом: он женился во второй раз.

— Да, я слышала.

— А ведь ему семьдесят три года — вообразите только! Эта свадьба разрушила все мои планы и надежды на будущее. На меня набросились кредиторы. Как только они узнали, что сэра Питера женился, я потерял всякое доверие в их глазах. Меня неумолимо преследуют. Я вышел в отставку и тотчас уехал за границу.

— И бежали от ваших кредиторов?

— Больше мне ничего не оставалось. Дядя отказался заплатить за меня и даже не захотел увеличить мое содержание.

— Что же вы теперь собираетесь делать? — спросила Изабелла.

— Что делать? Видите этого мальчишку-оборванца, который перетаскивает камни на пристань? Спросите его, заботится ли он о своем будущем. Он вскинет на вас изумленные глаза и ответит: «Я ни о чем не забочусь». То же самое мог бы ответить и я.

— Но вы можете снова стать наследником сэра Питера.

— О да!.. Все возможно. Надеюсь, по крайней мере, что у него не будет детей.

Когда они дошли до того дома, где жила Изабелла, капитан Левисон как родственник, не дожидаясь приглашения, вошел вместе с ней. Он просидел с четверть часа, забавляя Изабеллу своей болтовней. Когда же капитан встал, чтобы проститься, то спросил ее, как она намерена провести остаток дня.

— Я, вероятно, лягу в постель, — ответила Изабелла. — Я чувствую себя еще не настолько хорошо, чтобы целый день быть на ногах.

— Если вы решитесь выходить по вечерам, — сказал он, — то позвольте мне вас сопровождать.

Что могла ответить Изабелла? Капитан предлагал ей свои услуги, и ей это было приятно.

Днипроходили, и здоровье миссис Карлайль заметно улучшалось. Вскоре она уже была в состоянии ходить каждое утро на набережную, где наслаждалась свежим воздухом и наблюдала за бурными волнами. Она не заводила ни с кем знакомств, и капитан Левисон был ее единственным спутником. Он часто встречал ее на морском берегу, иногда заходил к ней и почти всегда провожал ее домой.

Однажды она сказала ему в шутку, что теперь чувствует себя почти здоровой и может легко обойтись без его услуг. Он посмотрел на нее изумленными глазами и спросил, почему она так хочет избавиться от него. Она не знала, что ответить, и, по обыкновению, опять взяла его под руку. Вечером он провожал ее на пристань, и они садились где-нибудь в уединенном месте. Обращение молодого человека было задушевным и простым, и Изабелла невольно поддавалась его очарованию. Окончив прогулку, он желал ей доброго вечера, и они расставались.

Прошло около двух недель, когда мистер Карлайль написал жене, что на днях приедет в Булонь. В тот вечер, когда он должен был приехать, Изабелла отправилась к нему навстречу в сопровождении капитана Левисона. Увидев Изабеллу, Арчибальд едва узнал ее: лицо не было таким бледным, щеки покраснелись, а в глазах сияла радость.

— Ты хорошо выглядишь, моя милая! — воскликнул Арчибальд, подходя к ней.

— Да, мне гораздо лучше, Арчибальд! Мы так долго ждали тебя!

— Ветер все время был встречным, — ответил мистер Карлайль, мысленно задавая себе вопрос, кем мог быть этот щеголь, сопровождавший его жену. Лицо Левисона казалось ему знакомым.

— Это капитан Левисон! — сказала Изабелла, заметив смущение мужа. — В одном из последних писем я писала тебе, что он здесь.

— Да, действительно, это вылетело у меня из головы.

— Я очень рад, что случайно поселился в этом же городе, — вступил в разговор Левисон, — так как это дало мне возможность сопровождать леди Изабеллу в ее прогулках.

— Я очень обязан вам, — с жаром проговорил мистер Карлайль.

Изабелла взяла мужа под руку, а Фрэнсис Левисон пошел рядом с Арчибальдом.

— Скажу вам откровенно, — прошептал Фрэнсис, наклонившись к уху мистера Карлайля, — когда я увидел леди Изабеллу, то был поражен ее болезненным видом. Я думал, что она едва ли оправится. Вот почему я счел своим долгом поддержать ее...

— Я уверен, что она многим обязана вам, — ответил мистер Карлайль. — А что касается ее здоровья, то она настолько поправилась, что это кажется почти чудом. Здешний воздух действительно приносит огромную пользу больным.

Румянец вспыхнул на щеках Изабеллы, когда она услышала эти слова. Она еще крепче сжала руку мужа и молила небо послать ей сил и мужества оттолкнуть от себя опасного врага, так искусно овладевавшего ее сердцем.

На следующий день мистер Карлайль пригласил Фрэнсиса Левисона на обед. Когда он закончился и леди Изабелла вышла из столовой, Левисон решил откровенно рассказать Арчибальду о своих запутанных делах.

— Это изгнание начинает сильно тяготить меня, — заключил он, окончив свой рассказ. — Я не хочу больше оставаться во Франции. Меня тянет в Англию...

— Я не вижу для вас выхода, — чистосердечно признался мистер Карлайль, — если только вы не заплатите своим кредиторам. Не может ли сэр Питер помочь вам?

— Он помог бы мне, если бы я решился рассказать ему о своих делах как есть. Но как это сделать? Я уже писал ему несколько писем, но ни на одно не получил ответа. Потом пришло короткое письмо от леди Левисон. Она уведомяла меня, что сэр Питер нездоров и что его нельзя беспокоить.

— Не думаю, что он нездоров, — заметил мистер Карлайль, — потому что неделю назад видел, как он проехал через Вест-Линн в открытой коляске. Вам стоит увидеться с ним.

— Я знаю, но это невозможно, по крайней мере при нынешнем положении дел. Как только я вступлю на английскую землю, на меня набросится целое полчище врагов.

— Можно сделать так, чтобы кто-нибудь другой встретился с ним вместо вас.

— Но кто же? Я поссорился с двумя адвокатами — с мистером

Шарпом и мистером Стиллом.

— Между тем это очень опытные юристы, — заметил мистер Карлайль.

— Даже слишком... Они поступили со мной самым постыдным образом, в особенности после женитьбы моего дяди.

— Не поговорить ли мне вместо вас с сэром Питером? Он был дружен с моим отцом, и если я могу быть вам полезным, то с удовольствием воспользуюсь этим случаем, чтобы отплатить вам за вашу доброту. Не обещаю увидеться с ним немедленно, потому что сейчас я очень занят, иначе я, конечно, остался бы здесь с моей женой.

Фрэнсис Левисон выразил мистеру Карлайлю глубокую признательность. Даже призрачная надежда вернуться в Англию привела его в восхищение. В то время как они разговаривали, Изабелла сидела у окна и невольно упрекала себя за невольное сближение с Левисоном. Она готова была отдать полжизни, чтобы только порвать те цепи, которые связывали ее с этим человеком, чтобы никогда не видеть его. Изабелла опасалась, как бы ее дальнейшие с ним отношения не усилили то чувство, которое она уже к нему испытывала, как бы в ее жизнь не закралось притворство и несчастье.

— Арчибальд, — начала она робко, оставшись наедине с мужем, — я хочу, чтобы ты остался со мной до самого моего отъезда.

— Я сам очень хотел бы остаться, но не могу. Мне с большим трудом удалось вырваться к тебе на два дня.

— И ты уезжаешь завтра? В таком случае я поеду с тобой.

— Нет, Изабелла, — возразил мистер Карлайль. — Перемена климата пошла тебе на пользу, кроме того, я снял эту квартиру на шесть недель, и мне было бы приятно, если бы ты осталась в ней до конца этого срока.

На следующий день он уехал. Визиты капитана Левисона между тем не прекращались, и вскоре тихие беседы с ним стали для Изабеллы необходимостью.

Стоял прекрасный тихий вечер, но довольно прохладный для июля. Изабелла и ее спутник сидели молча, и она ощущала безмятежное счастье. Если бы не строгий голос совести, она ни за что бы не нарушила этого молчания. Казалось, Левисон понимал, что с ней происходит.

— Леди Изабелла, вы помните тот прекрасный вечер, — вдруг спросил он, — точно такой же, как этот, что мы провели вместе с вашим отцом, мисс Вэн и другими?..

— Да, помню, тогда с нами были еще две мисс Чаллонер. Вы поехали в коляске с миссис Вэн, а я вернулась домой с отцом. Вы тогда так

разогнали лошадей, что миссис Вэн ужасно перепугалась и сказала, что никогда больше не поедет с вами.

— Это «никогда» означало, что она поедет при первом же удобном случае. Из всех женщин, которых я только знаю, миссис Вэн — самая капризная, тщеславная и требовательная дама. Если я и напугал ее, то сделал это нарочно.

— Но почему?

— Она рассердила меня тем, что предложила сопровождать ее в то время, как мне хотелось быть спутником совсем другой особы.

— Мисс Бланш Чаллонер?

— Нет, леди Изабелла, не Бланш Чаллонер я желал отвезти домой. Меня удивляет, как вы тогда не догадались...

Изабелла отвернулась, чтобы скрыть волнение.

— Я должен высказаться, — продолжал капитан. — Потом я замолчу навсегда. Было время, когда мне хотелось открыть вам свои чувства, но я не смел. Я предпочел подавить горе и неосуществимые надежды — и потерял вас навсегда!

— Капитан Левисон, — воскликнула Изабелла, в гневе вскочив со скамейки, — я не хочу слышать подобных объяснений!

— Еще одну минуту, умоляю вас. Я раскаиваюсь в своем легкомыслии, потому что только теперь понял, как сильно я вас любил.

— Вы не имеете права говорить так со мной. Осмелились бы вы это сделать, если бы мистер Карлайль был здесь? Я не желаю больше вас слушать, сэр!

Сказав это, Изабелла направилась к дому. Левисон после минутного колебания догнал ее и, взяв под руку, сказал:

— Прошу вас простить меня, леди Изабелла.

— Я считала вас своим другом и теперь раскаиваюсь в этом, — ответила она и высвободила руку.

У дома леди Изабелла холодно простилась с капитаном Левисоном, сухо пожелав ему доброго вечера. Она заперла дверь и быстро поднялась по лестнице в гостиную.

— Подайте мне поскорее перо и бумагу, Уилсон! — крикнула Изабелла, поспешно снимая перчатки, шляпу и накидку.

Вне себя от негодования, она решила, что никогда больше не увидится с Левисоном. Она наскоро написала мужу, умоляя его немедленно приехать за ней.

Мистер Карлайль очень удивился, получив это письмо, и сразу же ответил, что приедет в Булонь в следующую субботу. Дела задержали

Арчибальда еще на некоторое время, так что он приехал в Булонь только в воскресенье утром.

— Изабелла, — сказал он, заметив ее волнение, — если ты так желаешь уехать, то, вероятно, у тебя есть на это какая-то веская причина... Расскажи мне о ней.

Была минута, когда она хотела открыть мужу все. Конечно, она не сказала бы ему, что любит капитана Левисона. Нет, она слишком высоко ценила своего мужа, чтобы огорчать его, но она могла сказать ему, что в прошлом испытывала к этому человеку большую симпатию и что теперь хочет порвать с ним всякие отношения. О, почему она этого не сделала! Изабелла уже готова была поверить мужу все мучившие ее сомнения, но вдруг он вынул из портфеля письмо и подал его ей.

Содержание записки было коротко и так же чопорно, как сама мисс Корни. Она писала, что дети здоровы, что в доме все благополучно, и заканчивала следующими словами: «Я написала бы вам больше, но мне помешала Барбара Гэр, которая пришла к нам на целый день». Она провела в Ист-Линне целый день! Исповедь, которую Изабелла хотела начать за несколько минут до этого, была забыта, и она ответила, что желает как можно скорее увидеться с детьми, что она не может больше жить вдали от них.

— Ну, если ты настаиваешь, дорогая, — растрогался мистер Карлайль, — то мы вместе вернемся в Ист-Линн.

Изабелла обрадовалась, как ребенок, и осыпала Арчибальда нежными поцелуями.

— Изабелла, — произнес он, улыбаясь, — помнишь, как когда-то ты сказала, что еще не любишь меня, но непременно полюбишь со временем? Так, если я не ошибаюсь, любовь эта пришла, не правда ли?

При этих словах сердце Изабеллы сжалось.

Глава II

Вывихнутая нога

Вернувшись домой, Изабелла снова почувствовала себя здоровой, довольной и счастливой, но через некоторое время ощущение нравственной пустоты всецело охватило ее. Ей хотелось навсегда изгнать из памяти образ Фрэнсиса Левисона, но вопреки ее воле это воспоминание не покидало миссис Карлайль. Чего бы она только не отдала, лишь бы освободиться от этих тягостных видений!

Однажды утром мистер Карлайль отправился верхом в замок Левисонов. Он спросил сэра Питера, но его проводили к леди Левисон, которая тут же осведомилась о цели его приезда.

— Я хотел бы поговорить с сэром Питером.

— Если вы приехали по делам, то предупреждаю вас, что сейчас он не может ничем заниматься.

— Извините, миледи, но он сам назначил мне время для визита.

Закусив губу, леди Левисон поклонилась гостю. Слуга проводил мистера Карлайля к сэру Питеру, и у них начался разговор о праздной жизни и о долгах Фрэнсиса Левисона.

— Я с удовольствием заплатил бы его долги и поставил бы его на ноги, — сказал сэр Питер, — если бы не был убежден в том, что мне придется беспрестанно повторять то же самое. Эта участь уже несколько раз выпадала на мою долю.

— Он рассказал мне о своем безвыходном положении, и оно действительно таково, — заметил Карлайль. — Вот почему я пообещал ему встретиться с вами.

— Но как же я могу ему помочь? Я дома, а он за границей. Если он хочет чего-нибудь добиться, то пусть возвращается в Англию.

— Но он может сделать это только тайно.

— Нет, нет, нет, — запротестовал сэр Питер. — Леди Левисон ни за что не согласится принять его.

— Так он может немного пожить в Ист-Линне, — добродушно предложил мистер Карлайль. — Никто и не подумает искать его у меня.

— Вы слишком добры к нему, мистер Карлайль, он этого не заслуживает. Не намерены ли вы выступить в качестве его адвоката?

— Нет, с моей стороны это всего лишь дружеская услуга.

На этом Арчибальд расстался с сэром Питером. Проходя через залу,

Карлайль встретился с леди Левисон.

— Кажется, разговор между вами и моим мужем касался его племянника? — поинтересовалась она.

— Вы не ошиблись, миледи, — ответил гость.

— Позвольте же мне заметить вам, мистер Карлайль, что я имею о нем самое нелестное мнение. Два или три года тому назад, когда я еще вовсе не знала сэра Питера, мне пришлось встретиться с Фрэнсисом Левисоном в доме моих друзей. Там его поведение было самым постыдным; он заплатил за их гостеприимство самой грубой неблагодарностью!

— Я очень плохо знаю капитана, — заметил мистер Карлайль, — и вы меня очень обяжете, если скажете, какого рода неблагодарностью заплатил капитан тем людям, о которых вы упомянули.

— Фрэнсис Левисон заставил их подписать вексель, «из простой формальности», как он говорил, так как ему понадобились деньги на месяц или на два, и ему поверили. Когда он не выплатил им ни пенса, они разорились, и им пришлось продать свой дом. О, я могла бы рассказать вам еще очень многое... Пусть сэр Питер помогает ему, выплачивает за него долги — до этого мне нет дела, но я не позволю его племяннику переступить порог этого дома.

— Да, сэр Питер говорил мне, что вы отказываете Фрэнсису в гостеприимстве. Но ему нужно быть в Англии, чтобы поправить свои дела.

— Может ли он показаться здесь при таких обстоятельствах?

— Капитан Левисон приедет инкогнито. Он остановится в Ист-Линне.

— Смотрите, как бы он и вам не отплатил черной неблагодарностью.

Мистер Карлайль был в замке Левисон в пятницу утром. Вернувшись в контору, он немедленно написал капитану Левисону в Булонь и пригласил его к себе, но забыл рассказать обо всем жене.

На следующий день он и леди Изабелла обедали в гостях; за столом зашел разговор о семействе Дучи и об их запутанных денежных делах. В это время мистер Карлайль невольно вспомнил о Булони, о затруднительных обстоятельствах капитана Левисона и о том, что он еще не предупредил жену о его приезде.

— Изабелла, — обратился он к супруге, когда они сели в коляску, — есть ли у нас готовые комнаты для гостей?

— Да, — ответила миссис Карлайль. — Кого же ты ожидаешь?

— Капитана Левисона.

— Кого? — переспросила Изабелла.

— Капитана Левисона. Сэр Питер согласился встретиться с ним, но леди Левисон наотрез отказала ему в гостеприимстве, вот почему я

предложил капитану остановиться на несколько дней в Ист-Линне.

Изумление Изабелы было так велико, что она лишилась дара речи. Голова ее закружилась, и она не в силах была справиться с собственными чувствами.

— Арчибальд, — наконец воскликнула она, — я не желаю, чтобы Фрэнсис Левисон жил у нас!

— Мне очень жаль, но теперь это трудно исправить. Вероятно, он уже в дороге и приедет завтра. Могу ли я отказать ему, после того как сам пригласил его в замок? Если бы я знал, что это будет тебе неприятно, то, конечно, не позвал бы его...

— Завтра! — повторяла Изабелла как зачарованная. — Он приедет завтра!

— Я никак не ожидал, что тебя это так взволнует. Кажется, и леди Левисон не лучшего мнения о нем... В чем причина такого предубеждения?

Изабелла не ответила.

На следующее утро зарядил ливень; к полудню небо прояснилось, но около часа, когда мистер Карлайль возвращался из церкви домой, он пошел снова. Только Арчибальд въехал в ворота, как к его коляске с громкими криками и рыданиями подбежала маленькая Изабелла. Мистер Карлайль выскочил из экипажа и устремился к ребенку. Сквозь слезы девочка рассказала, как была непослушна и как выбежала поиграть на улицу во время дождя, несмотря на запреты Джойс. Бедная няня побежала вслед за ней, но поскользнулась и упала.

Мистер Карлайль нашел служанку на земле.

— О, господин, не трогайте меня, — вскрикнула Джойс, когда Арчибальд попытался ее поднять, — мне ужасно больно. Кажется, я сломала ногу.

Мистер Карлайль послал за доктором Уэнрайтом. Слуги, только что вернувшиеся из церкви, отнесли Джойс домой и уложили ее в постель. Арчибальд и Изабелла оставались рядом с бедной девушкой. Вдруг маленькая Изабелла пробралась в комнату и шепотом обратилась к маме:

— К нам приехал какой-то джентльмен с большим саквояжем. Он спрашивает вас и папу.

Гостем этим был не кто иной, как капитан Левисон. Мистер Карлайль пошел встретить его. Изабелла не пожелала сойти вниз и осталась с больной горничной. Вскоре приехал мистер Уэнрайт и сообщил, что у Джойс перелом лодыжки, и посоветовал ей оставаться в постели три недели.

Позднее, уже вечером, маленькая Изабелла и Уильям пришли в

гостиную, где мистер Карлайль беседовал с капитаном Левисоном.

— Какие славные дети! — заметил тот. — Юная леди, — обратился он к девочке, привлекая ее к себе, — позвольте мне завладеть вашим вниманием. Когда я приехал, вы убежали и так и не назвали мне своего имени.

— Я убежала сказать маме, что вы приехали, — ответила девочка. — Она была у Джойс.

— Кто это — Джойс?

— Горничная леди Изабеллы, — ответил мистер Карлайль, — та самая, с которой случилось несчастье. Мы все относимся к ней с большим уважением.

— Какое странное имя! — заметил Фрэнсис Левисон.

— Ее зовут Джойс Галлиджон. Она живет у нас уже несколько лет.

В эту минуту маленькая Изабелла, напрасно старавшаяся вырваться из рук гостя, вдруг залилась слезами. Капитан Левисон улыбнулся и еще крепче прижал ее к груди. Тогда мистер Карлайль поднялся и забрал у него дочь.

— Похоже, вам не часто приходится общаться с детьми, — сухо заметил Арчибальд.

— Вы правы, — ответил капитан Левисон и схватил маленького Уильяма.

Мальчик, отличавшийся более бойким характером, чем его сестра, громко засмеялся.

Глава III

Сон миссис Гэр

Следующий день выдался ясным, теплым и безоблачным. Лучи яркого утреннего солнца заливали спальню миссис Гэр. Она лежала в постели; ее нежные щеки горели болезненным румянцем, а глаза светились каким-то странным лихорадочным блеском.

— Мама, вам опять нездоровится? — спросила Барбара.

— Меня продолжают преследовать эти ужасные сны, — прошептала миссис Гэр, в страхе озираясь по сторонам. — Мне снилось, что настоящий убийца приехал в Ист-Линн, что он был здесь, у нас, и мы разговаривали с ним об убийстве, как с посторонним человеком...

— На кого же он был похож? — тихо спросила Барбара.

— Его черты уже изгладились из моей памяти, но он показался мне настоящим джентльменом, и мы разговаривали с ним как с хорошим знакомым. Он сидел, а Отуэй Бетель стоял позади его стула. Мне грезилось, что Ричард прятался в эту минуту за дверями и опасался, как бы этот человек не увидел его. Это был ужасный сон!

Девушка ничего не ответила, и повисло молчание. Миссис Гэр первая нарушила его:

— Знаешь ли, Барбара, несчастье, случившееся с бедняжкой Джойс, меня огорчает, и я была бы не прочь сходить в Ист-Линн и навестить ее.

Сердце мисс Гэр вдруг сильно забилося. При мысли о том, что она может увидеться с мистером Карлайлем, все ее существо охватил восторг. Когда они отправились в путь, уже наступил вечер. Приятная прогулка развлекла миссис Гэр, но прежде, чем они дошли до Ист-Линна, силы начали покидать ее.

— Напрасно я сюда пошла, — обратилась она к дочери.

— Давайте присядем на ту скамейку, и вы отдохнете.

Не прошло и нескольких минут, как их окружило целое общество. После ужина мистер Карлайль, его жена и сестра вышли погулять со своим гостем, Фрэнсисом Левисоном. Дети, за исключением самого младшего, также были с ними. Изабелла пожала руку миссис Гэр — с первой минуты своего знакомства с этой женщиной она почувствовала к ней нежную привязанность.

«Кто это такие? — подумал капитан Левисон, еще издали заметив двух дам. — Что за прелесть эта девушка! Надо подойти к ним поближе».

Капитан действительно подошел, и их познакомили. После нескольких церемонных слов Левисон переключился на игру с маленьким Уильямом.

— Какой болезненный вид у вашей матери! — заметил Арчибальд, обращаясь к Барбаре, между тем как миссис Гэр беседовала с леди Изабеллой и мисс Карлайль.

— Маме приснился один из тех ужасных снов, которые так часто тревожат ее... По-моему, сны моей матери как-то связаны с действительностью. Сегодня ей приснилось, что настоящий убийца приехал в Ист-Линн. Она виделась с ним у нас в доме и разговаривала как со знакомым; это очень важное обстоятельство.

— Кажется, и вы начинаете верить ее снам, Барбара, — с улыбкой заметил мистер Карлайль. — Вы говорите об этом так серьезно!

— Нет, я не верю снам, но всегда говорю серьезно, когда дело касается моего брата. Если бы когда-нибудь капитан Торн приехал в Ист-Линн, я сумела бы открыть все...

— Однако этот Торн несколько не торопится удостоить нас своим...

Арчибальд вдруг замолчал, потому что Барбара коснулась его руки, словно желая предостеречь его. Беседуя, они вышли через парк на дорожку, обрамленную цепью искусственных скал. На одной из них, прямо над тем местом, где стояли мистер Карлайль и мисс Гэр, сидел Фрэнсис Левисон. Он, похоже, не обратил на них внимания и занимался тем, что оборачивал в кожу ручку игрушечного хлыста. Они ускорили шаг и, сойдя с дорожки, направились к дамам.

— Мог ли он слышать то, о чем мы говорили? — заволновалась Барбара. — Я упоминала имя капитана Торна...

— Да, но вы ни слова не сказали о Ричарде, значит, беспокоиться не о чем. Капитан Левисон — человек совершенно посторонний. Если он и слышал имя Торна и понял, о чем вы говорили, то это не представляет для него ни малейшего интереса.

— Барбара, душа моя, как же мы доберемся домой? — спросила миссис Гэр у дочери. — Хотя я вижу там, на дороге, молодого Герберта, — торопливо добавила она. — Попроси его зайти к нам и распорядиться насчет коляски. Беги поскорее, дитя мое. Тогда мистеру Карлайлю не нужно будет посылать слугу.

Барбара устремилась к воротам. Не прошло и минуты, как она уже догнала мистера Тома Герберта.

— Вы, кажется, идете к нашему дому? — спросила Барбара, заметив, что на некотором расстоянии от дороги стоит и Отуэй Бетель.

— Да, а что вам угодно, мисс? — поинтересовался Том Герберт, не

отличавшийся особой вежливостью.

— Мама будет вам очень признательна, если вы зайдете к нам и скажете, чтобы Бенджамин приехал за нами.

— Хорошо. Кстати, мисс Гэр, мы устраиваем праздник по случаю возвращения Джека. Вы не хотите прийти?

— Он вернулся? — удивилась Барбара.

— Да, он только что приехал с другим офицером.

В эту минуту до слуха девушки донеслись звуки чьих-то шагов. Она быстро повернула голову. Двое мужчин приближались к ней. В одном из них она сразу же узнала Джека, иначе — майора Герберта.

— О, я давно тут не был, но помню хорошенькое личико Барбары! — воскликнул он.

— Ваш брат только что сообщил мне, — проговорила Барбара, смеясь, — что вы вернулись в Вест-Линн...

Девушка хотела сказать еще что-то, но вдруг замолчала. Кто был этот человек, стоявший рядом с Джеком Гербертом? Она не раз видела его. Широко раскрыв глаза, девушка с изумлением смотрела на спутника майора. Джек не мог не заметить этого и потому счел нужным представить своего друга.

— Капитан Торн! — сказал он.

— Я... так разглядывала капитана Торна, — пробормотала она, — потому что мне показалось, что я его где-то видела.

— Лет пять назад я действительно был в Ист-Линне — приезжал дня на два, — заметил капитан.

— Ах да! — произнесла Барбара, сама не понимая, что значило ее восклицание. — И долго вы пробудете здесь?

— Я еще не знаю, но нам дали отпуск на несколько недель.

Барбара оставила их. Тысячи мыслей кружились в ее голове, когда она бежала в Ист-Линн. Она вошла в гостиную, где собралось целое общество, за исключением леди Изабеллы, и, едва заметно тронув мистера Карлайля за плечо, удалилась из комнаты.

— Арчибальд! — обратилась она к нему, когда он вышел за ней. — Я должна поговорить с вами наедине. Не могли бы мы выйти на несколько минут в парк?

К несчастью, леди Изабелла, вернувшись в гостиную, видела, как Барбара дотронулась до руки ее мужа и слышала ее слова. Она остановилась у окна и, задыхаясь от ревности, следила за тем, как Барбара и Арчибальд прогуливаются по боковой тропинке парка. Она видела, как ее муж отогнал маленькую Изабеллу, которая весело побежала за ними.

Никогда после своего замужества ревность бедной женщины не достигала такой силы, как в этот вечер.

— Простите, что вызвала вас, — начала Барбара, — но я только что видела его.

— Кого? — недоумевал мистер Карлайль.

— Торна! Когда я побежала к Тому Герберту, то встретила там майора Герберта, а вместе с ним и капитана! Бетель тоже был там. Капитан Торн, вероятно, пробудет здесь несколько недель. Он в отпуске.

— Вот странное стечение обстоятельств! — воскликнул Арчибальд.

— Да, сон моей матери сбылся, — продолжала Барбара с тревогой в голосе.

Обогнув угол крытой аллеи, мистер Карлайль и его спутница очутились лицом к лицу с капитаном Левисоном. Он не стесняясь подошел к ним, но мистер Карлайль остановил его движением руки, сказав:

— Я сейчас вернусь к вам, капитан Левисон.

— Так как нам быть с этим Торном? — продолжала девушка, когда они снова остались одни.

— Право, не знаю, — ответил Арчибальд. — Не могу же я отправиться прямо к этому человеку и обвинить его в убийстве Галлиджона. Тем более, Барбара, мы не уверены в том, что он тот самый человек, о котором говорил Ричард.

— Но его появление здесь, в эту минуту, сон моей матери — разве все это не доказывает...

— Нет, — с улыбкой возразил мистер Карлайль. — Нам остается только терпеливо ждать.

Они направились к дому. Капитан Левисон опередил их и уже был в замке.

— Кто такая эта мисс Гэр? — обратился он к Изабелле. — Кажется, она очень дружна с вашим мужем. Сегодня я уже дважды видел, как они оживленно беседуют.

— Вы говорите со мной, сэр? — спросила миссис Карлайль, устремив на капитана надменный взгляд.

— Я не хотел оскорбить вас! — ответил Левисон.

Но цель была достигнута. Его слова заронили подозрение в сердце Изабеллы.

Глава IV

Капитана Торна беспокоит вексель

Однажды утром мистер Карлайль сидел в своей конторе, как вдруг к нему вошел его поверенный и доложил о том, что его желает видеть какой-то господин.

— Я слишком занят и не могу принять его сейчас.

— Я уже говорил ему это, сэр, но он готов ждать. Этот джентльмен не кто иной, как капитан Торн, что гостит у Гербертов.

— Так что же вы молчали! Зовите его скорей!

Дело заключалось в следующем: капитана Фредерика Торна очень беспокоил один вексель, и он пришел посоветоваться о нем с мистером Карлайлем. Капитан Торн оказался приятным молодым человеком, и Арчибальд был готов ему помочь, но мысль о том, что, возможно, этот человек и есть убийца Галлиджона, охлаждала его добрые намерения.

— Итак, вы отказываете мне в помощи? — спросил Торн, заметив колебание адвоката.

— Не совсем так. Просто я люблю знать, кто мои клиенты, прежде чем принимаюсь за их дела.

— Я в состоянии заплатить вам за ваши труды... — проговорил капитан.

Карлайль рассмеялся:

— Вы не так меня поняли! Я не имел в виду ваш кошелек. Мой отец никогда не брался за дела незнакомого ему человека. Я придерживаюсь того же правила.

— Я из хорошей семьи... — начал было капитан.

— Извините меня, — перебил его мистер Карлайль, — но ваши родственные связи здесь ни при чем. Если бы бедный рабочий пришел ко мне за советом, я охотно дал бы его, лишь бы только он был честным человеком.

В голосе мистера Карлайля было столько любезности и спокойствия, что молодой человек не расценил его поведение как оскорбительное.

— Как же мне убедить вас в своей честности? — спросил капитан Торн. — Я думаю, что звание офицера в этом отношении не пустой звук. Вы можете расспросить обо мне у Джона Герберта. Герберты — ваши друзья.

— Это правда, — согласился мистер Карлайль.

Тогда капитан Торн объяснил, в чем заключалось его дело, и Арчибальд растолковал ему, как следует поступить, чтобы выйти из затруднительного положения.

— Лет десять тому назад вы, кажется, были в Вест-Линне, капитан? — поинтересовался мистер Карлайль в конце разговора. — Однажды вы отреклись от этого в моем доме, но по одному вашему замечанию я имел основание заключить, что вы здесь все же были.

— Да, это так, — не стал отрицать Торн, стараясь говорить как можно тише. — Тогда я был беспечным, легкомысленным юношей и постоянно попадал в неловкие ситуации. Я был влюблен...

— И эту девушку звали Эфи Галлиджон? — спросил мистер Карлайль с замирающим сердцем.

— О ком это вы? — удивился капитан.

— Неужели вы никогда не слышали об этой трагедии? Отец Эфи Галлиджон...

— Ах да! — воскликнул капитан Торн. — И как я мог позабыть! Должно быть, это та самая девушка, о которой мне рассказывал Том Герберт. Она, кажется, исчезла вскоре после того, как убили ее отца...

— Да, убили, в его собственном доме, чуть ли не на глазах у Эфи...

Мистер Карлайль вдруг замолк: он понял, что выдает себя.

— Галлиджон, — произнес он уже спокойнее, — много лет служил секретарем у моего отца.

— А убил его, как мне говорили, молодой Гэр, — продолжал капитан Торн, — брат той хорошенькой девушки, которую зовут Барбара. Какое ужасное несчастье для Гэров! Кстати, вы ничего не слышали об Эфи?

— Ничего, — ответил мистер Карлайль. — Так вы хорошо ее знали?

— Я? Я даже никогда не слышал ее имени, пока Том Герберт не рассказал мне эту историю.

— Эфи была сумасбродной и капризной девушкой. Она не задумываясь расточала свою благосклонность, и в числе ее многочисленных поклонников был один джентльмен по имени Торн. Это были вы, не так ли? — не унимался Арчибальд.

— Нет, — произнес капитан, — я никогда не видел эту девушку.

— Значит, не она заставила вас бежать отсюда?

— Вовсе нет. Это была замужняя дама и к тому же мать семейства.

Торн встал и довольно поспешно простился. «Он или не он?» — мысленно спрашивал себя Карлайль.

Через минуту к нему вошел Дилл. Осторожно притворив дверь, он приблизился к своему хозяину и произнес вполголоса:

— Мистер Карлайль, а не думали ли вы, что господин, вышедший от вас, и есть тот самый поручик Торн, о котором вы мне когда-то говорили?

— Как раз об этом я и думал.

— Вчера произошел один любопытный случай, о котором я хочу вам рассказать. Из Суассона сюда приехал доктор Бизант. Прогуливаясь с ним в парке, мы встретили капитана Торна. Доктор узнал его, и они поклонились друг другу, как давние знакомые. «Вы знаете этого джентльмена?» — спросил я у Бизанта. «Да, — ответил он, — это мистер Фредерик». — «Кажется, его фамилия Торн», — заметил я. «Знаю, — отозвался доктор, — но когда несколько лет назад он приезжал из Суассона, то все называли его просто мистером Фредериком, и тогда он был известен всем именно под этим именем». — «Чем же он здесь занимался, доктор?» — поинтересовался я. «Вел праздную жизнь: играл, забавлялся». — «А он любил ездить верхом?» — «Да, кажется, это было его любимым занятием». Ну, что вы на это скажете?

— Что это именно тот, кого мы ищем, — ответил Карлайль.

На следующее утро, когда семейство Гэров завтракало, Барбара заметила почтальона, подходившего к их дому. Она вышла к нему.

— Вам, мисс, только одно, — проговорил почтальон.

— От кого? — спросил судья, когда Барбара вернулась в дом.

— Это от моей сестры Энн, — ответила девушка, положив письмо рядом с собой.

— Прочитай его нам. Что она пишет?

Барбара распечатала конверт и, вынимая письмо, выронила себе на колени маленькую сложенную бумажку. Миссис Гэр заметила это.

— Барбара, ты что-то уронила, — сказала она.

Щеки Барбары залились румянцем. Она встала со стула и встряхнула свое хорошенькое кисейное платье.

— Я ничего не роняла, право...

И, снова усаживаясь за стол, она выразительно посмотрела на мать; миссис Гэр наконец-то поняла ее. Затем Барбара, разложив письмо сестры на столе, принялась читать. Когда она закончила, судья сам взял его и, пробежав глазами, отбросил в сторону.

— Глупейшая переписка! — воскликнул он и быстро вышел в сад.

— Почему ты на меня так посмотрела, милая? И что это за бумажка упала к тебе на колени? — обратилась к дочери миссис Гэр.

— Когда Энн хочет сообщить мне о каком-нибудь секретном известии, то вкладывает в письмо маленькую записочку.

И Барбара вынула из кармана аккуратно сложенную бумажку.

Ознакомившись с ее содержимым, девушка воскликнула:

— О, мама! Это о Ричарде! Господи, какое счастье, что папа не заметил!..

— Барбара, ты меня мучаешь! — проговорила миссис Гэр дрожащим голосом. — Что Энн может знать о Ричарде?

Барбара передала матери смятую бумажку. В ней заключалось следующее: «Недавно я получила странное послание от Р., без подписи и без числа, но сразу же узнала его почерк. Он просит передать, что скоро опять посетит вас ночью».

— О, мама, ведь это ужасный риск! — волновалась Барбара.

— Но он жив! Уничтожь эту бумажку, дитя мое!

— Нет, мама, сначала я должна показать ее Арчибальду Карлайлю.

— Так сделай это сегодня. Мне будет беспокойно до тех пор, пока она у тебя.

Вечером девушка отправилась в Ист-Линн. Когда она пришла туда, часы пробили семь.

— Мистер Карлайль дома? — спросила девушка у слуги.

— Он еще не возвращался, мисс. Миледи и мисс Карлайль ожидают его к ужину.

Слуга предложил гостье войти, но она отказалась. Барбара стала медленно прогуливаться по парку. Увидев наконец мистера Карлайля, она быстро устремилась к нему. Они крепко пожали друг другу руки.

— Как я рада, что встретила вас! Мы получили важное известие.

— Какое? Не о Торне?

— Нет, о Ричарде, — ответила Барбара, вынимая записку из кармана и протягивая ее Арчибальду.

Ни мистер Карлайль, ни мисс Гэр даже не предполагали, что из окон замка за ними наблюдают Изабелла и капитан Левисон. Мисс Карлайль также не теряла их из виду.

— Мне кажется, Арчибальд, что само Провидение посылает сюда Ричарда. Теперь мы все выясним. Нужно только, чтобы Ричард увидел капитана Торна.

— Я пока не знаю, как это устроить, мне нужно подумать. Дайте мне знать, как только увидите Ричарда. А теперь извините меня, я должен вас оставить, — произнес Карлайль, протягивая Барбаре руку.

— Благодарю вас, Арчибальд, мы никогда не сомневались в вашем расположении.

Мистер Карлайль вошел в гостиную и извинился за то, что заставил себя ждать.

— Чего от тебя было нужно Барбаре Гэр? — вдруг осведомилась Корнелия.

— Ей нужно было видеть меня по делу, — ответил он тоном, не допускавшим дальнейших расспросов.

— Вы что-то с ней читали. Мне показалось, что это была записка.

— В этой записке и кроется весь секрет, — прибавил мистер Карлайль, улыбнувшись. — Если юные особы поверяют мне свои тайны, то, разумеется, я не имею права разглашать их.

— Какой вздор! — проворчала Корнелия. — Можно подумать, что Барбара не может жить без тебя.

Карлайль бросил на сестру суровый взгляд, и Корнелия прочитала в нем предостережение.

— Арчибальд, неужели опять эта старая история?

Говоря о «старой истории», мисс Карлайль намекала на дело Ричарда Гэра, но, к несчастью, Изабелла иначе поняла смысл этих слов: она вообразила, что мисс Карлайль подразумевает прежнюю любовь ее мужа к Барбаре. В тот же вечер леди Изабелла, будучи не в силах усмирить негодующее сердце, обратилась к мужу с вопросом:

— Зачем Барбаре Гэр так часто нужно видеться с тобой?

— По одному очень важному делу, Изабелла.

— И я не могу быть посвящена в эту тайну?

— Изабелла, — сказал он, — этот секрет не может интересовать тебя, он касается только семейства Гэров.

Следующим утром миссис Карлайль сидела в столовой опечаленная. Капитан Левисон, проводив мистера Карлайля до парка, прокрался к живой изгороди и вскоре сообщил Изабелле, что ее муж и Барбара снова встретились.

В этот же день Джойс в первый раз встала с постели и с живейшим вниманием рассматривала капитана Левисона, расхаживавшего по лугу.

— Какой красивый мужчина! — заметила она.

Глава V

Ричард Гэр в кабинете Дилла

Был понедельник. Луна ярко освещала одинокого путника, шедшего с поникшей головой. Он походил на простого работника, длинные черные усы скрывали нижнюю часть лица, а широкополая шляпа была надвинута на самые брови. У дома судьи Гэра он боязливо осмотрелся и перемахнул через ограду. Очутившись в саду, он спрятался в густых деревьях.

Барбара, с замирающим сердцем ожидавшая встречи с братом, готова была отдать все на свете, лишь бы отец ушел из дома. Но нет, суровый судья, сдвинув в сторону парик и не выпуская изо рта трубку, сидел как раз у окна, выходящего в сад.

— Я просто задыхаюсь от жары! — воскликнула вдруг девушка. — Пойду прогуляюсь по саду.

Приблизившись к роще, она заметила Ричарда. О, как он изменился — похудевший, бледный, взволнованный!

— Ричард, — проговорила Барбара жалобно, — я ни минуты не могу оставаться здесь. Отец дома!

— И я не увижусь с матерью?

— Нет... Придется подождать до завтра!

— О, Барбара! Мне страшно! Кажется, за мной следят.

— Приободришь, брат, мы нашли Торна. По крайней мере, мы так думаем. В Вест-Линне есть человек, который носит это имя. Нужно, чтобы ты сказал, он это или нет.

— Как он выглядит?

Барбара прохаживалась взад-вперед.

— Этот Торн, кажется, джентльмен. У него прекрасные манеры, и он имеет слабость к бриллиантам!

— Значит, это он! Но где же я могу его увидеть, чтобы убедиться в этом?

— Не знаю, быть может, здесь, завтра, когда стемнеет. Прощай, Ричард, мне пора!

На следующий день Барбара отправилась в контору мистера Карлайля, чтобы договориться с ним о том, как устроить Ричарду встречу с Торном. К несчастью, в ту минуту, когда девушка входила в контору, мимо проезжала леди Изабелла со своей дочерью, и обе они узнали мисс Гэр.

Вечером Изабелла и Арчибальд должны были ехать в гости к

Джефферсонам, но Карлайль, извинившись перед женой, сказал, что не сможет сопровождать ее из-за важного дела.

— Но, — продолжала Изабелла, — по крайней мере, ничто не помешает тебе приехать к нам позднее.

— Боюсь, это будет невозможно, Изабелла.

Она закуталась в шаль и быстро сбежала по лестнице. Карлайль последовал за ней и помог ей сесть в карету. Он простился с ней, но она ничего не ответила и не подняла глаз.

— В котором часу прикажете приехать за вами, миледи? — спросил слуга, когда карета подкатила к дому Джефферсонов.

— В половине десятого.

Около восьми часов Ричард Гэр, в длинной рубашке и в шляпе с широкими полями, позвонил в контору адвоката. Мистер Карлайль сам отворил ему.

— Войдите, Ричард. Надеюсь, что вас никто не узнал.

— Я шел опустив голову и не смел поднять глаз. Но что, если кто-нибудь войдет сюда?

— Успокойтесь, мы здесь одни. Мне обязательно доложат, если кто-нибудь придет.

— Так вы заманили сюда презренного убийцу?

— Да, наконец-то он у нас в руках. Человек, которого мы вскоре увидим, поразительно похож на описанного вами убийцу Галлиджона.

— Уж не сошел ли он с ума? Право, нужно быть не в себе, чтобы осмелиться появиться здесь.

— Вероятно, он надеется, что его не узнают. Но будем осторожны. Я проведу вас в кабинет мистера Дилла: там есть небольшое окошечко. Так вот, через него вы рассмотрите того господина, который сюда придет и который носит имя капитана Торна.

Мистер Карлайль провел Ричарда в святая святых старого Дилла, запер за ним дверь и опустил ключ в карман. Вскоре появился капитан Торн, и Арчибальд пригласил его в комнату для секретарей. Завязав разговор со своим гостем, мистер Карлайль устроил так, что капитан присел на стул, находившийся как раз напротив маленького окошечка.

— Сегодня утром я получил из Лондона известие, касающееся вашего дела, — начал адвокат. — К сожалению, должен сообщить вам, что известие это не совсем благоприятное.

— Но, во всяком случае, меня не могут арестовать? — спросил капитан.

— Могли бы, если бы я не выступил в качестве вашего защитника.

— А могу ли я и впредь рассчитывать на ваше содействие?

— Я дам вам знать завтра.

— Но почему же вы отказываетесь?

— Я не всегда могу объяснить причину своих поступков. Повторяю вам, что завтра вы получите от меня окончательный ответ.

Сказав это, мистер Карлайль встал и проводил капитана Торна до дверей, затем он вернулся в канцелярию и выпустил Ричарда.

— Ну, что вы скажете? Это он?

— Нет! Он нисколько не похож на него!

Арчибальд искренне обрадовался. Он испытал большое облегчение, потому что этот Торн ему нравился. Трудно было поверить в то, что человек с такой прямой натурой — убийца.

— Они нисколько не похожи друг на друга, — продолжал Ричард, — ни ростом, ни внешностью. Ах, мистер Карлайль, когда Барбара сказала мне, что он здесь, я не поверил этому... Не поверил, что мои страдания могут кончиться...

— Не унывайте, Ричард, и постарайтесь успокоить мать... Идите к ней скорее. Нужны ли вам деньги?

Ричард потупил взгляд.

— Да, — пробормотал он едва слышно. — Я был болен и не мог работать...

— Возьмите, мой друг, — сказал мистер Карлайль и вручил ему билет в двадцать пять фунтов стерлингов.

Он проводил молодого человека до самого дома судьи Гэра. Никто не встретился им по пути. Был десятый час.

— А вот и Барбара, — прошептал Арчибальд. — До свидания!

Пока Ричард осторожно прокрадывался в комнату, где его ждала бедная мать, мисс Гэр, стоявшая на верхней ступеньке лестницы, тихо разговаривала с мистером Карлайлем.

— Ну что? — спросила она с замирающим сердцем. — Это он?

— Нет, Ричард уверяет, что они совсем не похожи.

Когда они оба вошли в комнату миссис Гэр, мать и сын сидели, крепко обнявшись.

— Как вы добры! — прошептала бедная женщина, схватив за руку мистера Карлайля. — Что бы мы делали без вас? Но я хочу попросить вас еще об одной милости...

— Что вам угодно?

— Мистер Гэр немного нездоров, и я ужасно боюсь, что он скоро вернется. Что с нами будет, если он увидит сына? Не могли бы вы остаться

в саду и задержать моего мужа, если он вдруг появится? Барбара будет с вами и немедленно предупредит нас.

— Конечно, миссис Гэр.

— Благодарю вас, Арчибальд. О, если бы вы знали, как я счастлива, что увиделась с сыном!

Мистер Карлайль и мисс Гэр вышли в сад на ночную прогулку, прислушиваясь к малейшему шороху.

В это время леди Изабелла была у миссис Джефферсон. В половине десятого она решила поехать домой, сославшись на головную боль. Когда миссис Карлайль возвращалась в Ист-Линн, на дороге вдруг возник какой-то человек и остановил кучера. Испуганная Изабелла высунула голову в окно и увидела перед собой капитана Левисона в огромной меховой шапке.

— Как вы рано возвращаетесь! — сказал он, даже не извинившись.

«Что за человек! Лжет не краснея! — подумал кучер. — Он прекрасно знал, когда миледи вернется домой, потому что сам меня об этом спрашивал».

— Я решил немного прогуляться, — продолжал Левисон, — но устал, и если это вас не очень стеснит, то я с удовольствием вернусь вместе с вами.

Она не могла отказать ему. Слуга отворил дверцу, и Фрэнсис Левисон сел рядом с леди Изабеллой.

— Поезжай по большой дороге! — крикнул он кучеру.

Дорога эта шла мимо поместья судьи Гэра.

— Я вас не узнала, — начала Изабелла. — Какой странный головной убор! Вы маскируетесь?

— О, в этом нет необходимости. У меня нет кредиторов в Ист-Линне.

Он лгал, потому что надел эту шляпу с единственной целью — изменить внешность.

— Мистер Карлайль вернулся? — спросила она.

— Нет, — ответил он. — И могу сказать вам больше: я только что проходил мимо дома Гэров и заметил мужчину и молодую девушку. Они прогуливались рука об руку. Это были ваш муж и Барбара Гэр.

Нервная дрожь охватила Изабеллу. Она задыхалась от ненависти и гнева. Итак, волновавшие ее подозрения подтвердились. В чаду слепой ревности она начала считать своего мужа лжецом и лицемером. Он отказался сопровождать ее в этот вечер только потому, что предпочел остаться в обществе ее соперницы! Когда карета проезжала мимо дома Гэров, она посмотрела в окно. Увы! В это самое время луна ярко освещала садовые дорожки, и Изабелла увидела своего мужа и Барбару Гэр.

Невольный крик вырвался из ее груди.

— Отомстите этому бездушному человеку! — прошептал неотвязный Левисон. — Бросьте эту скучную, незавидную жизнь. Он никогда вас не стоил! Верьте мне, я желаю вам счастья, и мое сердце бьется только для вас.

Глава VI

Неотвратимая гибель

Время шло, было уже четверть одиннадцатого. Ричард Гэр, однако, все еще оставался с матерью, а Арчибальд и Барбара прогуливались по лужайке перед домом. В половине одиннадцатого Ричард счел нужным удалиться. Простившись со всеми, поспешил домой и мистер Карлайль.

Оставшись одна, Барбара приложила лоб к садовой ограде и дала волю слезам. Судья не приходил. Что могло с ним случиться? Бедная девушка вдруг вздрогнула: ей послышался шум шагов.

— Кто здесь? — крикнула она в темноту.

— Это я, Ричард! — раздался ответ.

— Но что с тобой? — спросила девушка, заметив, что он задыхается и дрожит.

— О, сестра! Милая моя сестра! Я встретил Торна, капитана Торна!

Барбара подумала, что он теряет рассудок.

— Да, — ответила она кротко. — Да, я знаю, что ты его видел, но, к несчастью, это совсем не тот, не настоящий Торн.

— Я говорю не о том господине, которого я видел сегодня вечером в конторе мистера Карлайля. Нет! Тот, кого я видел только что, и есть убийца Галлиджона!

— Прошу тебя, Ричард, успокойся. Все это не более чем игра твоего воображения.

— Что?! Нет, повторяю тебе, я его видел. Он шел торопливой походкой, придерживая одной рукой шляпу, а другой — небольшой пакет. Я узнал кольцо и даже бриллиант, сиявший в лунном свете. Ни одна черта его лица не ускользнула от меня, он почти нисколько не изменился. Будь уверена, что это Торн, настоящий Торн!

От радости Барбара позабыла все: и надвигавшуюся ночь, и ожидавшую ее мать, и, наконец, отца, который мог вернуться домой с минуты на минуту.

— Ричард, нужно непременно сообщить об этом мистеру Карлайлю, мы еще можем догнать его.

И девушка устремилась вперед. Вскоре они добежали до замка Ист-Линн. Как раз в эту минуту Карлайль проходил мимо ворот.

— Как! Это вы, Барбара? — воскликнул мистер Карлайль.

— Ар... чи... бальд! — пролепетала девушка, задыхаясь. — Я

безумная... будьте так добры, поговорите с Ричардом!.. Он там... он видел Торна... настоящего Торна!

Мистер Карлайль с трудом верил собственным ушам, однако последовал за Барбарой.

— Мистер Карлайль, — начал молодой человек, — я видел убийцу, клянусь вам, что он здесь!

— Я в полном недоумении, — признался Арчибальд. — Я могу заверить вас в том, что в окрестностях нет ни одного человека с именем Торн, кроме того, которого вы видели сегодня вечером у меня в конторе.

— Может быть, он живет под другим именем. Он был в легкой куртке нараспашку... Я узнал его, я узнал даже бриллиант, о котором упоминал прежде.

— Вот мой совет, — произнес адвокат. — Не уезжайте отсюда и постарайтесь выследить этого человека. Если вы увидите его еще раз, то следуйте за ним по пятам, чтобы узнать, где он живет.

— Но, мистер Карлайль, что со мной будет, если меня узнают?

— Успокойтесь, вас невозможно узнать. К тому же прошло столько лет, что никто о вас и не вспоминает. Теперь, Барбара, — сказал Карлайль, — я провожу вас домой.

— О нет, я не согласна, уже слишком поздно, и вы очень утомлены.

— Я не допущу, чтобы вы в такой поздний час возвращались одна.

— Но что скажет леди Изабелла? Она будет тревожиться.

— Не беспокойтесь. Она, скорее всего, еще не вернулась. К тому же это не может ее смутить!

Оказавшись дома, Барбара рассказала матери обо всем, что случилось. Девушка обрадовалась, узнав, что отец еще не возвращался.

Леди Изабелла находилась в своем будуаре, когда вернулся мистер Карлайль. Сидя за маленьким столиком, она что-то писала дрожащей рукой. Арчибальд задал ей несколько вопросов о том, как она провела вечер, но она дала весьма лаконичные ответы. Затем он спросил, скоро ли она пойдет спать.

— Мне вовсе не хочется спать, — произнесла она.

— Я изнемогаю от усталости, — продолжал мистер Карлайль, — пойду отдохну.

— Иди, никто тебе не мешает.

Он наклонился, чтобы поцеловать ее, но она отвернулась. Тогда Арчибальд догадался, что она была обижена тем, что он не сопровождал ее этим вечером.

— Милая, — прошептал он, нежно касаясь плеча жены. — Разве я в

чем-нибудь виноват? Не сердись на меня, пожалуйста.

Когда мистер Карлайль лег в постель, леди Изабелла осторожно пробралась в комнату Джойс. Та проснулась и, протерев глаза рукой, увидела перед собой госпожу.

— Не больны ли вы, миледи? — с испугом спросила служанка.

— Больна? Да... больна и несчастна! Джойс, — продолжала она, — если мои дети когда-нибудь лишатся матери, обещайте мне никогда не покидать их.

— Конечно, миледи, но что с вами? Вы меня пугаете!

— Прощайте, Джойс! — прошептала Изабелла и вышла, тихонько притворив за собой дверь.

Не только Джойс беспокойно спала в эту ночь. Мистер Карлайль проснулся среди ночи от кошмарного сна. Он окликнул жену, но его голос глухо прозвучал в ночной тишине; ответа не последовало. Пробило четверть четвертого. Вскочив, он накинул халат и бросился в будуар. Там царил глубочайший мрак и было тихо, как в могиле.

— Изабелла! Изабелла! — звал он.

Арчибальд обежал все комнаты, но Изабеллы нигде не было. Встревоженный, он постучал в дверь своей сестры.

— Ктотам? — спросила мисс Корни, потягиваясь на постели.

— Это я, Корнелия!

— Ты что, нездоров? — спросила его сестра, когда он вошел к ней.

— Четверть четвертого, а Изабелла не легла в постель. Я не знаю, где она.

— Может, Джойс приболела и она за ней ухаживает?

Арчибальд вбежал в комнату Джойс, но Изабеллы не было и там.

— Вы не видели миссис Карлайль? — обратился он к служанке.

— Видела. Она заходила ко мне около полуночи.

— Что же она говорила? О чем просила вас?

Джойс вспомнила мрачные слова леди Изабеллы, и ее охватил невыразимый ужас.

— Ах, господин, она наложила на себя руки!

— О чем вы, Джойс? Опомнитесь!

— Говорю вам, миледи была так несчастна... она хотела покончить с собой!

— Вы потеряли рассудок Джойс, вы бредите!

— Ну? — вмешалась мисс Корни, тоже поднявшаяся наверх. — Нашли леди Изабеллу?

— Нет, — ответила Джойс. — Теперь ее найдут только в могиле. Это

вы довели ее до этого! С тех пор как миссис Карлайль поселилась в Ист-Линне, она ни шагу не могла ступить без вашего ведома! Вы постоянно мучили ее, она была рабой ваших капризов и вашего строптивного характера. Вы делали с ней все, что хотели, разве только не били, а она все сносила с ангельским терпением!

Мисс Карлайль стояла как громом пораженная. Брат пристально смотрел на нее.

— Что ты на это скажешь, Корнелия? — спросил он наконец.

Мисс Корни первый раз в жизни потеряла дар речи.

— Да простит вам Бог, Корнелия! — вздохнул Карлайль и быстро вышел из комнаты.

Он закрылся в своем кабинете. Какой-то неведомый голос говорил ему, что его жена жива. Он думал, что, предавшись отчаянию, она блуждает где-нибудь в парке.

Рассвело, все в доме поднялись. Слуги принялись за обычные дела. Джойс добралась до кабинета своей госпожи и, тщательно обыскав все шкафы и комоды, нашла наконец конверт, надписанный рукой леди Изабеллы. Она поспешила — насколько ей позволяла больная нога — отнести это письмо своему господину.

Мистер Карлайль взял письмо и взглянул на надпись: «Арчибальду Карлайлю». Он был сдержанным человеком, но, когда сломал печать, руки его дрогнули.

«Пройдут годы, и дети когда-нибудь спросят тебя, где их мать и почему она покинула их. Тогда ты скажешь им, что ты сам, их отец, довел ее до этого. Они спросят тебя: „Что с ней стало?“ Скажи им что хочешь, но не забудь упомянуть и о том, что ты оскорбил ее, изменил ей, поверг ее в пропасть отчаяния и что в отчаянии она ушла от них».

Письмо, написанное его женой, расплывалось перед его глазами. Теперь он понял, что она навсегда оставила его. Чем он оскорбил ее? Притеснения, которым она подвергалась и о которых говорила Джойс, были делом рук Корнелии, и, очевидно, она не могла считать его виноватым в этом. Что же он сделал? Чем провинился перед ней? В эту минуту до его ушей донеслись крики. Слуги говорили, что капитана Левисона нет в комнате и что он не ночевал в замке.

— Джойс, — сказал Арчибальд, направляясь к двери, — не говорите никому об этом письме.

— Миледи не умерла?

— Нет, не умерла, — ответил он. — Все гораздо хуже.

— Кто там идет? — воскликнула вдруг служанка.

В дверях появилась маленькая Изабелла.

— Что случилось? Где мама?

Мистер Карлайль привлек девочку к себе и, бросив на Джойс грустный взгляд, прошептал:

— С этого дня вы будете называть ее... Люси.

Затем он вышел. Изабелла, вернее Люси, спросила няню:

— Джойс, а правда то, что говорят слуги?

— А что они говорят?

— Что капитан Левисон увез нашу маму с собой.

Вместо ответа Джойс громко вскрикнула.

— Зачем же он увез ее? — продолжала маленькая девочка.

— Замолчи, дитя мое, замолчи.

— Но я хочу видеть маму. Когда она к нам приедет?

Джойс закрыла лицо руками. В эту минуту мисс Карлайль прошла в комнату и села на стул. Тяжело было смотреть на ее бледное лицо, искаженное горем и угрызениями совести.

— Да сохранит Господь этот несчастный дом! — прошептала она.

В полночь судья Гэр вернулся домой, чрезвычайно веселый, слегка возбужденный винными парами и оживленной беседой. Девять партий, выигранных в карты, также способствовали его хорошему настроению. Он рассказал жене, что, отворяя ворота, он видел промелькнувшую как молния почтовую карету, запряженную четверкой лошадей.

Глава VII

Последствия

Минул год. Леди Изабелла Карлайль укрылась во Франции и жила то в одном, то в другом городе. Капитан Левисон постоянно ездил в Париж и там тратил деньги, предаваясь всевозможным увеселениям.

Бедная леди Изабелла! Она пожертвовала всем: мужем, детьми, семейным счастьем; она изменила данной перед Богом клятве и своим священным обязанностям. И ради чего? Ради того, чтобы в пылу страшной ревности отомстить человеку, который был уверен в ее нравственной чистоте. Теперь, когда ей открылась истина, укору совести напоминали Изабелле о ее непростительном поступке.

Прошел еще год. Фрэнсис Левисон путешествовал, совершенно не думая о леди Изабелле и позабыв о тех клятвах, что он дал ей несколько лет назад. По его настоянию она поселилась в Швейцарии и, всеми покинутая, изнывала в тоске по родине, но капитану Левисону не было до этого дела.

Одним июльским днем леди Изабелла встала очень поздно и, о чем-то задумавшись, села за стол. Через несколько минут в столовую вошел слуга, нанятый для нее капитаном Левисоном, и положил на столик два письма.

Изабелла взяла их и с минуту вертела в руках. Ей удалось разузнать, что мистер Карлайль употреблял все возможные усилия, чтобы добиться развода, и она с минуты на минуту ожидала окончательного решения. Письма были адресованы на имя капитана Левисона. Несчастливая женщина все еще надеялась, что Фрэнсис сдержит данное ей обещание и женится на ней, как только хлопоты о разводе увенчаются успехом.

Не о счастье с любимым человеком мечтала теперь леди Изабелла — она давно перестала уважать Фрэнсиса Левисона, — а о том, чтобы загладить свою вину и, став женой другого человека, освободить мистера Карлайля от мысли, что она продолжает носить его имя.

— Пьер сказал мне, что на мое имя есть два письма, — бросил капитан Левисон, входя в столовую и даже не здороваясь с Изабеллой.

— Да, вероятно, от вашего поверенного, я узнала по почерку, — ответила она.

Взяв письма, он отошел к окну и быстро прочел их. Вот что заключало в себе первое:

«Капитан Левисон! Спешу уведомить вас, что процесс окончен и развод утвержден. Имеем честь переслать вам соответствующие

документы.

Мосс и Грабб».

Капитан сложил письмо и убрал его в карман жилета.

— Что нового? — спросила леди Изабелла. — Я говорю о разводе.

— Пока ничего не ясно. Время терпит.

Затем он разорвал другой конверт и прочел следующее:

«Капитан Левисон! Едва мы успели отослать на почту последнее письмо к вам, как до нас дошло известие о кончине вашего почтенного деда, сэра Питера Левисона. Известие это было получено сегодня после полудня, и мы спешим поздравить вас с новым титулом и состоянием, которые вы унаследуете. Покорнейше просим сообщить нам ваши распоряжения.

Примите заверения в нашей преданности,
Мосс и Грабб».

— Наконец-то. Давно пора! Ну слава богу! — воскликнул капитан и положил письмо на стол.

— Могу я прочесть это письмо? — спросила леди Изабелла.

— Почему же нет?

— Несколько дней назад, — напомнила женщина, — вы точно так же бросили письмо на стол, а когда я хотела взять его, чтобы прочесть, то вы рассердились. Вы, конечно, помните это, капитан Левисон?

— Прошу вас, миледи, не называть меня больше капитаном. Теперь у меня есть имя получше...

— Какое же, смею спросить?

— Узнаете из письма, — ответил капитан Левисон, указывая пальцем на лежавшее на столе письмо.

Леди Изабелла взяла его и быстро пробежала глазами, между тем как сэр Фрэнсис — как мы должны теперь называть его — залпом выпил чашку кофе и приподнялся, чтобы позвонить.

— Приготовь и уложи мои вещи, потому что я уезжаю в Англию, — произнес Левисон, обращаясь к Пьеру. — Постарайся сделать это как можно скорее.

— Но я умираю от тоски, я должна сопровождать вас в Англию, — взмолилась несчастная. — Если вы отправитесь в Лондон, то вернетесь не скоро.

— Что с вами, Изабелла? — произнес Фрэнсис. — Я уезжаю по делам... Скоро вернусь. Разве я не обещал жениться на вас? Мне нужно

отлучиться только на пару недель, чтобы покончить с делами в Лондоне.

Он стремительно вышел из комнаты. Через несколько минут сэра Фрэнсис Левисон снова вошел в гостиную в дорожном костюме. Но, встретив презрительный взгляд леди Изабеллы, смутился и схватился за боковой карман.

— Кажется, я оставил на столе бумажник, — произнес он, краснея. — Ах, вот он! Проклятая рассеянность!

Бумажник действительно лежал на столе, но в руках леди Изабеллы было то самое роковое письмо, которое он так старательно прятал. Женщина медленно поднялась с кресла и, гордо выпрямившись, подошла к Фрэнсису Левисону.

— Итак, вы меня обманули, обманули самым недостойным образом, сказав, что вернетесь через одну-две недели для того, чтобы обвенчаться со мной. Вы лгали, иначе вы обвенчались бы со мной до вашего отъезда в Лондон.

— Но рассудите сами...

— Не перебивайте меня, — возразила она спокойно, — между нами все кончено. Вы прятали это письмо, полученное от ваших поверенных. Горькое предчувствие заставило меня прочесть его, и я узнала, что развод получен.

Леди Изабелла говорила без малейшего волнения и гнева. Сам Фрэнсис Левисон, казалось, был ошеломлен.

— Итак, — продолжала она, стараясь унять биение сердца, — по-вашему, я недостойна называться законной женой сэра Фрэнсиса Левисона?

— Послушайте меня, Изабелла, человек с моим званием и положением, так сказать, несет ответственность перед обществом и не может взять в жены разведенную женщину.

— Я говорила вам прежде и повторяю теперь, — произнесла женщина, краснея, — что я давно уже отказалась от личного счастья. Но с этой минуты я питаю к вам такое глубокое презрение, что не желаю соединять свою судьбу с вашей.

— Если вы меня презираете, то я могу лишь сожалеть об этом! Но было время, когда вы думали совершенно иначе.

— Теперь ничто уже не может загладить моей ошибки, ничто не в силах исправить ужаснейших последствий.

— Вот именно, ошибки, — воскликнул Левисон, давая волю своему дурному настроению. — Всею виной ваша глупая ревность, она толкнула вас на ложный путь.

— Что вы хотите этим сказать? — спросила Изабелла дрожащим

голосом.

— А то, что ваши подозрения относительно мужа были несправедливы и не имели под собой никакого основания. Он часто виделся с Барбарой Гэр, но причиной этих свиданий была семейная тайна.

— И вам известен этот секрет? — пробормотала она.

— Нет, не известен, я не был их поверенным; впрочем, я имею основание думать, что в семействе Гэров произошла какая-то драма. Мистера Карлайля попросили разобраться с этим делом, и так как миссис Гэр была не в состоянии совещаться с ним лично, то посылала вместо себя дочь. И могу сказать вам, что я много раз тайно присутствовал при свиданиях Карлайля с мисс Барбарой и слышал их разговоры.

— В таком случае, — воскликнула она, бросая на него взгляд, полный ненависти и гнева, — вы оклеветали моего мужа самым недостойным образом!

— В любви, как и на войне, все средства хороши! — ответил он с полнейшим равнодушием.

— Между нами все кончено, уходите и заберите свои деньги.

— Если когда-нибудь вы раскаетесь в своих словах, то вам стоит только написать несколько строк моему банкиру, и он...

— Ах, замолчите же, замолчите! — прервала его несчастная женщина. — Вот ваши деньги и оставьте меня в покое.

— Значит, мы расстаемся смертельными врагами? — спросил он.

— Мы расстаемся как люди, совершенно чужие друг другу. Прощайте!

Всю ночь леди Изабелла не смыкала глаз. Никогда угрызения совести не мучили ее так беспощадно. Она чувствовала себя одинокой, всеми покинутой и беспомощной. Она должна была заработать себе на пропитание или погибнуть без пищи, одежды и пристанища! Правда, у нее еще было несколько бриллиантов, подаренных ей покойным отцом и принадлежавших когда-то ее матери. Покидая Ист-Линн, она взяла их с собой, оставив в своей комнате другие драгоценности, подаренные ей мистером Карлайлем.

О, какое страшное чувство мести разгорелось когда-то в ее сердце! Оно сжигало ее лихорадочным огнем; ей хотелось показать Арчибальду, как она его презирает... и что же? До чего довело ее это безумие? По мере того как она приходила в себя и начинала понимать весь ужас своей ошибки, по мере того как она узнавала настоящий характер Фрэнсиса Левисона, на которого положились, сердце ее горько сжималось и раскаяние переполняло ее душу. И это еще не все. Изабелла мучилась теперь не только мыслью о своем безумном поступке, но и тягостным

осознанием того, что она осмелилась заподозрить мужа в измене.

Измученная размышлениями и горькими слезами, она наконец заснула тихим сном, от которого давно отвыкла. Изабелла видела себя в Ист-Линне: она гуляла в цветущем саду, опираясь на руку мистера Карлайля, окруженная своими детьми. Муж, улыбаясь, тихо говорил ей о своих делах, о старом Дилле и о тысяче других вещей.

О, сладостный сон! О, очаровательное видение! Когда она проснулась, в окне виднелось пасмурное небо, а вокруг были лишь голые стены комнаты.

Глава VIII

Одна навсегда

Одним серым мартовским утром в том городе, где жила леди Изабелла, остановился какой-то английский путешественник. Побеседовав с хозяином гостиницы, он отправился искать квартиру леди Изабеллы Вэн и спустя некоторое время позвонил в дверь небольшого домика. Изабелла, по обыкновению, сидела у камина с книгой в руках. В комнату неожиданно вошла горничная и доложила миледи, что какой-то англичанин желает ее видеть.

— Это не сэръ Фрэнсис? — спросила леди Изабелла.

— О нет! Он на него несколько не похож. Высокий, гордый, благородный. Это настоящий принц.

Сердце леди Изабеллы забилось чаще, и щеки покрылись легким румянцем. «Высокий, гордый и благородный!» — повторяла она про себя. К кому могли относиться эти слова, если не к Карлайлю? Странно, что такая мысль могла вдруг прийти ей в голову! Она встала, сделала несколько нетвердых шагов по комнате и хотела спуститься в гостиную.

— Подумайте о том, что вы делаете, миледи! — воскликнула горничная Сюзанна. — Вы же не в силах идти! Сядьте, пожалуйста, я позову этого господина сюда. Это не молоденький щеголь, на вид ему можно дать лет пятьдесят, волосы у него уже седеют.

Слова эти быстро охладили порыв леди Изабеллы; она могла лишь посмеяться над собственным безумием. К ней приехал не кто иной, как лорд Моунт-Сиверн.

— Как вы меня разыскали? — удивилась Изабелла, когда он поднялся к ней.

— Я ездил к сэру Фрэнсису Левисону и узнал, что между вами все кончено. Тогда я счел своей обязанностью выяснить, как он вел себя с вами.

— Мы расстались с ним несколько месяцев назад.

— Так, значит, вы не знаете, что он женился?

— Надеюсь, Господь сжадется над его бедной женой! — Вот и все, что сказала Изабелла.

— Он женился на Элис Чаллонер.

— На Элис? — удивилась она. — Мне казалось, что ему гораздо больше нравилась Бланш.

— Говорят, он обманул ее. Покорив сердце девушки, он вдруг сделал

предложение ее младшей сестре. Вот и все, что мне известно.

Повисло тягостное молчание.

— Зачем вы отыскиали меня? — спросила Изабелла. — Я недостойна этого, я навлекла бесславию на ваше имя.

— Так же как на имя вашего мужа и ваших детей, — прибавил граф строго. — Но как бы то ни было, я счел своим долгом, как ближайший родственник, позаботиться о вас.

— У меня еще есть деньги...

— *Его* деньги? — резко спросил граф.

— Нет, — ответила Изабелла, гордо выпрямившись. — Я продала свои вещи.

— Какие вещи? Мистер Карлайль сказал мне, что вы ничего не взяли с собой.

— Так вы его видели? — спросила она.

— Еще бы! — проговорил граф с негодованием. — После подобного происшествия, после того как моя родственница нанесла ему такой удар, как я мог не поехать в Ист-Линн и не выразить ему свое сочувствие? Мне хотелось также понять причину вашего поступка. О, Изабелла, как вы могли нанести ему такой ужасный удар? Он так нежно любил вас!..

— Умоляю вас, не напоминайте мне о прошлом, — прошептала несчастная женщина.

— Но мне необходимо знать правду, — настаивал граф. — Я приехал сюда с единственной целью — понять вас и вступить за вас. Отца вашего нет на свете, и потому я возлагаю на себя эту обязанность.

Из глаз Изабеллы полились слезы. Граф замолк, проникнувшись жалостью к бедняжке, но потом снова продолжил:

— Мы могли предположить, что вы увлеклись Фрэнсисом Левисоном, но содержание оставленной вами записки придало делу другой оборот. На что вы намекали, говоря, что муж стал причиной вашего бегства?

— Я думала, что он перестал любить меня и изменил мне с другой.

Граф смотрел на нее и не верил своим ушам.

— Да, — произнес он наконец, — мы с Карлайлем также подумали, что письмо было написано под влиянием ревности. Я попросил его откровенно признаться, не давал ли он вам повода заподозрить его в неверности. Ваш муж как перед Богом открыл мне свое сердце; он поклялся, что не давал вам ни малейшего повода с той самой минуты, как женился на вас... Он даже не думал ни о какой другой женщине, кроме вас.

Несчастливая женщина задыхалась от слез.

— Мистер Карлайль сказал мне, — продолжал граф, — что он был

чрезвычайно занят в то время, когда у вас жил Фрэнсис Левисон. Кроме своих обычных занятий в конторе, Арчибальд часто отлучался по какому-то тайному делу в одно семейство, жившее по соседству. Затем он сообщил мне, что в тот самый вечер, когда случилась катастрофа, одно очень важное обстоятельство, относившееся к вышеупомянутому делу, заставило его остаться в конторе для тайных переговоров с двумя джентльменами.

— А не сказал ли он вам, что это было за семейство? — спросила леди Изабелла сквозь слезы.

— Сказал. Я, однако, забыл... Гэт, кажется, или что-то в этом роде.

— А не Гэр?

— Именно. В тот роковой вечер Арчибальд должен был ехать с вами к знакомым, но он не поехал, потому что его задержали...

— О да! — перебила его Изабелла, и горькая усмешка промелькнула на ее губах. — Его задержали, я это знаю. Он прогуливался в саду с мисс Гэр. Я сама видела это, проезжая вечером мимо их дома.

— Теперь я понимаю! — воскликнул лорд Моунт-Сиверн с упреком. — И вы вздумали ревновать! Послушайте, в то время как вы так несправедливо подозревали мужа, он и мисс Гэр вовсе не наслаждались обществом друг друга, не любовь заставляла биться их сердца, а страх: они ждали судью Гэра... А там, в этом доме, в первый раз после семилетней разлуки несчастный сын встретился с бедной матерью. Знаете ли вы, что молодого Ричарда Гэра приговорили к казни? Отец проклял его и был готов выдать его без сожаления. Несчастный юноша пришел издалека, чтобы провести некоторое время с матерью и сестрой. Надеюсь, что теперь вы все поняли. Эту семейную тайну скрывали от старого судьи; мистер Карлайль и мисс Гэр должны были задержать его в саду... Ваш муж сам рассказал мне все это по секрету.

— Я погибла, погибла навсегда! — проговорила в отчаянии бедная женщина.

— Бедная Изабелла! Вы сами погубили себя... Вы, дочь графа! О, Изабелла, мне больно и обидно за вас.

— Но пощадите же меня, умоляю вас! — вскричала Изабелла. — Вы раздираете мне сердце. Я слишком слаба и не могу этого перенести.

Граф понял, что зашел слишком далеко, и проговорил более спокойным и почти нежным голосом:

— Успокойтесь, Изабелла, я хочу поговорить с вами о другом. Какая сумма нужна вам для того, чтобы прожить без роскоши, но все-таки с комфортом?

— Мне ничего не нужно, — ответила она, — я ничего не приму. Я

сама буду зарабатывать себе на хлеб.

— Это что еще за нелепость, Изабелла! — снова вспыхнул граф. — Жизнь не роман, вам следует серьезно подумать о будущем. Я приехал сюда с целью помочь вам. По возвращении в Лондон я распоряжусь, чтобы мой банкир высылал вам по четыреста фунтов ежегодно. А это не в счет, — прибавил он, положив на стол несколько банковских билетов.

Граф крепко пожал руку Изабеллы и вышел. Это был странный человек — непреклонный, но тем не менее способный сострадать. С той минуты, когда он услышал о несчастье, постигшем Изабеллу, он начал думать, что его жена отчасти виновата в этом, так как именно она вынудила бедную девушку — как он полагал — выйти за мистера Карлайля. Вот почему он счел своим долгом позаботиться о бедной одинокой женщине. Затем лорд Моунт-Сиверн вернулся в гостиницу и следующим утром уже был на пути в Англию.

А леди Изабелла? Она по-прежнему сидела безмолвно в своей комнате, всеми покинутая и забытая. Одна, одна навсегда.

Глава IX

Несчастье

Время шло, и здоровье леди Изабеллы понемногу поправлялось. К концу лета она уже могла уехать из Швейцарии. Изабелла чувствовала себя до такой степени несчастной, что рада была бы укрыться в самом отдаленном уголке земли.

Она отправилась в дорогу. Поезд благополучно доехал до местечка Калмер, где леди Изабелла намеревалась остановиться и провести день или два. Увы! Она не предчувствовала страшной катастрофы... Недалеко от станции раздались пронзительные крики; навстречу поезду с невероятной быстротой мчался другой поезд, и вдруг... паровоз, вагоны, пассажиры полетели к подножию крутой насыпи. Наступившая темнота только усилила страшную суматоху; в тусклом свете фонарей можно было разглядеть бесформенную грудку металла, искореженные вагоны, обезображенные трупы. Среди общего шума раздавались надрывающие душу стоны...

Вагон, в котором ехала леди Изабелла со своей горничной, лежал под грудой развалин, и пробраться в него стоило огромных усилий. Женщина осталась жива, но сильно ушиблась. Доктора, призванные на место катастрофы, покинули ее на время и обратились к другим несчастным. Изабелла слышала, как они переговаривались друг с другом и решили, что ей следует ампутировать ногу, иначе она умрет через несколько часов.

Женщина видела все, что происходило вокруг нее, и понимала, что находится на волосок от смерти. К ней подошли четверо санитаров и положили ее на носилки. Затем сестра милосердия подала ей воды, и она с жадностью ее выпила.

— Могу ли я еще что-нибудь сделать для вас? — спросила девушка. — Я охотно передам родственникам вашу последнюю волю, — добавила она, так как слышала то, что сказали врачи о состоянии бедной женщины. — Может, написать кому-нибудь из них?

— Да, если у вас есть бумага и письменные принадлежности. Так пишите же... графу Моунт... Нет, подождите, — прибавила она, — я напишу сама... Голова моя ясна, подержите бумагу передо мной, вот так...

Сестра милосердия повиновалась, и леди Изабелла не без труда написала лорду Моунт-Сиверну, что на железной дороге произошла катастрофа, что она умирает и горничная ее погибла. Она благодарила его

за доброту. «Навестите Арчибальда, — прибавляла она, — и передайте ему, что я смиренно прошу простить меня, что я прошу прощения у его детей. Скажите ему, что я горько раскаялась и что никакие слова не могут выразить этого». Потом, обратившись к сестре милосердия, она прошептала:

— Отошлите это письмо, когда я умру, и припишите несколько слов о моей смерти.

Когда доктора подошли наконец к леди Изабелле, чтобы осмотреть ее раны, она уже была без чувств, и они подумали, что она умерла. Они удалились, оставив ее на руках сестры милосердия. Уверенная в том, что леди Изабелла умерла, сестра даже не вернулась к ней и в тот же день отправила письмо, приписав несколько строк от себя.

Когда леди Изабелла опомнилась, то поняла, что находится в больнице. После того как сестра милосердия ушла, доктора снова осмотрели тело леди Изабеллы и убедились, что жизнь еще теплится в ее слабом теле. Да, благодаря искусству опытных врачей она вернулась к жизни. Доктора решились не прибегать к операции, так как при такой слабости не было ни малейшей надежды на успех. В течение трех месяцев она находилась между жизнью и смертью и когда наконец вышла из больницы, то увидела, что происшедшая с ней перемена была почти так же ужасна, как и сама смерть. При взгляде на эту хромую женщину с бледным лицом и согбенной спиной никто не мог бы подумать, что это то самое прелестное создание, которое некогда носило имя леди Изабеллы Вэн!

Между тем письмо с грустным известием прибыло в Лондон. Граф Моунт-Сиверн уехал по делам в Шотландию, и письмо передали графине. Заграничный штемпель пробудил в ней страшное любопытство.

— Я распечатаю его! — воскликнула она.

— Оно адресовано отцу, — заметил лорд Вэн, находившийся в той же комнате и имевший точно такие же представления о чести, как и его отец. — Вы не имеете права.

— Конечно, — произнесла графиня, — но, быть может, это письмо требует немедленного ответа... Мы же не знаем...

Леди Моунт-Сиверн распечатала письмо и с некоторым затруднением прочла его. Оно испугало ее.

— Какой ужас! — произнесла она. — Леди Изабелла... Изабелла Вэн погибла во время крушения поезда во Франции.

Большие глаза юноши, честные и правдивые, как в детстве, подернулись слезами.

— Это ужасно... но для нее это счастливый конец... Какой была бы

дальнейшая жизнь бедняжки! — произнесла графиня.

— Мама, ради бога, не говорите этого! — пылко заметил молодой лорд. — Вам ее вовсе не жаль! Вы сегодня же должны переслать это письмо отцу.

— Хорошо. Впрочем, торопиться незачем. Я точно не знаю, где твой отец. Я прикажу напечатать в газетах о ее смерти. Признаюсь, я очень этому рада. По крайней мере, на нашей семье больше не будет пятна...

— Мама, я думаю, что вы самая бессердечная женщина на свете.

— Как ты смеешь говорить подобные вещи? — произнесла графиня, вспыхнув от гнева. — Возвращайся сегодня же в свою школу — пусть это послужит тебе наказанием.

Прошло несколько дней. Однажды мистер Карлайль, как обычно, отправился из Ист-Линна в контору. Только он сел за бюро, как вошел старый Дилл и остановился перед ним в нерешительности.

— Что с вами? — спросил Арчибальд, удивленный визитом поверенного.

— Извините, сэр, я пришел спросить вас, не слышали ли вы какого-нибудь особенного известия?

— О чем это вы?

Старик медленно приблизился к бюро и положил дрожащую руку на газету «Таймс».

— Вот здесь, — сказал он взволнованным голосом, — в столбце об умерших... есть известие. Мужайтесь, мистер Карлайль, мужайтесь, — повторил он, поспешно удаляясь из комнаты.

Карлайль взял газету. В самом начале листа значилось следующее:

«В Калмере, во Франции, 18 числа этого месяца скончалась Изабелла Мэри, единственная дочь Уильяма, покойного графа Моунт-Сиверна».

Пришли клиенты, а мистер Карлайль все еще сидел в кресле, словно окаменев.

Заметив свое имя в газете, Изабелла поняла, что произошло недоразумение. Но стоило ли разуверять лорда Моунт-Сиверна и весь свет? О нет! Тысячу раз нет! Она очень долго мечтала о том, чтобы о ней позабыли, и решила не открывать своей тайны. Итак, леди Изабелла умерла для света. Письмо, которое было послано лорду Моунт-Сиверну, передали и мистеру Карлайлю. Всю неделю в Ист-Линне и Вест-Линне только и говорили, что о смерти леди Изабеллы, а потом о ней позабыли.

Глава X

Гостья

Однажды в парке Ист-Линна показалась молодая дама в нарядном платье с воланами, в щегольской накидке и в белой вуали. Незнакомка была хороша собой — высокая, стройная. Она смело подошла к парадной двери и позвонила в колокольчик, опустив на личико белую вуаль.

Слуга отворил ей дверь и почтительно поклонился.

— Здесь живет мисс Галлиджон? Она дома? — осведомилась гостья.

— Кто? — переспросил слуга.

— Мисс Галлиджон, мисс Джойс Галлиджон. Я хочу ее видеть.

Слуга оторопел: он-то подумал, что дама пришла к господам, а не к прислуге. Он довольно холодно пригласил ее в небольшую комнату и отправился наверх в детскую, где Джойс сидела с Уилсон.

— Вас спрашивает какая-то дама, мисс Джойс, — сказал слуга.

Джойс оставила работу и поспешила вниз. Увидев ее, хорошенькая незнакомка приподняла вуаль. В один миг бледное лицо Джойс сделалось еще бледнее. Стоявшая перед ней женщина была не кто иная, как Эфи, с которой она не виделась со смерти отца. Эфи развязно протянула ей руку.

— Извини меня, — произнесла наконец Джойс, — но я не могу пожать твою руку. Что заставило тебя прийти сюда? И где Ричард Гэр?

— Похоже, лучше было совсем не приходить... Откуда мне знать, где он?

— Разве ты тогда не сжалилась над ним и не помогла ему скрыться?

— Джойс, — вскрикнула Эфи запальчиво, — всякому терпению есть предел! С той ужасной ночи я в глаза не видела Ричарда Гэра, клянусь!

— Значит, ты любила не его?

— Разумеется, не его! — воскликнула Эфи. — Любить убийцунашего отца? Как не стыдно предполагать такое, Джойс!

— Похоже, я все это время напрасно винила тебя, Эфи. Я очень рада, что это неправда. Так думали все, кроме мистера Карлайля...

— У него больше здравого смысла, чем у остальных, — заметила молодая женщина.

— Но, Эфи, зачем же ты скрывалась? Почему ты уехала отсюда?

— Это касается меня одной.

— Но что же ты делала все это время? Где была? Ты замужем?

— Боже упаси! Я слишком люблю свободу и не хочу так рано

отказываться от нее. Я хочу привыкнуть к такой же скромной жизни, какую ведешь ты, Джойс, но мне это плохо удается.

— Так ты занимаешь место горничной? — воскликнула Джойс, успокоившись. — Ты довольна своим местом, Эфи?

— Так себе. Я получаю хорошее жалованье, но хозяйка у меня презлющая. А кто твоя госпожа?

— Мисс Карлайль.

— Мне лучше с ней не встречаться, мы друг друга недолюбливаем с давних пор.

— Не бойся, ты с ней не увидишься. Она уехала в Линнборо на целую неделю.

— Приятно слышать. Кто же распоряжается здесь в ее отсутствие?

— Я, — ответила Джойс. — Господин почти ни во что не вмешивается.

— Он не собирается снова жениться? Хотя мне кажется, что мистеру Карлайлю было и одного раза достаточно.

— Леди Изабелла умерла, — заметила Джойс.

— Это всем известно, моя милая.

— Я напомнила тебе, что она умерла, для того, чтобы ты не злословила на ее счет.

— Кто виноват, что о ней нельзя сказать ничего хорошего.

— Молчи, Эфи. Ты не имеешь никакого права так говорить. Ты не знаешь, каковы были обстоятельства...

— Напротив, прекрасно знаю, — продолжала Эфи. — Недаром же я служу у леди Моунт-Сиверн.

— Ты у нее служишь? — с изумлением воскликнула Джойс.

— Я живу у нее уже два года. Но, вероятно, скоро с ней расстанусь — она слишком раздражает меня. Я много слышала о вашей леди Изабелле. Говорят, что она была хороша собой, но, несмотря на это, сэр Фрэнсис так и не пожелал жениться на ней.

— Так ты его знаешь? Ты встречала его у леди Моунт-Сиверн?

— Знаю, но я встречалась с ним вовсе не в доме леди Моунт-Сиверн. Он больше не смеет показываться там, Джойс, — сказала Эфи и вдруг сменила тему: — Я голодна.

— Хочешь выпить чаю со мной и с Уилсон в детской? — спросила Джойс.

Эфи охотно приняла это приглашение. К вечеру мистер Карлайль вернулся домой, и Джойс поспешила сказать ему о приезде Эфи и о том, что она служит у леди Моунт-Сиверн.

— Я хочу попросить вас, сэр, позволить моей сестре переночевать

здесь. Леди Моунт-Сиверн отпустила ее на несколько дней, и мне не хотелось бы, чтобы Эфи останавливалась в гостинице.

— Пусть переночует у нас. Мне даже будете приятно, если она останется, потому что я желаю кое о чем расспросить ее. Скажите, чтобы она зашла ко мне после ужина.

В назначенное время Эфи вошла в кабинет мистера Карлайля.

— Вот как, Эфи! — начал он. — Вы решились вернуться и положить конец слухам о вашем исчезновении! Очень рад. Садитесь.

— Я не забочусь о том, что обо мне говорят. Предположение о том, что я любила Ричарда Гэра, — суший вымысел, мистер Карлайль.

— Вам вовсе не следовало уезжать отсюда.

— Это правда, сэр. Но разве я могла оставаться в коттедже после этого происшествия?

— В этом происшествии, Эфи, есть какая-то тайна, которую я никак не могу постичь. Я надеюсь, вы мне поможете...

— Какая тайна, сэр?

— Кто совершил убийство?

— Кто совершил убийство, сэр? — повторила Эфи, оправляясь от минутного оцепенения. — Ричард Гэр. Это всем известно.

— Вы видели это?

— Нет, — ответила Эфи. — К счастью, нет, иначе я бы умерла от ужаса. Но я уверена в том, что Ричард Гэр поссорился с отцом и в порыве гнева выстрелил в него.

— Это ваше личное предположение, Эфи, а я думаю, что вашего отца убил не Ричард Гэр.

— Не Ричард Гэр? Так кто же, по-вашему? Я, что ли?

— Какой вздор! Эфи, в тот вечер у вас был другой ваш жених, поручик Торн?

Женщина вспыхнула и, по-видимому, растерялась.

— Этого я не отрицаю, сэр, — пробормотала она, — но он тут ни при чем.

— Откуда же он приезжал?

— Из Суассона. Он там гостил у своих друзей.

— А как его звали?

— Торн... ведь вы сами сказали.

— Я спрашиваю о его настоящем имени.

— Я не знала, что у него есть другое имя, сэр, клянусь вам.

— А после вы его видели?

— Да, я однажды встретила его совершенно случайно.

— И где же он теперь?

— Откуда мне знать? Кажется, уехал в Индию со своим полком.

— Эфи! — настаивал Карлайль. — Я должен найти этого капитана Торна во что бы то ни стало. Я думаю, что это он убил вашего отца, а не Ричард Гэр.

Девушка замерла от ужаса.

— Это ложь! — воскликнула она в гневе. — Извините, сэр, — прибавила она, стараясь прийти в себя, — это ложь и клевета. В то время, когда было совершено преступление, Торн находился со мной. Настоящий убийца — Ричард Гэр!

— Торн был с вами... в минуту убийства?

— Да, был! — воскликнула Эфи прерывающимся от волнения голосом. — Тот, кто старается свалить все это на него, — негодяй!

— В тот вечер в лесу также были Локсли и Отуэй Бетель. Неужели кто-нибудь из них мог совершить преступление?

— Нет, сэр, — твердо возразила Эфи. — Ричард Гэр убил моего отца, и я готова повторить это перед судом. У меня есть неопровержимые доказательства, которые я поклялась сохранить в тайне.

С этими словами она вышла из комнаты, оставив мистера Карлайля в недоумении. Он терялся в догадках и мысленно спрашивал себя, кому же ему верить: горячему признанию Ричарда Гэра или клятвам Эфи Галлиджон?

Глава XI

Ночное вторжение в Ист-Линн

В один морозный январский вечер мистер Карлайль вместе с сестрой сидел в гостиной. На улице валил густой снег. Дети спали, гувернантка также удалилась в свою комнату. В доме царила тишина. Арчибальд погрузился в чтение журнала, а мисс Карлайль сидела у камина, ворча, сморкаясь и кашляя.

— Который час, желала бы я знать? — спросила она наконец.

— Девять часов, — ответил мистер Карлайль.

— Уж лучше я лягу.

И мисс Карлайль удалилась, пожелав брату спокойной ночи. Арчибальд продолжал читать. Утомившись, он встал и вышел на балкон. Вдруг кто-то шепнул ему на ухо:

— Впустите меня, мистер Карлайль, умоляю вас. Я вижу, что вы один.

Это был Ричард Гэр. Мистер Карлайль позволил ему войти, запер стеклянную дверь и опустил занавески. Молодой человек тем временем снял мокрый сюртук, шляпу и накладные усы.

— Я из Лондона, — пробормотал бедный малый, дрожа от холода. — Меня, по милости этого злодея Торна, разыскивает полиция.

— Отдохните, — произнес Карлайль, — и обогрейтесь. Я налью вам стакан вина.

— Благодарю, но прежде выслушайте меня. Две недели тому назад я торговался на улице с извозчиком. Вдруг передо мной прошли мужчина с дамой, но я не обратил на них особого внимания. Потом я услышал, как господин обратился к своей спутнице: «Нам лучше взять извозчика, моя милая». Извозчик, с которым я торговался, открыл дверцу кареты, и молодая женщина села. Увидев ее кавалера, я чуть не лишился сознания. Это был Торн!

— Как он был одет?

— По последней моде. Карета поехала, я встал на запятки. Извозчик подумал, что к нему вскарабкались мальчишки, и, повернув голову, замахнулся кнутом, но я сделал ему знак, и он опустил руку. Проехав улицу, мы остановились. Я соскочил на мостовую, прежде чем Торн вышел из кареты, и опять взглянул на него; он побледнел. Я запомнил дом, подумав, что он там живет. В тот же вечер я пошел в этот дом и обратился к слуге, стоявшему у дверей. «Здесь живет капитан Торн?» — «Здесь живет

мистер Вестлиби», — ответил тот. «Он, кажется, еще молод, — продолжал я, — и у него очень хорошенькая жена, не правда ли?» — «Я не знаю, кого вы считаете молодым, — засмеялся он. — Моему господину шестьдесят лет, да и жене его тоже». Слуга сказал, что в тот день приезжали многие, потому что господин его только выздоровел.

— И это все, Ричард?

— Через неделю я опять встретил Торна. Он выходил из театра; я подошел и встал перед ним. «Что вам угодно? — спросил он. — Я давно заметил, что вы следите за мной». — «Я желаю знать ваше имя», — ответил я. При этих словах он рассердился и поклялся, что если когда-нибудь снова меня увидит, то засадит в тюрьму. «Я васзнаю, и если вы дорожите жизнью, то будете держаться подальше от меня». Сказав это, он сел в карету и уехал. Но я все-таки заметил, что на этой карете был герб.

— Когда это случилось?

— Неделю назад. Потом я еще раз встретился с ним, но он шел очень быстро под руку с каким-то джентльменом. Он долго глядел в сторону, а потом вдруг сделал знак городовому, шепнув ему что-то на ухо и указав на меня. Разумеется, я ускользнул. Спустя несколько часов, когда я был совсем в другой части города, я вдруг увидел того же самого полицейского. Мимо меня проезжал экипаж, и, когда он сворачивал в переулок, я взобрался на запятки и таким образом доехал до дома. Но там я опять увидел полицейского, разглядывавшего дом, в котором я жил. Не теряя ни минуты, я переоделся и вышел через черный ход. И вот я здесь.

— Но знаете ли вы, что Ист-Линн не лучшее убежище для вас? Ходит слух, что вы, переодевшись простым рабочим, были здесь несколько месяцев назад. И весть эта дошла до вашего отца.

— Но что же мне делать? У меня нет ни пенса, я пришел сюда за деньгами; я хочу поселиться в каком-нибудь многолюдном городе, подальше от Лондона, в Ливерпуле или Манчестере; я постараюсь найти себе какое-нибудь занятие, но должен же я чем-нибудь жить, пока не найдется работа.

В эту минуту кто-то тихо постучал в дверь.

— Не бойтесь, Ричард! — прошептал мистер Карлайль. — Никто не может войти сюда. Это, вероятно, Питер, мой слуга. Кто там? — спросил он громко.

— Мисс Карлайль оставила здесь свой носовой платок и послала меня за ним, — отозвалась Джойс.

— Я занят, зайдите попозже, — ответил мистер Карлайль.

— Кто это? — прошептал Ричард, когда служанка ушла.

— Это Джойс.

— Как, она еще здесь? Не слышали ли вы чего-нибудь об Эфи?

— Она сама была здесь месяца три тому назад. Эфи служит горничной. Я расспрашивал ее о Торне, но она уверяет, что не Торн совершил преступление, потому как в ту минуту он был с ней.

— Это неправда, — возразил Ричард, — клянусь вам.

— Не клянитесь, — произнес Карлайль, — вы *не видели* этого.

— Почему же он бежал? Почему же на лице его были отчаяние и ужас? Послушайте, мистер Карлайль, если Торн не убивал Галлиджона, с какой стати он меня преследует?

Ричард рассуждал довольно здраво.

— И это еще не все. Вы говорите, что Эфи ручается за Торна, но почему же тогда под присягой она показала, что была в лесу совершенно одна?

Когда мистер Карлайль разговаривал с Эфи, это обстоятельство ускользнуло от него, иначе он потребовал бы объяснения.

— Теперь, когда моя любовь к Эфи уже прошла, — продолжал Ричард, — я вижу все ее недостатки. Она так же склонна ко лжи, как я к трусости...

Вдруг кто-то снова постучал в дверь. Ричард Гэр побледнел. Он мигом надвинул на глаза шляпу и осмотрелся, надеясь отыскать какой-нибудь шкаф. Мистер Карлайль удержал его.

— Полно, Ричард, успокойтесь, в моем доме с вами не может случиться ничего дурного.

— Я уверен, что это полицейский из Лондона, быть может, он привел подмогу.

— Говорю вам, нечего бояться; это Корнелия.

— Она? Так, пожалуйста, не впускайте ее.

— Это невозможно! Вы знаете, каков ее нрав.

Мистер Карлайль открыл дверь и столкнулся в коридоре с разгневанной сестрой.

— Кто у тебя в комнате? — спросила она.

— Один посетитель. Это по делу, — ответил он быстро, — и я попросил бы тебя не входить.

— Как, я не могу войти в гостиную? — воскликнула мисс Карлайль. — Но мне здесь холодно.

— Пожалуйста, иди к себе.

— Повторяю тебе, что я войду, Арчибальд, я хочу посмотреть, кто там. Я вижу, что ты от меня что-то скрываешь...

Мисс Карлайль подошла к двери.

— Если ты продолжаешь настаивать, Корнелия, — спокойно произнес Карлайль, — то войди.

— Что заставило вас появиться в этих краях? Вы с ума сошли! — воскликнула мисс Корни, увидев Ричарда Гэра.

— За мной гналась полиция. Мне некуда было приклонить голову; я не живу, а влачу самое печальное существование...

— Вы сами заслужили эту участь! Но где же вы будете ночевать? — сурово продолжала мисс Корни.

— Не знаю, право. Я намеревался занять небольшую сумму у мистера Карлайля и отправиться мили за три отсюда.

— Нет, Ричард, вы должны остаться здесь, — сказал Арчибальд. — В такую ночь я бы и собаку на улицу не выгнал. Однако вы не можете переночевать в нашем доме так, чтобы об этом не узнала Джойс. А с ней, надо думать, вы не поладите, так как она считает вас убийцей своего отца.

— Позвольте мне переговорить с ней, я постараюсь переубедить ее.

— Очень хорошо, — заметил мистер Карлайль, — я позову ее сюда.

С этими словами он вышел из гостиной и позвал служанку в смежную комнату.

— Джойс, — начал он, — вы, конечно, помните, как твердо были уверены в том, что Эфи последовала за Ричардом Гэром. Теперь вы, кажется, убеждены в том, что ваши подозрения оказались неосновательными.

— Это правда, сэр.

— Теперь, Джойс, мне хочется разрушить другое ваше подозрение. Я должен сказать вам, что, по моему мнению, не Ричард Гэр убил вашего отца.

— Но кто же? — воскликнула служанка.

— Другой жених Эфи — этот щеголь Торн.

— Но, сэр, если Ричард Гэр невиновен, то почему же он убежал? Почему он скрывался?

— Всею виной его трусость! Он думал, что ему никогда не удастся оправдаться. Послушайте, Джойс, мне очень хочется, чтобы вы увиделись с ним и выслушали его историю.

— Но это невозможно, сэр. Разумеется, он никогда не осмелится вернуться сюда.

— Вы ошибаетесь, Джойс, он сейчас здесь.

— Как! Здесь? В этом доме?

— Да, он искал убежища, и мы на несколько часов должны его

приютить. Пойдемте к нему.

Ричард говорил с жаром, Джойс задавала вопрос за вопросом, а мисс Корни разглагольствовала за двоих. Только мистер Карлайль не произносил ни слова. Вскоре Джойс поддалась уговорам Ричарда Гэра, и ее подозрения обратились на капитана Торна. Потом молодой человек сел за стол, и мистер Карлайль накормил его ужином. Вскоре Джойс сообщила, что постель для гостя готова, и Ричард последовал за служанкой.

Глава XII

Сердце Барбары успокоилось

Рассвело, но небо по-прежнему было пасмурно и по-прежнему валил снег. Мисс Карлайль пила чай в постели — чего она не позволяла себе уже много лет. Мистер Карлайль вошел к Ричарду Гэру.

— Мне очень хотелось бы, чтобы вы остались у нас до вечера, Ричард, я удержал бы вас и дольше, но это невозможно, так как о вашем присутствии непременно узнают слуги. Вы, кажется, говорили, что хотите ехать в Ливерпуль или в Манчестер.

— Да, потому что за мной следят, и большой город для меня безопаснее маленького.

— Я начинаю думать, Ричард, что Торн хотел только напугать вас. Если он действительно виновен, то ему же будет хуже, если вас арестуют.

— В таком случае зачем он натравил на меня полицейских?

— Чтобы напугать вас. Поверьте мне, когда сыщик наблюдает за кем-нибудь, то он не хочет, чтобы его заметили, а этот показывался вам несколько раз.

— Да, вы совершенно правы. Кстати, быть может, вам будет неприятно это слышать, но в последний раз я видел его с сэром Фрэнсисом Левисоном...

В эту минуту послышался сердитый голос с лестницы, и Ричард вскочил как ужаленный; это был голос судьи Гэра. Карлайль впервые в жизни потерял свое обычное самообладание и кинулся к двери. Ричард устремил растерянный взгляд на пустой чемодан, как бы задавая себе вопрос, нельзя ли в нем спрятаться.

— Успокойтесь, — сказал Карлайль, — я удержу его.

Он сбежал по лестнице и, дружески протянув руку судье, увлек его в зал.

— Доброе утро! Что-нибудь случилось? Вы очень взволнованы.

— Прочтите это письмо, и вы узнаете, что случилось! — взревел судья.

Карлайль взял письмо, которое ему протягивал судья Гэр, и быстро пробежал его глазами. Письмо это было от «друга», и в нем сообщалось, что «преступный сын» почтенного мистера Гэра прибыл в Ист-Линн или прибудет туда через несколько дней. Неведомый «друг» советовал судье выпроводить сына поскорее, так как его может схватить полиция.

— Это письмо — безымянное! — произнес Карлайль. — Можно ли подозревать, что он осмелится появиться здесь? Позвольте мне откровенно высказать вам мое мнение, почтеннейший судья. Вы волнуетесь совершенно напрасно. Ваши враги подсмеиваются над вами, посылая вам анонимные письма и распространяя о вашем сыне самые нелепые слухи.

— Кто же смеет насмехаться надо мной таким образом?

— Этого я не знаю. Злые люди хитры. Послушайте меня и сожгите это письмо.

— Если бы я был уверен, что письмо написано кем-то из жителей нашего города, я бы всех призвал к ответу! Во всяком случае, я немедленно отправлюсь предупредить полицию.

— Вы этого не сделаете! — воскликнул Карлайль. — Прежде всего повторяю вам, что Ричард не осмелится появиться в Ист-Линне. Но если бы он и пришел сюда, то неужели вы, его родной отец, обрекли бы его на смерть? Помните, как вы хвалились, что сами предадите Ричарда в руки правосудия, если когда-нибудь с ним встретитесь? Поверьте, все осудили вашу жестокость.

— Да, я поклялся выдать Ричарда!

— И все-таки вы не станете доносить полиции об этом безымянном письме. Нет! Это было бы жестоко, дико и бесчеловечно... Если же вы решитесь на что-либо подобное, то проститесь со всеми вашими друзьями. Поверьте, всякий из них откажется протянуть вам руку!

Наконец судья удалился. Карлайль проследил за ним глазами и вернулся к Ричарду, которого нашел в обществе мисс Корни. Карлайль рассказал ему о подробностях свидания, и Ричард заметил, что, вероятно, письмо написано Торном.

— Нельзя ли мне повидаться с матерью? — спросил молодой человек.

— Нет, это невозможно, — ответил Карлайль. — После того, что произошло, необходимо быть осторожным.

— А с Барбарой?

— Барбара могла бы прийти к нам на целый день, но ее вряд ли отпустят в такую ужасную погоду. Необходимо придумать какой-нибудь предлог, — прибавил Карлайль, обращаясь к своей сестре. — Могу я сказать миссис Гэр, что вы нездоровы и просите ее прислать к вам Барбару?

— Скажи хоть, что я умерла, если тебе угодно! — отозвалась Корнелия, пребывавшая в самом дурном настроении.

Карлайль велел заложить кабриолет. Миссис Гэр и Барбара сидели у камина, когда он вошел к ним.

— Я приехал за Барбарой, милая миссис Гэр. Корнелия сильно простудилась и желает, чтобы Барбара провела с ней день.

Миссис Гэр на минуту вышла, чтобы переговорить со служанкой, и Карлайль быстро шепнул Барбаре, что дело касается ее брата. Яркая краска разлилась по ее лицу. Миссис Гэр снова вернулась на свое место.

— Но сегодня такой холодный день, Арчибальд! — воскликнула она.

— Ничего, Барбара поедет в моем кабриолете, на нее не упадет ни одна снежинка.

Через несколько минут Карлайль и Барбара уже сидели в кабриолете. Когда они приехали в Ист-Линн, Карлайль отвел Барбару в комнату к брату, а сам поспешил в контору.

Долго разговаривали в этот день брат и сестра; разумеется, и Корнелия вставляла свое словцо.

— В конце концов, — произнесла Барбара, — необходимо выяснить, кто знаком с этим Торном.

— Я видел его с одним человеком, которого мы все знаем, но который вряд ли выдаст его.

— С кем же?

— С сэром Фрэнсисом Левисоном, — ответил Ричард.

Барбара задумалась и через некоторое время спросила:

— Похожи они друг на друга?

— Очень. Оба отъявленные негодяи.

— Я спрашиваю, похожи ли они внешне?

— Нисколько.

Барбара снова задумалась. Наступил вечер, и Ричард должен был отправиться в путь. Снова пошел сильный снег. Карлайль дал ему необходимую сумму денег и настоял, чтобы он прислал ему свой адрес. Барбара не могла удержаться от слез. Ричард вышел опять на балкон, закутанный в широкий плащ, который дала ему Корнелия. Карлайль и Барбара стояли в раскрытых дверях.

— Прощай, дорогой брат. Да хранит тебя небо, — вздохнула бедная девушка.

— Прощайте, Ричард, — сказала мисс Карлайль. — Не наделяйте еще каких-нибудь глупостей.

Карлайль пожелал проводить Ричарда до конца парка. Барбара вернулась в комнату, там была Джойс.

— Тяжело должно быть бедняжке, мисс Барбара, — заметила последняя. — После того, что он мне сказал, я уже не сомневаюсь в его невинности... Но как разыскать этого капитана Торна?

— Послушайте, Джойс, — взволнованно сказала Барбара, — мне кажется, я знаю, кто он. Я никому еще не говорила об этом, но вам скажу... Я думаю, что этот Торн — не кто иной, как Фрэнсис Левисон.

— Царь Небесный! Может ли быть такое?

— Да. Я думаю об этом с той самой ночи, когда убежала леди Изабелла. Мой брат приходил тогда в Ист-Линн и встретил этого Торна в переулке. Он был нарядно одет, и Ричард описывал мне его белую руку с бриллиантовым перстнем; он упомянул также о свойственной ему привычке отбрасывать со лба волосы. Все это я заметила в капитане Левисоне и до сих пор убеждена в том, что Ричард видел именно его.

— Как все это странно, — произнесла Джойс.

— К сожалению, я не могла сказать о своих подозрениях мистеру Карлайлю; я не решалась произнести при нем имя Фрэнсиса Левисона.

Окончив беседу с Джойс, Барбара поспешила сойти вниз, где ее уже дожидался Карлайль. Девушка вжалась в угол кареты и разрыдалась.

— Не плачьте так, Барбара, — сказал Карлайль, взяв ее руку в свои, — я уверен, что Ричарда еще ожидают счастливые дни.

— Благодарю вас за эти добрые слова.

Карета остановилась.

— Ты можешь вернуться домой, — сказал Карлайль кучеру, — я приду пешком.

— Не намерены ли вы провести с нами вечер? — воскликнула Барбара. — Мама будет очень рада...

Но миссис Гэр в это время лежала в постели и не могла обрадоваться посещению Карлайля; судьи также не было дома; следовательно, Барбаре пришлось одной занимать гостя.

Они стояли перед ярко пылавшим огнем в камине. Барбара задумалась, припоминая тягостные события этого дня. О чем думал Карлайль, было известно только ему одному. Почувствовав на себе его взгляд, девушка поглядела на него.

— Хотите быть моей женой, Барбара? — спросил вдруг Карлайль.

Он произнес эти слова тихим и простым тоном, как будто сказал: «Не подать ли вам стул, Барбара?» Но какая радость отразилась на ее лице! Однако через несколько секунд Барбара отрицательно покачала головой.

— Нет, — произнесла она с грустью. — Нет! Это невозможно.

— Что же мешает вам согласиться на мое предложение, Барбара? Отчего вы отказываетесь сделаться моей возлюбленной подругой?

Девушка залилась слезами.

— Уж не оттого ли, что я был прежде женат на другой?

— О нет! Я вспоминаю о той ночи, о той странной сцене... быть может, вы также не забыли ее... Я не знала, что могу так изменить себе... Если бы не то, что случилось в ту ночь, вы бы и не подумали сделать мне предложение.

— Барбара... Знаете ли вы, что я люблю вас? Что я не желаю жениться ни на ком на свете, кроме вас.

Девушка прочла искренность в его глазах, и черты ее осветились счастливой улыбкой.

— Вы по-прежнему любите меня, Барбара?

— Несравнимо больше! — произнесла она с восторгом.

Карлайль прижал ее к своему сердцу, и их губы встретились.

Глава XIII

Как мисс Корни приняла признание брата

В тот же вечер мисс Корни стало лучше, насморк ее почти прошел, и потому, когда они остались после ужина вдвоем в гостиной, Карлайль счел нужным заговорить с ней о своей женитьбе.

— Корнелия, — начал он, — когда я женился на Изабелле Вэн, помнишь, как ты упрекала меня за то, что я не сказал тебе об этом?

— О да, если бы ты только сказал мне об этом или посоветовался бы тогда со мной, то, вероятно, этот дом был бы избавлен от несчастья, которое на него обрушилось.

— Оставим прошлое и поговорим о будущем. Я не желаю возбудить твой гнев и потому уведомляю тебя, что я снова хочу жениться.

Мисс Карлайль вздрогнула, и очки свалились с ее носа.

— Что ты сказал? — произнесла она с ужасом.

— Я снова женюсь.

— Ты? Но ведь ты одурачишь себя подобной глупостью.

— Корнелия, ты заставляешь меня терять всякое терпение. Ты обращаешься со мной так, как обращалась тогда, когда я был еще ребенком.

— Когда люди поступают как дети, с ними следует обращаться как с детьми. Ты не удовлетворишься тем, что первая жена убежала от тебя! Ты хочешь еще раз испытать это удовольствие и обесславить себя?

Карлайль вспыхнул, но сдержался.

— Нет, я не боюсь этого с той женой, которую теперь выбрал.

— И кого же, позволь спросить?

— Кем бы ни была моя невеста, я заранее знаю, что ты останешься недовольна моим выбором. Будь это принцесса крови или самая простая смертная, ты все равно найдешь причины осуждать ее.

— Но кто же она, наконец?

— Барбара Гэр.

— Кто? — рассвирепела мисс Корни.

— Ты, кажется, не глуха, Корнелия?

— Я-то не глуха, но тебя, мой друг, следовало назвать не Арчибальдом, а Архиглупцом; и действительно нужно быть глупцом, чтобы попасться в сети этой кокетки, которая так давно ловила тебя.

— Она никогда не ловила меня, Корнелия! Если она и высказывала мне какую-нибудь симпатию прежде, то в последние годы я ничего

подобного не замечал.

— Это самонадеянная и притом самая тщеславная и надменная девушка.

— В чем еще ты желаешь упрекнуть ее?

— Я выбрала бы девушку без пятна, если бы вздумала жениться. Разве лестно иметь такого брата, как Ричард?

— Это не пятно для Барбары, а придет время, когда оно будет смыто и с Ричарда. Но оставим это, Корнелия. Поговорим о другом. Я полагаю, что теперь ты должна переехать в свой дом.

Корнелия не поверила своим ушам.

— Ничуть не бывало! Я останусь в Ист-Линне!

— Это невозможно, — произнес Карлайль решительным тоном. — Разве ты забыла ту ужасную ночь... когда она ушла из этого дома? Что говорила тогда Джойс? Корнелия, справедливы или ложны были ее слова, я не имею ни малейшего желания подвергнуть и вторую жену твоим нападкам.

Мисс Карлайль не ответила. Это напоминание о словах Джойс смутило даже ее холодное сердце.

— Я не желаю оскорбить тебя, — поспешил прибавить Карлайль более ласково, — но две хозяйки в одном доме — это никуда не годится.

— Почему же ты не сказал мне этого, когда я переехала в Ист-Линн? Терпеть не могу лицемерия!

— Тогда я так не думал. Опыт научил меня быть осмотрительнее... Жильцы выезжают из твоего дома в марте месяце, не так ли?

— Да, позволь мне сказать тебе, что было бы гораздо лучше, если бы ты переехал в мой дом, а я сняла бы квартиру поменьше. Замок слишком велик для тебя.

— Я остаюсь в Ист-Линне.

— А знаешь, что, оставив твой дом, я заберу с собой и мой доход, Арчибальд?

— Разумеется, ты имеешь полное право располагать им.

— Отлично, но смотри не обанкроться со своим Ист-Линном.

— Я предвижу все расходы, Корнелия, и если бы у меня не было средств жить в Ист-Линне, то я не жил бы в нем.

— Да, я знаю, что ты будешь во многом себе отказывать, приносить себя в жертву... и ради кого же? — прибавила она слезливым голосом. — Ради Барбары, этой сумасбродной и хитрой девчонки!

Карлайль спокойно выслушал эти комплименты Барбаре. Он знал, что мисс Корни не могла говорить равнодушно о той, которая должна была

вытеснить ее из Ист-Линна. К счастью, беседа между братом и сестрой была прервана приходом Питера, который доложил, что капитан Торн желает видеть мистера Карлайля. Это неожиданное посещение очень удивило Карлайля, так как он думал, что Торн давно уже уехал из Вест-Линна. Он вышел в гостиную, а мисс Корни приказала позвать к себе Джойс.

— Джойс, — сказала Корнелия заносчиво, — вашего господина снова поймали в сети, и потому, не желая его стеснять, я покидаю Ист-Линн. Хотите ли вы опять поступить ко мне и быть моей главной горничной?

— Что я слышу, сударыня! — воскликнула изумленная Джойс. — Я охотно пошла бы к вам, если бы не...

— Что такое?

— Я дала обещание леди Изабелле, я поклялась никогда не оставлять ее детей!

— Да, но вы не подумали об одном, Джойс: новая хозяйка, быть может, не позволит вам остаться в Ист-Линне.

— Это правда, — произнесла Джойс. — Позвольте мне хорошенько обо всем подумать, и тогда я дам вам ответ...

— Какое ужасное путешествие, — говорил между тем капитан Торн, беседуя с Карлайлем. — Снег лежит на рельсах, так что на одной станции нас задержали на целых два часа.

— Надолго ли вы приехали в Вест-Линн? — спросил Карлайль.

— Нет, я уезжаю завтра. Дело в том, мой друг, что я приехал сюда из-за одной молодой женщины.

— Неужели?

— Признаюсь вам, что я влюблен в Барбару Гэр. Правда, на мое письменное предложение я получил в ответ отказ, но мне хочется переговорить с ней лично.

Карлайль на минуту задумался, потом рассудил, что будет гораздо благороднее объяснить капитану настоящее положение дел.

— Застрелите ли вы меня, майор, если я скажу вам одну очень неприятную для вас вещь? Если я скажу вам, что делать второе предложение Барбаре будет бесполезно?

— Что вы хотите этим сказать? Уж не вышла ли она замуж?

— Нет еще, но выходит!

— Говорю вам, я родился под несчастной звездой! За кого же она выходит?..

— А вы не вызовете меня на дуэль, если я скажу вам его имя?

— Уж не вы ли это, Карлайль?

— Именно.

Наступило молчание. Карлайль первым прервал его:

— Это не помешает нам быть друзьями, а? Как вы думаете, дорогой Торн?

— Нет, ей-богу, не помешает! — произнес молодой человек, крепко пожимая руку Карлайля. — Если мне не суждено быть мужем мисс Барбары, то мне все-таки приятнее слышать, что она будет принадлежать вам, а не кому-нибудь другому!

— Я вот еще о чем хотел вас спросить, — сказал Карлайль, — в каком году вы приезжали сюда из Суассона?

— Я был здесь как раз в тот год, когда случилось убийство Галлиджона.

— Не припоминаете ли вы, чтобы в одно время с вами здесь жил господин, называвшийся вашим именем?

— Да, однажды я даже встретился с ним.

— Где именно?

— В двух милях от Суассона, в пивной лавочке на большой дороге. Я ехал верхом, как вдруг поднялась ужасная буря, и я укрылся там. Только я вошел, как к лавочке подъехал другой всадник, также искавший убежища. Это был высокий, щегольски одетый мужчина, настоящий аристократ. Он уехал раньше меня, и тогда я спросил у хозяина, кто этот господин. Он не знал его имени, хотя и часто видел, как он проезжал мимо верхом. Но какой-то посетитель лавочки сказал, что это капитан Торн.

— Позвольте мне обратиться к вам с просьбой. Если вы когда-нибудь случайно с ним встретитесь, то узнайте его настоящее имя, — я имею причины думать, что он носил чужое имя. Вы меня очень обяжете, если дадите мне знать об этом.

— С величайшим удовольствием, — воскликнул майор, вставая.

Пожав руку молодого человека, Карлайль намеревался пройти в комнату сестры, но его остановила Джойс.

— Мисс Карлайль сказала мне, что в Ист-Линне грядут перемены, сэр, — начала она.

Слова эти удивили Карлайля, и он произнес с неудовольствием:

— Я прошу вас не вмешиваться в мои дела.

— Извините, сэр, но мисс Карлайль сообщила мне это с добрым намерением. Так как она уходит отсюда, то спросила меня, поеду ли я с ней или намерена остаться в Ист-Линне. Я не могла ответить ей, сэр, не поговорив прежде с вами. Я дала обещание моей покойной госпоже никогда не оставлять ее детей, разумеется, пока мне это будет позволено. Я

хотела спросить вас, сэр, могу ли я остаться?

— Джойс, — ответил он решительно, — я также хочу, чтобы вы остались с моими детьми. Это мое искреннее желание.

— Благодарю вас, сэр, — сказала Джойс, просияв.

Глава XIV

Мистер Дилл в вышитой манишке

Было прекрасное июньское утро; все спешили в церковь Святого Иуды, потому что в этот день мистер Карлайль венчался с Барбарой Гэр.

Мисс Карлайль, переехавшая в свой прежний дом, не захотела присутствовать при бракосочетании. Она пригласила к себе детей брата, их гувернантку и Джойс, и они провели с ней целый день.

Старик Дилл почему-то счел своим долгом поздравить мисс Карлайль со счастливой переменой в жизни ее брата. Он появился перед ней, когда она сидела в столовой.

— Боже мой! Что это с вами? — спросила Корнелия. — Почему вы так разрядились?

— Как почему? — возразил обиженным тоном мистер Дилл. — Я иду на свадьбу, мисс Корнелия, и потому я пришел к вам в таком виде. Неужели я одет слишком нарядно?

Весь наряд старого Дилла состоял в белом жилете с золотыми пуговицами и в вышитой манишке.

— Это глупо и смешно! — воскликнула Корнелия. — В ваши-то годы — и нарядиться в вышитую манишку! Недостает только розового банта в петличке!

— Нельзя же идти на свадьбу в будничном платье, — произнес мистер Дилл.

— Позвольте спросить, сколько вам лет?

— Недавно минуло шестьдесят, мисс Корни.

— Так разве к лицу шестидесятилетнему человеку рядиться в такие манишки? Вас же поднимут на смех!

Старый Дилл понимал, что одежда его была вовсе не до такой степени эксцентрична, но он слишком уважал мнение мисс Карлайль, чтобы пускаться с ней в дальнейшие пререкания; он счел нужным начать приготовленную им поздравительную речь.

— Любезная мисс, прошу вас принять мои искренние поздравления по случаю счастливейшего события...

— Довольно! Довольно! — закричала Корнелия гневно. — Вместо того чтобы произносить эти бессмысленные речи, вы бы лучше пожалели вашего хозяина. Арчибальд совершает ужасную глупость! Довольно было с него и одной жены! Я всегда так думала и теперь более чем когда-либо

убеждена в том, что у Арчибальда голова не совсем в порядке.

Старик Дилл знал, что у его хозяина голова в полном порядке, но он счел нужным не высказывать этого мнения раздраженной мисс Корни.

— Во всяком случае, — возразил он тихо, — вы не можете порицать выбор мистера Карлайля.

— Как! Вы одобряете этот брак, мистер Дилл?

— Разумеется, мисс Корни; он не мог выбрать более хорошенькой девушки, чем мисс Барбара.

— Замолчите, пожалуйста! Это самая дерзкая, тщеславная и ленивая девчонка, которая только и думает, что о своем кукольном лице и о своем Арчибальде.

— Будьте уверены, сударыня, что она будет ему превосходной женой; она не поступит с ним так, как поступила несчастная...

— Ах! — прошипела Корнелия. — Если бы она была способна последовать примеру его первой жены, то я сию же минуту отправилась бы в церковь и помешала бы этой свадьбе, а если бы мне это не удалось, то я задушила бы ее собственными руками!

С этими словами она принялась расхаживать по комнате. Вдруг она остановилась перед окном.

— Это что за новость? — спросила она, увидев перед крыльцом экипаж.

— Карета? — произнес старый Дилл, вытягивая свою лысую голову. — Ах, это мой экипаж, я нанял его по случаю предстоящего торжества.

— Как! Вы наняли экипаж? Разве вы страдаете подагрой, что не можете дойти пешком до церкви?

— Мне хотелось повидаться сначала с мистером Гэром, и я подумал, что будет лучше заехать к нему в карете.

— Так вам следовало бы надеть бальные башмаки и чулки с розовыми стрелками.

Саркастические замечания мисс Корни раздражали бедного Дилла, но он слишком привык к ним, чтобы принимать их близко к сердцу. «Она не слишком-то радуется этой свадьбе!» — размышлял про себя старик, простившись с мисс Карлайль и сев в карету.

Церковь была переполнена народом. Так как места в ней не доставало, многие стояли на кладбище и на дороге; целая толпа мальчишек вскарабкалась на решетку, окружающую могилу лорда Моунт-Сиверна. Было уже одиннадцать часов, а жених с невестой еще не приехали. Но вот послышался стук экипажей. Толпа расступилась.

Карлайль вошел в церковь первый, как всегда спокойный и величавый, а за ним шла кроткая и слабая миссис Гэр, опиравшаяся на руку сэра Джона Добида. Но кто этот величественный, напыщенный и суровый мужчина в новом парике и с белой розой в петлице? Это судья Гэр собственной персоной — отец невесты. Все толкаются, суетятся, стараясь взглянуть на ту красивую девушку, которую судья ведет под руку. Это невеста.

Барбара была прелестна в своем белом шелковом платье и в длинной вуали, ниспадавшей широкими складками на ее грациозный стан. За Барбарой следовали ее подруги.

Началось венчание. Несмотря на свое волнение, Барбара внятно отвечала на вопросы пастора. Будьте уверены, что женщина, которая *любит* того, с кем соединяется, всегда будет испытывать такое волнение у алтаря. Пастор задавал обычные вопросы:

— Обещаешь ли называть этого человека своим мужем? Обещаешь ли жить с ним в мире и дружбе, повиноваться ему, любить и почитать его? Обещаешь ли оставаться ему верной как в счастье, так и в несчастье? До конца жизни?..

— Обещаю, — повторяла она твердым и внятным голосом, как будто бы в эту минуту думала о той, которая нарушила данную Богу клятву.

Когда обряд венчания был окончен, Барбара под руку с Карлайлем направилась к карете, которая теперь принадлежала ей. Толпа приветствовала их громкими криками. Новобрачные сели в карету рука об руку, и лошади помчали их но направленно к Ист-Линну. Карлайль вдруг обернулся к своей молодой жене и сказал ей взволнованным голосом:

— Не правда ли, Барбара, ты сдержишь данное мне обещание? Ты всегда будешь верна мне?

Барбара подняла на мужа свои застенчивые голубые глаза, исполненные любви.

— Всегда, — прошептала она, — всегда! До самой смерти!

Часть III

Глава I

Шталькенберг

Прошло больше года. В Шталькенберге, небольшом городке в Германии, известном своими минеральными водами, поселилось одно английское семейство по имени Кросби. Оно состояло из мистера и миссис Кросби, их дочери и гувернантки. Элен Кросби была прелестной молодой девушкой семнадцати лет, наследницей тридцати тысяч фунтов стерлингов, доставшихся ей после смерти дяди.

«Тридцать тысяч фунтов стерлингов и хорошенькая девушка! — размышлял молодой граф Отто фон Шталькенберг, сын местного богача. — Это именно то, что мне нужно!» Молодой человек начал все чаще посещать семейство Кросби и в один прекрасный день осмелился сделать предложение, которое было... принято.

Вне себя от восхищения, Элен устремилась в комнату своей гувернантки.

— Знаете новость? Я перестаю брать у вас уроки; меня выдают замуж!

Гувернантка подняла свое бледное, грустное лицо.

— Неужели? — спросила она кротко. — Вы же еще слишком молоды, чтобы выходить замуж, Элен...

Теперь взгляните на женщину, которая произнесла эти слова! Вы, конечно, узнаете ее, потому что это леди Изабелла Вэн. Увы! Как страшно она изменилась!

Да, таковы последствия страшной катастрофы на железной дороге и, прибавим также, последствия тяжелой душевной борьбы и угрызений совести. Она слегка хромает и горбится, а потому кажется меньше ростом. На лице у нее шрам, идущий от подбородка до самого рта; несколько зубов выпало, так что она говорит пришепетывая, а поседевшие волосы спрятаны под большим чепчиком. Она старается быть неузнаваемой и с этой целью носит зеленые очки, а широкая повязка из черного бархата низко спускается на ее лоб. Она никогда не носит платья, которое обхватывало бы ее стан, а надевает широкие кофты, как будто бы нарочно сделанные для того, чтобы скрыть некрасивые формы. Когда она выходит из дома, то надевает огромную шляпу и прикрывает лицо толстой вуалью.

В Шталькенберге леди Изабелла встретила миссис Дучи и ее дочерей, но никто не узнал ее. Да и кто мог бы узнать в этой женщине, состарившейся от страданий, прелестную леди Изабеллу с ее

замечательным цветом лица, с ее красотой, ее темными локонами и стройным станом. А между тем она все еще была недурна собой, кротка и изящна, и все удивлялись: отчего у такой молодой женщины уже седые волосы?

Она жила у Кросби около двух лет. Выздоровев после ужасной катастрофы, она поселилась в тихом немецком городке и здесь познакомилась с семейством Кросби. Леди Изабелла сказала им, что она вдова, а ее покойный муж был французом. Сначала она давала уроки Элен и приходила к ней в определенные часы, но потом Кросби так привязались к ней, что пригласили ее к себе в дом.

Расставшись со своей молоденькой воспитанницей, леди Изабелла стала лелеять в своем тревожном сердце единственную, никогда не покидавшую ее и, быть может, безумную мечту — снова увидеть своих детей!

Нужно быть матерью, чтобы понять, как тоскует сердце матери в разлуке с детьми. Приходит минута, когда мать уже не выдерживает, когда она стремится к своим милым малюткам, горя желанием увидеть их и обнять. Не правда ли, каждая мать согласится с этим? Что же чувствовала леди Изабелла, эта несчастная, убитая горем мать, столько времени томившаяся в разлуке со своими детьми? Она невыразимо страдала. Леди Изабелла всегда сохраняла горячую привязанность к своим детям, и самой тяжелой пыткой было для нее горькое осознание, что, ослепленная ревностью, она изменила святому материнскому долгу и покинула детей. Что теперь с ними станет? А ее дочь? Вырастет ли она с мыслью, что ее мать была бессердечной, жалкой женщиной?

В последнее время желание леди Изабеллы увидеть своих детей стало настолько нестерпимым, что она почти заболела. Бледные губы ее были постоянно сухи, а горло болело от сдавленных рыданий.

Прошло уже три года после ее свидания с лордом Моунт-Сиверном, и с тех пор она ничего не слышала об Ист-Линне. Она могла бы о многом расспросить миссис Дучи, но как ей это сделать? Под каким предлогом? О! Если бы она могла увидеть своих детей и запечатлеть поцелуй на их устах! Она не могла больше обходиться без этого, не могла жить, не видя своих детей!..

В это время в Шталькенберг приехала миссис Лэтимер, обитательница Вест-Линна, а с ней и Эфи Галлиджон — в качестве горничной и компаньонки. У миссис Лэтимер был прекрасный характер, и она привязалась к Эфи. Последняя сумела по-своему изложить ей обстоятельства, сопровождавшие убийство, так что хозяйка отнеслась к ней

с состраданием.

В Шталькенберге миссис Лэтимер остановилась в одной гостинице с миссис Кросби; не прошло и недели, как дамы познакомились; они стали часто видеться и даже поклялись друг другу в вечной дружбе.

В тот вечер, когда Элен Кросби сообщила о своей помолвке леди Изабелле, бедная женщина пошла в сумерках в уединенную часть сада, к скамейке, на которой любила сидеть. Так случилось, что Эфи пришла в ту же самую аллею.

«А! Вон и гувернантка Кросби, — подумала Эфи, увидев леди Изабеллу, — ее за милую видно по этому старушечьему чепцу. Пойду поболтаю с ней».

Эфи, никогда не отличавшаяся застенчивостью, села возле леди Изабеллы.

— Добрый вечер, миссис Вин, — сказала она.

— Добрый вечер, — ответила Изабелла, вовсе не подозревая, кто такая Эфи.

— Вы, кажется, не знаете меня, — продолжала Эфи, — я компаньонка миссис Лэтимер. А так как миссис Лэтимер в гостях у Кросби, то я вышла немного погулять. Какая тоска в Шталькенберге!

— Вы находите?

— По крайней мере для меня; я не говорю ни по-французски, ни по-немецки. Меня так тянуло сюда, но теперь я раскаиваюсь в том, что не осталась в Вест-Линне...

Леди Изабелла не поощряла свою собеседницу ни словом, ни взглядом, но последняя фраза заставила ее сердце забиться сильнее.

— Так вы из Вест-Линна? — прошептала она.

— Да. Препротивное местечко! Миссис Лэтимер переехала туда вскоре после того, как я поступила к ней.

— Вы, конечно, знаете и Ист-Линн? — осторожно спросила Изабелла, слегка отвернувшись в сторону.

— Как же мне не знать Ист-Линн, когда моя родная сестра, мисс Галлиджон, в нем главная горничная! А вы откуда его знаете, миссис Вин?

— Несколько лет назад я какое-то время жила рядом с помещьем, — сказала леди Изабелла после минутного колебания. — Мне хотелось бы узнать о Карлайлях — это была славная семья.

— А! У них в доме произошло много перемен. Вы, вероятно, знали их при леди Изабелле?

— Да, кажется, это была жена мистера Карлайля...

— Нечего сказать, хорошая была жена! — с иронией воскликнула

Эфи. — Вы, конечно, слышали о ней, миссис Вин. Ведь она покинула Ист-Линн, бросив и мужа, и детей...

— А живы ли ее дети?

— Да, бедняжки! Но один ребенок очень болен и, похоже, скоро умрет. Джойс — моя сестра — ужасно рассердилась на меня, когда я сказала ей об этом. Она уверяет, что дитя непременно поправится.

Леди Изабелла вытерла носовым платком свой влажный лоб.

— Какой это ребенок? — спросила она слабым голосом. — Не Изабелла ли?

— Изабелла? — с удивлением переспросила Эфи. — Кто это — Изабелла?

— Старшая дочь — мисс Изабелла Карлайль.

— Изабеллы у них никакой нет. Есть Люси — единственная дочь.

— Когда... когда я знала Карлайлей, у них была только одна дочь, и ее звали Изабеллой.

— Постойте, — сказала вдруг Эфи, — я вспомнила. Кажется, Уилсон говорила мне... Да, именно, Уилсон говорила, что в ту самую ночь, как жена Карлайля убежала, он приказал, чтобы девочку называли не Изабеллой, а Люси, ее вторым именем. Неудивительно, что он не желал больше слышать этого имени и не позволил ребенку носить его.

— Разумеется, неудивительно, — прошептала леди Изабелла. — Какой же ребенок болен?

— Уильям, старший мальчик; он худ, как селедка, на щеках у него яркий болезненный румянец, а глаза так и блестят.

— А видели вы когда-нибудь леди Изабеллу?

— О нет, не видела, да никогда и не желала бы увидеть.

— Если я не ошибаюсь, — продолжала бедная гувернантка, — у Карлайлей был еще один мальчик... Арчибальд... кажется, так его звали...

— О да! Шалун и прездоровый мальчишка! За него нечего бояться, у него чахотки не будет. Он живой портрет мистера Карлайля. И вот что я скажу вам, — продолжала Эфи, резко меняя тему разговора, — если вы когда-нибудь бывали в Вест-Линне, то, может быть, слышали злые сплетни на мой счет?

— Да, помнится, я слышала ваше имя, но точно не могу сказать, по какому поводу.

— Быть может, вы слышали о том, что моего отца убили...

— Да-да, это я помню.

— Его убил Ричард Гэр, который тотчас после этого убежал неизвестно куда. Вы, вероятно, слышали о Гэрах... После похорон я уехала

оттуда. И что же, вы думаете, обо мне сказали? Что я последовала за Ричардом Гэром! Не правда ли, это самая гнусная клевета, которую только можно придумать?

— Так вы не последовали за этим молодым человеком?

— Да разве я могла бежать с убийцей моего отца? Вот если бы этих сплетников повесили, другие, быть может, побоялись бы выдумывать разный вздор! Я так и сказала мистеру Карлайлю.

— Мистеру Карлайлю? — повторила Изабелла.

— Да, и это замечание заставило его рассмеяться. Он единственный человек, который не судил обо мне дурно; мистер Карлайль — благородный и добрый господин... А что касается меня, то я сначала была компаньонкой одной старушки, а затем прожила два года у графини Моунт-Сиверн.

— У графини Моунт-Сиверн? — с живостью переспросила леди Изабелла. — Позвольте... это, кажется, родственница жены мистера Карлайля.

— Да, я жила у них как раз в то время, когда это случилось. Леди Изабелле порядочно досталось от графини. Она целыми днями толковала об этом с миссис Левисон. Но что с вами, миссис Вин? У вас голова разболелась? Что вы так поддерживаете ее руками?

— Ничего, ничего, продолжайте!..

— Так вот, после лестных комплиментов, которыми меня наградили в Вест-Линне, я, разумеется, не торопилась туда возвращаться, миссис Вин. И если бы место у миссис Лэтимер не было таким превосходным, я отказалась бы от него, чтобы только не жить там. Но теперь все сгладилось... Кстати, знакомы ли вы с мисс Корни?

— Я видела ее.

— Эта особа всю жизнь была со мной на ножах.

— Она все еще в Ист-Линне?

— Как можно? Ее давно выпроводили и очень хорошо сделали, потому что у нее были бы вечные препирательства с миссис Карлайль.

При этих словах кровь застыла в жилах леди Изабеллы.

— С миссис Карлайль? Кто такая миссис Карлайль?

— Жена мистера Карлайля, разумеется.

Изабелла прижала руку к своему сильно бьющемуся сердцу.

— Я не знала, что он снова женился...

— Это было год тому назад. Я ходила в церковь смотреть, как они венчались. Признаюсь вам, невеста была чудо как хороша!..

Леди Изабелла в волнении сжимала руки.

— Он, вероятно, женился на Барбаре Гэр?

— Само собой разумеется, — ответила Эфи. — Если верить слухам, то говорят, что молодая Гэр выражала свое расположение мистеру Карлайлю еще до того, как он женился на леди Изабелле. Я слышала об этом от Уилсон, а ей это известно лучше, чем кому-либо, потому что она жила у Гэров. У них уже есть ребенок.

— Вот как! — сказала Изабелла слабым голосом.

— Такой красавчик! Ему три или четыре месяца. Миссис Карлайль очень им гордится — он похож на ее мужа, которого она обожает.

— А добра она к детям от первой жены?

— Кажется. Впрочем, ей почти не приходится о них заботиться — Арчибальд еще с няней, а старшие двое с гувернанткой.

— Так у них есть гувернантка?

— После побега жены мистер Карлайль тотчас взял гувернантку. Но, кажется, она оставляет их, потому что выходит замуж; так, по крайней мере, сказала мне Джойс.

— Вы часто бывали в Ист-Линне?

— Нет, — ответила Эфи, покачав головой, — там слишком косо на меня смотрят. Миссис Карлайль не любит меня. Барбара знала, что ее брат, Ричард, отдал бы все на свете, чтобы жениться на мне, и она до сих пор не может мне этого простить. Нечего сказать, завидный жених — этот Ричард Гэр! — продолжала Эфи тоном лисицы, которая смотрит на недостижимый для нее виноград. — Во-первых, у него не было ни ума, ни мужества... Ах, боже мой, чего только не бывает на свете! Если бы леди Изабелла не совершила этой непростительной глупости — не бросила своего мужа, — то мисс Барбара никогда бы не стала миссис Карлайль. В Ист-Линне есть особа, которая до сих пор хранит преданность леди Изабелле, — это Джойс. При ней никто не посмеет дурно сказать о ее прежней госпоже. Она почти так же любила леди Изабеллу, как и сам мистер Карлайль.

— А разве он очень любил ее?

— О да! Он до такой степени любил ее, что готов был целовать ту землю, но которой она ступала!

— А как восприняли в Ист-Линне известие о ее смерти? — тихо спросила Изабелла.

— Не знаю, но, во всяком случае, это должно было всех поразить! Подумайте сами: кто решится покинуть несчастных малюток? Даже бессловесная тварь — и та привязывается к своему детенышу, а эта женщина бросила своих детей... Вы уходите, миссис Вин?

Сердце леди Изабеллы было переполнено страданием. Она не могла

продолжать эту мучительную беседу. Женщина поднялась со скамейки, пожелала Эфи доброго вечера и вернулась в свою комнату.

Она легла в постель, но сон не шел к ней. Ее собственный ребенок был при смерти!.. Лихорадка не переставала мучить ее, постель казалась раскаленной; наконец она вскочила и принялась ходить по комнате. Кровь стучала у нее в висках, а сердце разрывалось на части. Она снова бросилась на постель и спрятала голову в подушки.

На следующий день случилось непредвиденное. После утреннего чая миссис Кросби вошла в комнату миссис Вин и сообщила ей о предполагаемом замужестве Элен, затем с сожалением сказала, что не нуждается больше в ее услугах, но с удовольствием поможет ей получить другое место. Захочет ли миссис Вин поехать в Англию? Леди Изабелла уже собралась ответить отрицательно, но миссис Кросби перебила ее:

— Подождите, я позову миссис Лэтимер, она обо всем вам расскажет.

Болтливая гостья не замедлила явиться.

— Ах, моя милая миссис Вин, как вы были бы счастливы, если бы попали в это семейство! Это превосходные люди! Его так любят и уважают, а она такая милая и привлекательная. Вы будете в доме не посторонней особой, а членом семьи. У вас будет одна только ученица, девочка; с мальчиком придется заниматься всего только час или два, а жалованье — семьдесят гиней. Карлайли мои друзья. Они живут в Ист-Линне, это место — настоящий рай.

Быть гувернанткой в Ист-Линне! У леди Изабеллы перехватило дыхание.

— Миссис Карлайль просила меня об этом лично. Она сказала, что для Люси необходима гувернантка, хорошо знающая французский и немецкий языки. А мне известно, что вы в совершенстве владеете и тем и другим. Не написать ли мне миссис Карлайль?

Чтомогла ответить леди Изабелла? Голова ее кружилась.

— Будьте так добры, позвольте мне подумать. Завтра я дам вам ответ.

В душе у Изабеллы происходила тягостная борьба. То она решалась рискнуть и поехать, то отказывалась от этой мысли. Что она перенесет, увидев Карлайля мужем другой? Оставаясь с ним под одной кровлей, она будет свидетельницей семейного счастья. Хватит ли у нее терпения?

Настал вечер, а Изабелла еще ничего не решила. Она провела еще одну ночь, полную мучений и тревоги. Наконец горячее желание увидеть своих детей победило остальные чувства. Искушение было слишком велико, и она решила ехать. «Что может меня удержать? — подумала она. — Что мне мешает? Опасение, что меня узнают? Но если это и случится, то что же со

мною сделают? Меня с позором выгонят из Ист-Линна, однако я готова все это вынести, лишь бы только увидеть моих детей!»

Миссис Лэтимер написала миссис Карлайль и предложила ей новую гувернантку. В письме было сказано, что особа эта англичанка, вдова француза, протестантка, владеет несколькими языками, превосходно поет и играет на фортепьяно — одним словом, женщина вполне подходящая для должности наставницы. «Не следует обращать внимания на ее наружность, — писала миссис Лэтимер, — так как это женщина несколько странная: носит огромные черепаховые очки, высокие чепчики и чудовищные шляпы. На подбородке у нее большой шрам, и, хотя ей всего тридцать лет, волосы ее уже поседели. Но вообще эта женщина прекрасно воспитана и обладает изящными манерами».

Когда Барбара и Карлайль получили это странное описание, они не могли не посмеяться над ним, тем не менее решили пригласить к себе миссис Вин.

Леди Изабелла старательно принялась пересматривать все свои вещи, зная, что малейший клочок бумаги, малейшая строка, написанная ею, могут выдать ее. Большую часть своих вещей она оставила в Париже. Затем постаралась отобрать самые подходящие платья и головные уборы. Что касается ее почерка, то она целых два года старалась изменить его. А между тем, когда она отвечала на письмо миссис Карлайль, рука ее невольно дрожала, и в этом не было ничего удивительного. Леди Изабелла пишет миссис Карлайль! Пишет в Ист-Линн, где она некогда была королевой и кумиром и куда она теперь возвращается в качестве простой гувернантки!

Наконец наступил день отъезда. Леди Изабелла отправилась в путь вместе с миссис Лэтимер и Эфи Галлиджон — последняя возвращалась в Вест-Линн.

— Вы, конечно, знаете судьбу, постигшую этих бедных малюток, которые будут отданы на ваше попечение, — сказала ей миссис Лэтимер. — Никогда не следует говорить с ними об их матери — она их покинула.

— Да, я это знаю.

— Кроме того, мне кажется, их так воспитывают, что они считают миссис Карлайль своей настоящей матерью.

Каково было бедной Изабелле услышать эти жестокие слова!

Был пасмурный вечер; солнце уже клонилось к западу, когда путешественницы прибыли в Вест-Линн. Миссис Лэтимер, остановившись перед своим домом, простилась с миссис Вин, которая поехала дальше, по направлению к замку. И вот она снова едет по этой знакомой и милой

дороге; вон, в стороне, и дом судьи Гэра; тысячи знакомых предметов представлялись ее отуманенному слезами взору. Вот перед ней возник Ист-Линн, дорогой, старый Ист-Линн!.. Карета въехала в аллею, в окнах мелькали огоньки. Все здесь дышало весельем и счастьем; сердце Изабеллы заныло, и она с тоской вступила на порог этого дома. Не помня себя, она отворила дверь; выйдет ли Карлайль ей навстречу? Как проклинала она теперь свой безумный поступок и какие муки переживала!..

Глава II

Возвращение

Двери распахнулись, и она очутилась в ярко освещенной передней. Первым, кто попался ей на глаза, был Питер, старый верный слуга. И как это странно, что она не могла теперь сказать ему: «Как поживаете, Питер?» Войдя в это жилище, когда-то принадлежавшее ей, она не знала, что сказать, куда ступить; голос ее прерывался.

— Мистер Карлайль дома? — спросила она наконец.

— Да, сударыня, — ответил Питер.

В эту минуту к ней навстречу выбежала Джойс.

— Я имею честь говорить с миссис Вин, не так ли? — произнесла она почтительным тоном. — Прошу вас следовать за мной.

Изабелла не в силах была сдвинуться с места; сердце сильнее прежнего билось у нее в груди. Слуга вынул вещи из кареты и внес их в переднюю; затем Джойс проводила гувернантку в небольшую комнату, где горел яркий огонь.

— Это ваша приемная, миссис Вин, — сказала служанка.

Затем Джойс предложила Изабелле отправиться в ее спальню. Изабелла в сопровождении Джойс поднялась по лестнице; оказавшись на втором этаже, она на минуту остановилась на площадке, будто для того, чтобы перевести дыхание. Отсюда она могла украдкой взглянуть на свою прежнюю спальню: двери в ней были настежь открыты. Яркое пламя камина, как и в былые дни, бросало отсветы на мебель. Как и прежде, роскошный туалетный столик у стены был уставлен серебряными коробочками, флаконами для духов и разными дорогими вещами. На диване лежала шаль и полураскрытая книга. На кровать было небрежно брошено шелковое платье. Изабелла быстро отвернулась и последовала за Джойс, которая указала ей предназначенную для нее комнату. Это была очень удобная, красиво меблированная спальня; тут жила мисс Карлайль в те дни, когда Изабелла только вышла замуж.

— Не затопить ли у вас камин, миссис Вин? — спросила Джойс, поставив на маленький столик подсвечник.

— Нет, не надо, — ответила Изабелла.

Вошел слуга с ее чемоданом. Джойс снова обратилась к Изабелле, все еще безмолвно стоявшей перед ней:

— Не прикажете ли чего-нибудь, миссис Вин?

Изабелла отрицательно покачала головой, ей хотелось только одного: чтобы ее оставили в покое. Мысли ее путались.

— Если вам что-нибудь понадобится, — продолжала Джойс, — вы можете позвонить, и к вам придет служанка Энн, которой поручено прислуживать вам.

Джойс удалилась, но тут же вернулась. Леди Изабелла, снявшая шляпку, поспешила надеть ее снова.

— Извините, сударыня, — сказала Джойс, — сумеете ли вы найти дорогу в другие комнаты?

— Да-да, — с волнением ответила Изабелла.

Ей — и не найти дороги в этом доме! Бедная женщина! Она вся дрожит, несмотря на то, что она одна в комнате; она чувствует такой страх, что едва смеет раздеться. Но к чему теперь колебаться? Отступить уже поздно, да она и не в силах этого сделать. Ей нужно во что бы то ни стало свыкнуться со своим настоящим положением, сыграть взятую на себя роль, затаить сокровенные чувства, а если понадобится, даже прибегнуть к притворству, к разным хитростям, чтобы обмануть тех, с кем она будет жить. Но как подавить эти рыдания, которые так сдавливают горло?..

Она сложила свои худые руки, и из уст ее вырвалась мольба к Богу, мольба, вернувшая ей прежнее мужество. Она встала уже совершенно оправившись, взяла свечу и сошла по лестнице в приемную комнату, где для нее был приготовлен чай. На столе стоял поднос, прикрытый салфеткой, а на ней чайник и серебряная сахарница. Эти предметы были ей так знакомы, что одного взгляда на них оказалось достаточно, чтобы в ее сердце проснулись тысячи воспоминаний. Она села, намереваясь поужинать, но была слишком взволнована, чтобы приняться за еду. Изабелла со страхом задавала себе вопрос, где мог быть в этот час Карлайль, где находились ее дети. Она машинально взялась за колокольчик, и на его сухой звук немедленно явилась Энн. Служанка вошла и тотчас удалилась, забрав с собой поднос согласно полученному приказанию.

И снова леди Изабелла осталась одна. Она не переставала думать о тех, кого так жаждала видеть. Где они, что делают? Вдруг она вскочила с кресла, вздрогнув всем телом. Рядом с приемной послышались голоса — свежие, нежные голоса детей. Неужели это ее дети? И они войдут к ней? Она их увидит?..

Нет, они только прошли через коридор, направляясь в свою спальню. Леди Изабелла слышала, как они поднялись по лестнице, и вскоре во всем доме воцарилась полная тишина. Она взглянула на свои часы. Это были уже не те часы, которые она носила прежде. Из всех прежних

драгоценностей у нее остались только медальон с портретом ее матери и изумрудный крестик, оправленный в золото.

Этот крестик — вы должны его помнить, читатель, — был тем самым, который Фрэнсис Левисон сломал в свою первую встречу с леди Изабеллой. Изабелла не хотела с ним расставаться, так же как и с медальоном. Она свято хранила эти две вещицы, и теперь они лежали, старательно завернутые, на дне ее рабочего ящика.

Была уже половина восьмого.

— Сударыня, — послышался вдруг голос Питера, который внезапно появился перед леди Изабеллой, — не угодно ли вам пожаловать в гостиную? Госпожа будет рада принять вас — она поручила мне передать вам это.

У леди Изабеллы потемнело в глазах. Итак, опасный момент наступил! Страшным усилием воли она заставила свое сердце замолчать и, опустив голову, приготовилась последовать за старым слугой.

— Миссис Карлайль одна? — спросила она, дрожа.

— Да, сударыня, господин не ужинал дома сегодня. Как прикажете доложить о вас? — прибавил он, когда они подошли к дверям гостиной.

— Миссис Вин.

Он отворил дверь и впустил леди Изабеллу в комнату. Возле камина сидела Барбара. Лицо ее, освещенное мягким светом свечей, казалось миловидным и юным. Оно оставалось таким же, каким было в тот день, когда Изабелла в первый раз встретила Барбару возле церкви и, пораженная ее красотой, спросила Карлайля: «Кто это?» Она показалась ей красивее чем когда-либо в своем бледно-голубом шелковом платье, в золотой цепочке и изящных браслетах; черты ее лица были все так же безукоризненно правильны, щеки свежи, в глазах светилась радость, а роскошные волосы еще свидетельствовали о чудной поре юности и любви. Барбара встала и пошла навстречу к гувернантке.

— Я надеюсь, что путешествие не очень вас утомило? — сказала она, приветливо пожимая ей руку.

Леди Изабелла села с другой стороны камина, немного отодвинув предложенное ей кресло и скрыв таким образом свое лицо от яркого света.

— Кажется, вы не совсем здоровы? — спросила Барбара, потому что не могла не заметить, как бледна была новая гувернантка.

— Нет, — тихо возразила Изабелла, — просто я очень устала. Но пожалуйста, не обращайтесь на это внимания.

— Надеюсь, вам здесь понравится, — сказала Барбара. — Долго вы жили в Англии?

— Да, когда была еще молодой девушкой.

— Я слышала, вы потеряли мужа и детей...

— Да... — пробормотала Изабелла.

— Сочувствую вам. Должно быть, это ужасно — потерять детей... У меня есть ребенок, и если бы он умер, то мне кажется, я не пережила бы его. Но вернемся к делу, — сказала Барбара. — Вам известно, что у моего мужа есть дети от первой жены — мать их бросила.

— Она умерла! — прервала ее Изабелла, желая избежать этого разговора.

— Это была дочь лорда Моунт-Сиверна, — продолжала Барбара. — Она была очень хороша собой, но я имею основание думать, что она не сильно любила своего мужа. Как бы то ни было, она убежала из этого дома.

— Она очень дурно поступила, — заметила леди Изабелла, чувствуя, что если будет и дальше молчать, то возбудит подозрение.

— Скажите лучше, что это гадко, непростительно! Потому что мистер Карлайль ничем не заслужил такой неблагодарности. У мистера Карлайля открытое сердце и добрая и возвышенная душа — вы сами убедитесь в этом, когда узнаете его ближе. Мы никак не могли объяснить себе, почему леди Изабелла покинула его. Проклятия сыплются на этого презренного Фрэнсиса Левисона.

Миссис Вин дрожащей рукой поправила очки.

— Без сомнения, от этого пострадали ее бедные малютки — они все еще вспоминают о своей матери... Но я должна попросить вас, миссис Вин, постараться сделать так, чтобы они совсем забыли о ней.

— Вероятно, так распорядился мистер Карлайль? — осмелилась спросить гувернантка.

— Разумеется, — ответила Барбара, — и это весьма естественно. Скажу больше, — прибавила она, — вы должны будете серьезно заняться воспитанием девочки, чтобы впоследствии она не последовала примеру матери.

— За это я ручаюсь, — взволнованно произнесла Изабелла. — А вы часто бываете с детьми?

— Нет, я придерживаюсь убеждения, что дети до известного возраста должны находиться подальше от матери. Конечно, я не хочу сказать, что мы должны оставлять их целиком и полностью на попечение гувернанток или нянек. Нет, я не сочувствую тем матерям, который небрежно относятся к своим детям и предаются светским развлечениям, — тем не менее я не хвалю и тех, которые постоянно проводят время с детьми, не могут ступить без них и шагу, сами одевают, моют и кормят их — словом, становятся их

рабами. Из этого ничего хорошего не выходит. Впоследствии дети до такой степени усваивают себе известные привычки, что им трудно избавиться от них, они делаются требовательными, раздражительными и капризными; мать, до сих пор удовлетворявшая исключительно их материальные потребности, уже теряет в их глазах нравственный авторитет, не может направлять их умственное и духовное развитие. Дело кончается тем, что мать теряет терпение, вооружается против детей, бранит и бьет их. А бедный муж, постоянный свидетель этих плачевных сцен, начинает тяготиться и детьми, и женой; ему надоедает эта тягостная обстановка, в которой он слышит одни только крики, и он ищет где-нибудь в другом месте то спокойствие, которого не находит у себя дома. По моему мнению, великий материнский долг заключается в нравственном воспитании детей... Вероятно, вы разделяете мое мнение?

Леди Изабелла склонила голову в знак согласия.

— Когда я поселилась в Ист-Линне, ваши обязанности исполняла мисс Мэнинг. Могу заметить, что она превосходно воспитывала детей. Я нисколько не сомневаюсь, что вы будете в точности следовать принятой нами системе. На вас возлагается главным образом воспитание девочки: она почти постоянно будет с вами.

— Да, я знаю, — ответила Изабелла с замиранием сердца. — Надеюсь, это здоровые дети?

— У них превосходное здоровье. Но в прошлую зиму у Уильяма была корь, и следствием этой болезни стал кашель, который и теперь беспокоит его.

— Он кашляет! Неужели? — с горечью воскликнула Изабелла.

— Да, в особенности ночью и по утрам, когда просыпается.

— Не чахотка ли у него? — со страхом спросила Изабелла.

— О нет, у меня нет причин предполагать что-либо подобное, — ответила Барбара. — Во всяком случае, эта болезнь не наследственная... Сколько у вас было детей, миссис Вин?

Этот вопрос, заданный так внезапно, сильно смутил леди Изабеллу.

— Трое...

— Значит, вы потеряли троих детей? Но ведь это ужасно! Отчего же они умерли?

И снова леди Изабелла смутилась.

— Они умерли от... от... разных болезней, — пробормотала она.

— Раньше отца? — продолжала спрашивать Барбара.

— Да... да... раньше отца! — повторила Изабелла, отирая со лба крупные капли пота.

От Барбары не ускользнуло волнение гувернантки, которое она приписала тягостным воспоминаниям, вызванным ее вопросами. Она поспешила сменить тему:

— Миссис Лэтимер говорила мне, что вы из знатного рода. Извините, что я об этом спрашиваю, но вы, вероятно, понимаете, почему я это делаю. Всегда приятно знать, кого принимаешь под свою кровлю.

— Да, я действительно из хорошей семьи, — холодно ответила Изабелла. — Я была рождена не для того, чтобы впоследствии стать гувернанткой.

— А муж не оставил вам никакого состояния?

— Никакого. Я лишилась всего в тот день, когда лишилась моего мужа.

Наступило молчание. Барбара догадывалась, что в жизни этой женщины кроется какая-то мрачная история, какое-то роковое событие, но она не осмелилась больше ее расспрашивать. В эту минуту вошла горничная.

— Не угодно ли вам пойти в детскую? — обратилась она к миссис Карлайль. — Ребенок раздет.

Миссис Карлайль поднялась, но тотчас села снова.

— Нет, — сказала она горничной, — я не пойду в детскую, пусть ребенка принесут ко мне. В этот час мой малютка обычно ужинает, — объяснила она Изабелле.

Вскоре пришла Уилсон с ребенком и положила его на колени миссис Карлайль. Это был прелестный малыш, крупный и полный, с большими голубыми глазами. Ему еще только миновало полгода, но, по словам его матери, он был рассудителен, как взрослый.

Уилсон пожирала глазами Изабеллу — она никогда не видела женщины более уродливой, в особенности ее ужасали зеленые очки; что же касается одежды миссис Вин, то Уилсон с удивлением спрашивала себя, из какой мастерской могло выйти платье такого странного покроя. Осмотрев с головы до ног новую жительницу Ист-Линна, она удалилась.

Между тем Барбара прижимала ребенка к груди и осыпала его нежными поцелуями; потом, поднявшись с кресла и держа его на руках, она подошла к леди Изабелле.

— Видели ли вы когда-нибудь такого прелестного ребенка?

— Действительно, он прелестный, — ответила Изабелла, — но позвольте мне заметить, что он совершенно не похож на вас.

— Да, я знаю. Он живой портрет своего отца, моего возлюбленного мужа.

— В таком случае мистер Карлайль должен быть очень хорош собой, — осмелилась заметить бедная гувернантка.

— О да! Он очень красив, — согласилась Барбара, — а кроме того, добр, снисходителен и благороден; все относятся к нему с уважением. Скажу больше: он любим всеми, кто его знает. Знаете, — прибавила она, — весь Ист-Линн удивляется, как первая жена могла его покинуть, как она могла полюбить другого человека...

Леди Изабелла вздрогнула.

— Вы слышите стук колес? — вдруг воскликнула Барбара. — Это он... я не ошибаюсь, это его экипаж остановился у крыльца.

Как описать то, что почувствовала при этих словах несчастная женщина? Изабелла слышала, как входил Карлайль; она узнала звук его шагов; она снова увидела его перед собой, и наконец... О! Как выразить эту сцену и это горе! Ее глаза на минуту сомкнулись, чтобы не видеть нежного поцелуя, который Арчибальд запечатлел на устах ее соперницы.

Карлайль так торопился подойти к жене и ребенку, что, казалось, не заметил присутствия гувернантки. Барбара поспешила загладить эту забывчивость и тотчас представила мужу миссис Вин. Карлайль повернулся к ней с просьбой извинить его. Взгляд его на минуту задержался на Изабелле с удивлением и любопытством; потом он сделал шаг вперед и дружески протянул ей руку, приветствуя ее самыми сердечными словами. Леди Изабелла невольно привстала ему навстречу, но она с трудом держалась на ногах, дрожала и боялась быть узнанной. Тем не менее она взяла протянутую руку, ту самую руку, которая когда-то так крепко сжимала ее собственную; она тихо, почтительно пожала ее и, подавленная волнением, медленно опустилась в кресло.

Карлайль не мог не заметить болезненного вида и необыкновенной бледности их новой гувернантки. Он задал ей несколько вопросов о состоянии ее здоровья, спросил также, не слишком ли утомилась она во время путешествия.

Леди Изабелла ограничивалась самыми короткими ответами, стараясь скрыть свое волнение и избегая его взгляда. Между тем ребенок на коленях Барбары издавал оглушительные крики.

— Послушай-ка, дружище, — обратился к нему Карлайль, — кажется, тебе давно пора отправляться в постельку?

Ребенок, как бы поняв эти слова, спрятал свою белокурую головку на груди матери, затем снова приподнял ее и устремил веселый взгляд на отца. Карлайль взял его на руки, а затем посмотрел на леди Изабеллу, безмолвную свидетельницу этой радостной семейной сцены, и произнес:

— Не правда ли, прелестный ребенок, миссис Вин?

— Да, премилый, — ответила Изабелла. — Как его зовут?

— Артур.

— Артур Арчибальд, — поспешила прибавить Барбара. — Видите ли, миссис Вин, мне очень хотелось назвать его Арчибальдом, но, к сожалению, другой ребенок уже носит это имя.

Тут явилась Уилсон, чтобы отнести ребенка в детскую. Она еще раз устремила пристальный взгляд на леди Изабеллу, взяла ребенка из рук Карлайля и вышла, обернувшись еще несколько раз. После ее ухода Изабелла встала, чтобы в свою очередь удалиться. Барбара дружески пожала ее руку, а Карлайль пожелал ей доброго вечера и проводил до двери.

— Не правда ли, презабавная особа? — сказала Барбара, оставшись наедине со своим мужем. — Я никак не могу объяснить себе, зачем она носит эти ужасные зеленые очки. Они придают ей такой смешной вид.

— Странно, — прошептал Карлайль, задумавшись и как бы говоря с самим собой. — Странно, — повторил он. — В чертах ее лица есть что-то такое, что мне напоминает...

— Что напоминает? — спросила Барбара.

Он вдруг замолчал, и горькая усмешка мелькнула на его губах.

— О! Ничего, ничего! Это странная, невероятная мысль, Барбара. Мне нужно поговорить с тобой о многом другом.

Глава III

Тревога матери

На следующий день рано утром леди Изабелла уже стояла в дверях своей комнаты, прислушиваясь, не идет ли кто. Она не хотела ни с кем столкнуться. Еще вчера она заметила, как внимательно Карлайль посмотрел на нее. Он был для нее теперь так недостижимо высок, она так истинно любила его — мужа другой! Итак, она должна была всеми силами избегать встреч с ним.

В ту минуту, как она стояла на пороге своей спальни, из комнаты напротив вдруг выбежал верхом на щетке прелестный мальчуган с красивым и смелым лицом, веселый и резвый, каким только может быть ребенок в пять лет. Это был ее собственный сын, ее маленький Арчибальд. Она узнала его по сходству с Карлайлем, но прежде всего по учащенному биению своего сердца. Не отдавая себе отчета в собственном поступке, увлекаемая материнским чувством, она устремилась навстречу ребенку, остановила его, подняла на руки, крепко прижала к своей груди и, задыхаясь от радости, унесла в свою спальню.

— Ты не должен бояться меня, дружок, — прошептала она, заметив испуг на лице ребенка, — я вовсе не злая, нет! Я очень люблю маленьких мальчиков!..

Несчастливая мать со слезами на глазах принялась покрывать его поцелуями. В это время в комнату вошла Уилсон, остановившись при виде столь странной сцены. Леди Изабелла поспешила выпрямиться; она поняла, каким непонятным должно казаться ее поведение.

— Видите ли, — проговорила она, как бы оправдываясь, — я очень люблю маленьких детей, а этот мальчик, — прибавила она, зарыдав, — напомнил мне моего собственного ребенка, которого я похоронила. Вы, конечно, понимаете это чувство?

Уилсон из вежливости кивнула, но в глубине души осталась убежденной в том, что новая гувернантка слегка тронулась рассудком. Обменявшись с ней несколькими фразами, Уилсон обратилась к маленькому Арчибальду, который не без любопытства смотрел на зеленые очки леди Изабеллы.

— Зачем ты убежал, негодный мальчишка? — строго прикрикнула на него Уилсон. — Зачем ты унес щетку? Ведь я запретила тебе ее брать; подожди, вот я скажу твоей маме.

С этими словами Уилсон довольно резко встряхнула его, крепко схватив за руки.

— О, прошу вас, — взмолилась Изабелла, — не делайте ему больно.

— Больно? — повторила служанка. — О! Вы его еще не знаете! Это настоящий маленький проказник!..

Уилсон вскоре увела мальчика из комнаты, оставив Изабеллу наедине с ее горем, с ее тоской и бешенством, которые она теперь испытывала при одной мысли, что не может выпроводить эту служанку со словами: «Этот ребенок мой, не смей бить его!..»

Она спустилась в свою приемную. Завтрак был уже готов, и в комнате вместе с Джойс находились и двое других детей леди Изабеллы. Заметив гувернантку, Джойс тотчас вышла.

Люси, старшая из детей, была очень милой и грациозной восьмилетней девочкой, а Уильям — худеньким мальчиком с болезненным цветом лица. Оба они поразительно походили на свою мать, по крайней мере на ту, какой она была прежде: у обоих были такие же нежные черты лица и задумчивые выразительные глаза. Изабелла хотела поцеловать их, но не посмела этого сделать из боязни выдать себя; она заставила свое сердце замолчать. Между тем Люси не сводила с нее глаз, а Уильям, менее пугливый и застенчивый, чем его сестра, обратился к ней с вопросом:

— Это вы наша новая гувернантка?

— Да, и надеюсь, мы подружимся.

— Почему нет? Мы всегда дружили с мисс Мэнинг, нашей прежней гувернанткой. Знаете, — продолжал он все тем же доверчивым тоном, — я скоро начну учить латынь. Да, как только перестану кашлять. А вы могли бы научить меня латыни?

— Увы, нет, — ответила Изабелла, — я плохо знаю этот язык.

— И я не удивляюсь этому. Папа сказал, что вы наверняка не знаете латинский язык, и пообещал поговорить с мистером Кэном — не возьметесь ли он преподавать мне этот предмет.

— С мистером Кэном? — повторила леди Изабелла. — Мистер Кэн, учитель музыки?

— Ах! Так вы его знаете? — удивленно воскликнул мальчик.

При этом вопросе краска залила щеки леди Изабеллы; она поняла, что совершила еще одну оплошность, и, чтобы загладить ошибку, вынуждена была прибегнуть ко лжи.

— Нет, — ответила она, — я его не знаю, но мне говорили о нем.

— Это чудесный человек, — продолжал мальчик, — и вдобавок ко всему знает латинский. С тех пор как уехала мисс Мэнинг, он давал нам

уроки музыки. Мама очень хотела этого.

«Мама» — это слово, относившееся к Барбаре, отозвалось болью в сердце Изабеллы.

— Вы завтракаете только хлебом с молоком? — спросила она, заметив, что едят дети.

— Как придется, — ответил Уильям, — один день нам дают хлеб с молоком, другой — хлеб с маслом или с медом, хотя тетя Корнелия и выражала желание, чтобы мы постоянно ели хлеб с молоком, — она уверяет, что таким образом воспитывала папу.

— Да, — наконец присоединилась к разговору Люси, — но это нисколько не мешало папе давать мне крутое яйцо, когда я с ним завтракала.

— А теперь вы больше с ним не завтракаете?

— О да, мы перестали завтракать с ним с тех пор, как приехала наша новая мама.

Когда завтрак окончился, леди Изабелла начала расспрашивать детей, сколько времени они занимаются и сколько отдыхают. В то время как она с ними разговаривала, в передней неожиданно раздался голос Карлайля. Люси устремилась к двери.

— Оставайтесь, оставайтесь здесь, Изабелла! — невольно вырвалось у гувернантки.

— Что? — спросил Уильям удивленно. — Вы, кажется, назвали ее Изабеллой? Это не ее имя. Ее зовут Люси.

— Да-да, — прошептала несчастная женщина в страшном волнении.

— Да, меня действительно зовут Изабеллой, — проговорила Люси, — но как вы это узнали? Меня никто не называл Изабеллой с тех пор, как ушла моя мама, моя настоящая мама.

— Так ваша мама ушла? — спросила леди Изабелла, вся дрожа.

— Да, — ответила девочка, — ее у нас украли.

— Украли?

— Да, украли. У нас гостил один человек, очень злой человек, которого папа приютил в замке. Так вот этот человек однажды уехал и увез с собой маму. С тех пор папа не хочет, чтобы меня называли Изабеллой.

— А как же вы это узнали?

— Папа при мне просил Джойс называть меня Люси, а Джойс передала это другим горничным... Нашу настоящую маму звали Изабеллой, и мы ее очень любили; но после того, как она ушла, Уилсон и тетя Корнелия запретили нам любить ее. Уилсон сказала нам, что если бы мама нас любила, то никогда не покинула бы.

— Как! — возмутилась несчастная мать. — Как Уилсон посмела говорить такое!

— Да, она думает, что если мама позволила себя украсть, то потому, что хотела этого. Но я не верю. Я думаю, что тот человек сильно бил маму, чтобы заставить ее покинуть нас. Теперь она умерла; я не знаю, отчего именно, но думаю, что от ударов того человека.

Разговор этот был прерван неожиданным появлением Джойс, которая предложила леди Изабелле проводить ее в классную комнату. Леди Изабелла встала и в сопровождении Люси и Уильяма отправилась в вышеупомянутую комнату на втором этаже. Только она села за стол, как перед ней появилась Барбара и начала объяснять ей, какого рода системы следует придерживаться при обучении ее детей. Правда, она высказывала свои мысли на этот счет самым почтительным и любезным тоном, тем не менее это были приказания. Сколько раз леди Изабелла готова была перебить ее — до такой степени сердце ее восставало против ее воли, а гордость чувствовала себя оскорбленной.

В тот же день вечером, когда Изабелла сидела с детьми в предназначенной для нее комнате, Уильям сильно раскашлялся. И вновь материнское чувство вырвалось наружу. Бедная женщина привлекла к себе ребенка, нежно прижала его к своей груди и осыпала поцелуями. В эту минуту Карлайль, услышавший кашель Уильяма, вошел в комнату.

Взглянув на него, Изабелла страшно смутилась и дрожащей рукой отстранила от себя маленького Уильяма.

— Зачем же вы его оттолкнули? — произнес Карлайль, растроганный ее нежностью. — Вы любите детей, я очень рад, это говорит в вашу пользу.

Что она могла ответить? Из ее горла вырвалось несколько бессвязных слов, затем, смутившись еще больше, она отошла в самый темный угол комнаты.

Карлайль внимательно посмотрел на Уильяма. Мальчик уже не кашлял, но казался изможденным, и на лице у него появился лихорадочный румянец.

— Миссис Вин, — сказал Карлайль, — после ужина приходите, пожалуйста, с Люси в гостиную. Нам очень хочется послушать, как вы поете.

Когда он вышел, Изабелла снова привлекла к себе маленького Уильяма.

— Ты кашляешь и ночью, дружок? — спросила она.

— Да, иногда. Джойс всякий раз ставит варенье возле моей постели; когда я закашляюсь, то съем ложечку этого варенья, и мне лучше...

— Ты спишь один в комнате?

— Да, у меня собственная комната.

Леди Изабелла снова замолчала. Она размышляла о том, как ей ухаживать за больным ребенком, как устроить так, чтобы Уильяму позволили спать в ее комнате, возле нее.

— Дитя мое, — сказала она вдруг, — ты хочешь, чтобы твою постельку поставили в моей комнате?

— Не знаю. Зачем?

— Я стала бы за тобой ухаживать, подавать тебе все необходимое, а если бы пришел этот противный кашель, то я постаралась бы прогнать его. Да, дружок, я стала бы беречь тебя и любить, как любила тебя настоящая мама.

— Настоящая мама! — воскликнул Уильям. — Она не любила нас, она нас бросила!

— Это неправда. Что ты там болтаешь? — перебила его Люси гневным тоном. — Мама нас очень любила. Я знаю. И Джойс мне это говорила...

— Замолчи, Люси, ты говоришь глупости, — сказал Уильям.

Крупные слезы выступили на глазах Изабеллы.

— Дети мои! — тяжело вздохнула она. — Ваша мама любила вас, она очень, очень любила вас. Поверьте мне.

— Откуда вы это знаете, миссис Вин? — спросил Уильям, бойко вскинув голову. — Ведь вы ее никогда не видели, не правда ли?

— Не видела, но я в этом убеждена, — настаивала несчастная мать, — потому что я нахожусь с вами всего лишь один день, а я уже люблю вас.

С этими словами Изабелла крепко обняла обоих детей и дала волю своим слезам.

— Отчего вы так плачете? — спросил Уильям.

Изабелла посмотрела на него и прошептала:

— Я плачу потому, что, глядя на тебя, думаю об одном маленьком мальчике, которого я похоронила. Ему было бы теперь столько же лет, сколько и тебе.

— А как его звали?

— Вильямом! — ответила она, не задумываясь ни на минуту.

— Вильям Вин! — произнес Уильям. — Его папа был французом, не правда ли? А он говорил по-английски?

— Да, говорил, — сказала Изабелла не без некоторого колебания. — Но пей же свой чай.

Позже Барбара, выйдя из-за стола, чтобы покормить своего ребенка, заметила маленькую Люси. Девочка стояла в дверях той комнаты, где находилась леди Изабелла.

— Можно нам теперь пойти в гостиную, мама? — воскликнула Люси.

— Да, — ответила Барбара, не останавливаясь, — и скажи миссис Вин, чтобы она также пришла и захватила с собой ноты.

В ту самую минуту, как миссис Вин собиралась войти в столовую, Карлайль столкнулся с ней в коридоре.

— Миссис Вин, — обратился он к ней, — разбираетесь ли вы в детских болезнях?

Изабелла уже намеревалась ответить «нет», но, к счастью, вовремя вспомнила, что ее считают матерью троих детей, которых она похоронила, и потому поспешила ответить:

— Да, сэр, немного.

— Не находите ли вы, — продолжал Карлайль, — что Уильям очень болен?

Нужно сказать, что мальчик в эту минуту не был со своей наставницей — его отослали в детскую спать. Что же касается Люси, то она уже сидела в гостиной.

— Я думаю, — ответила Изабелла, — что ему нужен особенный уход; по моему мнению, необходимо, чтобы кто-нибудь находился при нем постоянно, в особенности ночью. Если вы позволите, сэр, я с радостью возьму его в свою спальню. Можно перенести его кровать и поставить рядом с моей.

— Благодарю вас за это предложение, — возразил Карлайль, — но я не могу принять его. Я не смею причинять вам такое беспокойство.

— О, это не причинит мне беспокойства. Кроме того, я успела горячо привязаться к этому ребенку.

— Вы очень добры, но, право же, это невозможно. Если необходимо, чтобы кто-нибудь спал с ним в одной комнате, то я поручу это кому-нибудь из слуг.

С этими словами Карлайль отворил дверь перед миссис Вин. Больше всего она боялась, что ее попросят сесть за фортепьяно и спеть что-нибудь. Ее могли узнать по голосу. Правда, он сильно изменился с тех пор, как случилась ужасная катастрофа на железной дороге, — она пришепетывала и растягивала слова, но странное дело: все эти недостатки исчезали, когда она пела.

Но тяжелое испытание на этот раз миновало ее; Барбара, вернувшись в гостиную к мужу, села за фортепьяно и играла до тех пор, пока не доложили о приходе гостя. Гостем этим был сам почтенный судья Гэр.

— Какой приятный сюрприз! — воскликнула Барбара. — Миссис Вин, позвольте представить вам моего отца.

Леди Изабелла и судья обменялись поклонами. Затем Изабелла уединилась в своей комнате и погрузилась в печальные думы. На часах пробило десять. Она огляделась вокруг, затем нетвердыми шагами добрела до лестницы и спустилась на этаж ниже, опираясь на перила. На площадке она встретила служанку Сару и остановилась, озаренная новой мыслью.

— Скажите, пожалуйста, — обратилась она к служанке, — где комната маленького Карлайля?

— По коридору направо, — ответила та.

Леди Изабелла подождала с минуту, потом, уверившись в том, что служанка ушла, на цыпочках вошла в комнату, где спал ее возлюбленный ребенок. Она подошла к постели. Уильям спал; на лице его отражалось страдание, а тонкие руки были сложены на груди. Возле постели на маленьком столике стоял стакан со сладкой водой и блюдечко с вареньем.

Изабелла упала на колени возле постели ребенка, склонила голову к подушке, прислушиваясь к его дыханию. Бедная мать плакала.

— Боже милосердный! — раздался вдруг чей-то резкий и звучный голос. — Я подумала, уж не горим ли мы?

Резкий голос принадлежал Уилсон. Она увидела свет в комнате Уильяма и, испугавшись, прибежала. Услышав ее восклицание, леди Изабелла быстро выпрямилась.

— Я... я... я сидела возле Уильяма, — пробормотала она. — Мистер Карлайль... очень... беспокоился сегодня вечером. Ребенок действительно казался больным... очень больным...

— Напрасно вы тревожитесь, — ответила Уилсон, — болезнь вовсе не опасна.

— Будем надеяться, — прибавила леди Изабелла. — Будем надеяться! — повторила она, поспешно удаляясь.

— Спокойной ночи, миссис Вин, — произнесла Уилсон, провожая ее взглядом. — Я решительно не понимаю эту женщину! — пробормотала она себе под нос. — Право, я начинаю думать, что у нее голова не в порядке!

Глава IV

«Вспомни обо мне»

Судья Гэр отправился в Лондон в сопровождении мистера Риннера. Миссис Гэр, приняв приглашение Карлайлей, поселилась на время со своей дочерью. Однажды вечером после ужина, на котором присутствовала также мисс Карлайль, леди Изабелла, не в силах больше выносить пристальный взгляд старой девы, отказалась последовать за всеми в гостиную и, сославшись на сильную головную боль, удалилась в свою приемную.

Миссис Гэр, почувствовав глубокую симпатию к новой гувернантке, последовала за ней.

— Мне, право, грустно видеть вас больной, — проговорила эта добрая и сердечная женщина, садясь возле леди Изабеллы.

— Благодарю... благодарю вас, — ответила та, — сегодня я действительно чувствую себя очень плохо.

Наступила минута молчания. Миссис Гэр с сочувствием разглядывала леди Изабеллу. Казалось, она понимала, что огорчения, а не годы состарили это молодое лицо, убелили эту голову, и ей почему-то захотелось расспросить гувернантку о прошлом, о причине ее несчастий и страданий.

— Вы испытали много горя, — начала она своим тихим мелодичным голосом. — Моя дочь рассказывала мне, что вы потеряли своих детей, лишились положения, занимаемого вами в свете. Это поразило меня, глубоко поразило. Мне бы так хотелось вас утешить.

Услышав эти слова, полные самой искренней нежности, Изабелла не смогла сдержать чувств; из груди ее вырвался горестный стон, и она закрыла лицо обеими руками. Крупные слезы покатались по ее впалым щекам.

— О, не жалейте меня! — воскликнула она. — Не жалейте меня, дорогая миссис Гэр! На этом свете, — прибавила она с горькой улыбкой, — есть существа, рожденные для страданий!

— Все мы рождены для страданий, всех нас ожидают бо`льшие или меньшие испытания. И я также не избежала общего закона... Никто и представить себе не может, сколько горя и тревог испытало мое несчастное сердце!

— Да, вы правы, но есть страдания, которые нельзя выразить, страшные, ужасные страдания, которые не убивают, а медленно подтачивают наше сердце и которые мы должны безропотно переносить...

— На долю каждого из нас приходится много тяжелых дней, — произнесла старушка. — Одни с самого рождения испытывают физические муки, другие всю свою жизнь больны душой. Страдания очищают душу христианина. Так мы смягчаем справедливый гнев Божий и обретаем спокойствие за пределом нашей жизни.

— О! Это моя единственная надежда, мое единственное утешение...

— Вы похоронили своих детей, — продолжала миссис Гэр, — признаюсь, это ужасное испытание. А представьте себе ту муку, которую испытывает мать, видя, что ее ребенок обесчещен и отвергнут обществом? Ах, поверьте, каждая из нас несет свой крест; жизнь полна страданий.

— Но есть и исключения, — заметила леди Изабелла, — есть люди, жизнь которых не омрачает ни одно облачко.

— Я не знаю таких; счастья — безусловного счастья, я хочу сказать, — не существует в мире.

— Взгляните на мистера и миссис Карлайль. Разве они не счастливы? — произнесла Изабелла отрывисто.

— Да, миссис Карлайль счастлива, я с радостью могу подтвердить это, — сказала миссис Гэр с улыбкой. — До сих пор ничто не нарушало ее счастья. Но вы жестоко ошибаетесь, если думаете, что мистер Карлайль никогда не знал горя. Напротив, он перенес тяжелое испытание. Его первая жена покинула его... и его, и детей. Это было тяжкое потрясение в его жизни, потому что он горячо любил эту женщину и отдал ей всю свою любовь.

— Ей, вы говорите? Но в таком случае Барбара...

Едва леди Изабелла произнесла эти слова, как поняла, до какой степени она забылась. Она, простая гувернантка, осмелилась назвать миссис Карлайль одним ее именем!

К счастью для нее, миссис Гэр не заметила этого.

— Барбара, — с живостью продолжала она, — только унаследовала ту любовь, которую Карлайль всецело отдавал своей первой жене. О! Леди Изабелла была таким прелестным созданием! Я всегда чувствовала к ней необыкновенное расположение и, несмотря на все, что произошло впоследствии, не могу разлюбить ее. Очень многие возмущались ее поведением, но во мне оно возбудило только сострадание. Это была славная пара: она — такая очаровательная и грациозная, он — такой благородный и добрый!

— И она решилась расстаться с ним, покинуть его! — проговорила Изабелла с отчаянием. — Отказалась от такого блаженства, от такого счастья!

— Да, но не будем больше говорить об этом, это слишком грустная тема для разговора. Следствием ошибки леди Изабеллы стало счастье моей дочери. Но леди Изабелла страдала, очень сильно страдала...

— Откуда вы знаете? Кто вам рассказал о ней? — воскликнула гувернантка с лихорадочным нетерпением. — Неужели Фрэнсис Левисон?

— Фрэнсис Левисон? Да что он мог сказать? Что он нарушил свое слово и отказался жениться на леди Изабелле?.. Лорд Моунт-Сиверн виделся с ней; он отыскал ее в одном швейцарском городке, где она жила, убитая горем, больная, состарившаяся от угрызений совести и мучительного раскаяния. Теперь она уже умерла, и, надеюсь, Господь облегчил ее страдания еще при жизни...

— А как мистер Карлайль воспринял известие о ее смерти?

— Не знаю. На глазах у других он сохранял свое обычное достоинство. Никто не мог прочесть того, что было у него в душе... Но, кажется, в гостиной, — прибавила миссис Гэр, по-видимому, желая прекратить этот разговор, — меня уже могут хватить.

— Я сейчас же пойду и узнаю, — воскликнула Изабелла, воспользовавшись удобным предлогом, чтобы дать волю слезам.

С этими словами она вышла из комнаты и машинально добрела до гостиной. Там никого не было. Из соседнего будуара доносились мелодичные звуки фортепьяно. Напев показался ей знакомым, вскоре она узнала и романс: это был тот самый романс, который она когда-то пела и который так любил Карлайль.

Леди Изабелла чуть слышно, затаив дыхание, подошла к полуотворенной двери и остановилась. Она видела сидевшую за фортепьяно Барбару и Карлайля, опиравшегося на спинку ее стула. Барбара пропела первые слова этого чудесного, разрывающего душу романса; голос ее не был так звучен и силен, как голос леди Изабеллы, но все равно это был прекрасный голос. Гувернантка слушала ее со слезами на глазах.

«Когда другие уста и другое сердце будут говорить тебе о любви с увлечением и восторгом, тогда, быть может, эти самые звуки пробудят в душе твоей воспоминание о прошлых, радостных днях. О, вспомни тогда обо мне! Вспомни обо мне!»

Изабелла невольно прикрыла глаза и предалась воспоминаниям о молодости. Наконец голос замолк, последние ноты мало-помалу затихли, и в доме снова воцарилась тишина. Изабелла, словно пробудившись ото сна, огляделась вокруг.

Барбара подняла на Карлайля свои прекрасные голубые глаза, исполненные любви, и Карлайль протянул руки, чтобы обнять ее. Изабелла

поспешно скрылась.

В воскресенье она должна была сопровождать семейство Карлайлей в церковь Святого Иуды. Во время службы она оставалась безмолвной, не смела поднять глаз, боясь, что кто-нибудь узнает ее. Никогда служба не казалась ей до такой степени длинной.

На обратном пути они прошли через кладбище. Вот перед ней могила ее отца: она не смеет даже остановиться, не смеет взглянуть на нее — так сильно душат ее слезы, и, стараясь сдержать их, она шепчет: «О! Почему я сама не лежу в этой могиле? И зачем я сюда вернулась?»

Глава V

Депутат в члены парламента

Наступала весна. Сирень была уже в цвету, деревья и кустарники покрылись зеленью. Карлайль был счастлив — он получил предложение представлять Вест-Линн в парламенте. Это очень его обрадовало, так как он желал быть полезным обществу.

Был прекрасный вечер; Барбара сидела в гостиной Ист-Линна, с нетерпением дожидаясь возвращения мужа. Услышав шаги Арчибальда, она побежала к нему навстречу.

— Что вам от меня нужно? — спросил он шутливым тоном.

— Я хочу, чтобы вы меня поцеловали, — кокетливо произнесла молодая женщина, — но если вы строите из себя такого чопорного джентльмена, сэр, то я лишаю вас этого удовольствия на целую неделю.

— В самом деле? — продолжал Карлайль, смеясь. — Вот уж не знаю, кто больше от этого пострадает!

— Что вы хотите сказать, сэр? Разве для вас это не наказание? Разве вы меня больше не любите?

— Вот мой ответ, — произнес Карлайль, прижимая Барбару к своей груди и осыпая ее личико поцелуями.

Леди Изабелла, немая свидетельница этой нежной сцены, вся дрожала от ревности. Боясь выдать себя, она поспешила выйти из комнаты.

— Барбара, — воскликнул Карлайль, — хотела ли бы ты проводить несколько месяцев в году в Лондоне?

— Я не понимаю тебя, мой друг. Надеюсь, ты не собираешься поселиться в Лондоне?

— Напротив, собираюсь. Сегодня утром мне сделали одно предложение.

— Какое же?

— Быть членом парламента в качестве представителя от Вест-Линна.

— Ах, мой друг, как я рада! Как я горжусь тобой! Да, ты заслуживаешь этой чести, Арчибальд.

С этими словами Барбара кинулась ему на шею, как ребенок, и крепко целовала его. Тут в передней раздались громкие шаги. Кто мог появиться в этой час? Не кто иной, как мисс Корни, со сжатыми губами и высокомерным взором.

Корнелия видела своего брата, бегущего по улице в сопровождении

местных судей; но она совершенно напрасно стучала и барабанила в окно, стараясь обратить на себя его внимание. Наконец Дилл, последним покинувший контору, заметил мисс Карлайль и, догадавшись, что она знаками просит его зайти, поспешил к ней. Между ними произошел следующий разговор.

— Что это за толпа народа, мистер Дилл?

— Это депутация, мисс.

— Какая депутация?

— Депутация от города. Мистеру Арчибальду Карлайлю предложили стать членом парламента, дорогая мисс.

— Надеюсь, Арчибальд выпроводил их, как они того заслуживали.

— Он обещал дать им ответ завтра утром.

— Что? — воскликнула разгневанная мисс Корни. — Уж не намекаете ли вы, что он примет это предложение?

— А почему бы и нет, мисс Карлайль? Это очень большая честь, которой мой хозяин достоин во всех отношениях; это, так сказать, возвысит его надо всеми нами.

— Если ему так нужно повышение, то пусть делается флюгером на крыше своего дома и вертится в разные стороны.

С этими словами мисс Корни быстро вышла из комнаты, сбежала по лестнице, ведущей в ее уборную, надела шляпку, схватила первую попавшуюся под руку шаль и устремилась в Ист-Линн.

— Где Арчибальд? — грозно спросила она, заметив Барбару.

— Он здесь. Что случилось?

Карлайль, услышав голос сестры, вышел к ней навстречу.

— Мне сказали, будто ты подумываешь стать членом нижней палаты в качестве представителя от Вест-Линна! — заявила Корнелия.

— Да, мне сделали такое предложение.

— Я желаю знать, отказался ли ты?

— Напротив, я намерен согласиться.

— А подумал ли ты о расходах, которые тебе предстоят?

— Да, я обо всем подумал. Расходы предстоят самые незначительные, всего лишь несколько сотен фунтов, — заметил он добродушно.

— В таком случае ты откажешься от своей профессии? — продолжала она с негодованием.

— Вовсе нет, Корнелия; Дилл станет во главе конторы.

Мисс Карлайль, вне себя от гнева, быстро повернулась к Барбаре:

— Это вы надоумили его, сударыня?

— Нет, — ответила Барбара, — он решил принять это предложение

еще прежде, чем посоветовался со мной. Во всяком случае, я одобряю его решение, — прибавила она.

— В самом деле? Так позвольте же мне вас поздравить и позавидовать печальной жизни, которую вы будете вести в одиночестве.

— Но я не имею ни малейшего намерения оставаться здесь, — возразила Барбара, подходя ближе к Карлайлю. — Он берет меня с собой.

Возмущенная донельзя Корнелия окинула своего брата и Барбару негодующим взглядом.

— Так это дело уже решенное?

Арчибальд ответил утвердительно, и мисс Карлайль, не произнося больше ни слова, собралась уйти, но прежде перевязала ленты на своей шляпе, скомкав их дрожащими пальцами, отчего получился самый безобразный бант в мире.

— Ты не должна уходить от нас вот так, Корнелия, — заметил ей брат, — останься и пообедай с нами.

— Благодарю вас, кушайте себе на здоровье, а я сыта, — проговорила Корнелия с разгневанным видом. — Дожить до того, чтобы увидеть, как сын моего отца пренебрегает своей профессией! И ради чего?..

С этими словами она торопливо вышла из замка и направилась к себе.

Через три дня во всех местных газетах напечатали объявление о том, что Карлайль выбран представителем Вест-Линна, и на всех стенах городка было написано крупными буквами: «Да здравствует Карлайль! Мы все за Карлайля!»

Глава VI

Сэр Фрэнсис Левисон у себя дома

Сэр Фрэнсис Левисон был самым ярким последователем тори и вдруг перешел в ряды оппозиции, став ревностным радикалом. Узнав об этом превращении, друзья его крайне изумились; со всех сторон слышался вопрос: что могло побудить его так быстро изменить убеждениям своих предков? Между тем причина была самая простая. Денежные обстоятельства сэра Фрэнсиса Левисона крайне расстроились, и, чтобы поправить их, он прибегнул к единственному средству, то есть отрекся от своих политических убеждений — если только он когда-нибудь их имел — и польстил радикалам в надежде занять у них какое-нибудь выгодное местечко.

Едва получив наследство от сэра Питера, он начал вести самую беспорядочную жизнь. Он взял в жены сестру той самой Бланш Чаллонер, с которой поступил бессердечно, подавая ей напрасные надежды. Женитьба эта только ускорила его крах, потому как с тех пор он стал жить на широкую ногу, предаваясь всевозможным развлечениям, играм и попойкам. У него ничего не осталось, кроме долгов, и так как он не пользовался уважением соседей, то никто не изъявлял желания выручить его из беды. Такое безвыходное положение и внушило ему мысль устроиться в качестве секретаря при одном богатом лорде. Благодаря родственным связям с семейством этого последнего и участию в делах парламента ему удалось получить желаемое место.

В одно прекрасное солнечное утро в одном из аристократических кварталов Лондона, в великолепной гостиной, сидела молодая белокурая женщина с голубыми глазами и нежным цветом лица. Она сидела с опущенной головой, пребывая в глубокой печали. Это была леди Левисон. Уже три года ее судьба была связана с судьбой Фрэнсиса Левисона, и любовь, которую она некогда чувствовала к этому человеку, сменилась ужасом и презрением.

Двухлетний мальчуган, их единственный ребенок, весело резвился в этой же самой комнате. Но мать, казалось, не обращала на него ни малейшего внимания. Вдруг дверь с шумом распахнулась, и молодая женщина, увидев перед собой сэра Фрэнсиса Левисона, гордо выпрямилась.

— Мне нужны деньги, — обратилась она к мужу, бросив на него

яростный взгляд.

— В самом деле? — отозвался Левисон. — И что же? Мне они также нужны.

— Я вчера говорила вам и сегодня повторяю: мне нужны деньги!..

— Вечно одна и та же песня! — холодно произнес муж. — Разве я могу сделать невозможное? Ты точно с таким же успехом можешь требовать у меня денег, как у этого мальчугана.

— У этого мальчугана! — в бешенстве воскликнула женщина. — Зачем только Бог дал ему такого отца?!

Левисон, до сих пор отвечавший довольно сдержанно на замечания своей супруги, готов был в свою очередь разразиться гневом, но, к счастью, в эту минуту в комнату вошел слуга.

— Извините, сударь, — сказал он, — но пришел этот Броун...

— Слышать о нем не хочу! — в ужасе перебил слугу сэр Фрэнсис. — Не впускай его.

— Мы с трудом отделались от него, — продолжал слуга, — но во время нашего пререкания с ним в комнату ворвался мистер Мередит; он прошел в вашу библиотеку и поклялся, что не выйдет оттуда, не повидавшись с вами.

Черты Левисона исказились. Он выбежал из гостиной.

Вот уже целых три дня сэр Фрэнсис Левисон приказывал своим слугам не пускать никого в дом. Слуги уверяли посетителей, что их хозяин опасно болен; это обстоятельство вскоре сделалось известным всем, кто имел с Левисоном какие-нибудь дела. Бесчисленные кредиторы отлично поняли, что за этим предлогом скрывалось желание спастись от их назойливого преследования.

— Клянусь честью! — воскликнул мистер Мередит, увидев Фрэнсиса в библиотеке. — Я уже думал, что вы чуть ли не при смерти. А у вас цветущий вид!..

— Мне несколько лучше, — пробормотал Фрэнсис, стараясь кашлянуть.

— Вы выбрали самое неудобное время болеть, — продолжал мистер Мередит, важный чиновник при министерстве, — в парламенте есть вакантное место.

— И что же?

— Что же? Мы рассчитываем на вас; предлагайте себя в кандидаты.

— Невозможно. Я должен выступить представителем Вест-Линна?

— Именно. И так как ваши владения соприкасаются с землей Вест-Линна, то вы имеете некоторые шансы.

— Я все-таки не могу принять это предложение, вы должны понять меня, Мередит.

— Подумайте хорошенько, Левисон. Речь идет о вашем будущем.

— Повторяю вам: это невысказано.

— В таком случае я не отвечаю за последствия. Вы потеряете важнейший пост, и Торнтон станет нашим кандидатом.

Сэр Фрэнсис ничего не ответил; им овладело какое-то смутное чувство.

— Я понимаю, что вам не слишком приятно показываться в Вест-Линне, — продолжал мистер Меридит, — после того происшествия, в котором вы играли главную роль; но в настоящее время никто об этом не вспоминает. Ну, что вы на это скажете? Да или нет?

— Разве я один могу заявить притязание на вакантное место? — спросил Левисон.

— Нет, у вас есть противник.

— Кто именно?

— Карлайль.

— Карлайль? — удивился сэр Фрэнсис. — Но я не могу пойти против него.

— В таком случае мы пригласим Торнтон, — заявил Мередит.

— Право же, ваше предложение кажется мне смешным! Вест-Линн не захочет меня выбрать, если Карлайль в числе депутатов.

— Не бойтесь, мы имеем некоторые основания рассчитывать на успех. Ну, каково ваше решение?

— Хорошо, я согласен, — сказал Фрэнсис Левисон.

Через несколько минут он вышел из дома и направился в полицейское отделение, откуда послал начальнику полиции Вест-Линна депешу следующего содержания: «Известно ли вам, где Отуэй Бетель? Если в настоящую минуту его нет в Вест-Линне, то скоро ли он там появится?» Он дождался ответа, который заключал в себе следующие слова: «Отуэй Бетель уехал из Вест-Линна; думают, что он в Норвегии».

Вернувшись домой, Левисон зашел к жене и сообщил ей, что уезжает из Лондона на несколько дней.

— Если в вашем сердце осталась хоть капля чести, — воскликнула она, — то вы откажетесь от дерзкого замысла, который уже успел созреть в вашей голове! Я знаю, каковы ваши намерения, я знаю, что вы желаете оспаривать у мистера Карлайля место, на которое он имеет полное право и которого вы недостойны. Нужно быть слишком дерзким, слишком наглым, чтобы поступать таким образом!

— Замолчите! — гневно прикрикнул на нее сэр Фрэнсис.

— Нет, я не замолчу! Вы и так слишком долго заставляли меня молчать. Теперь я буду говорить и прежде всего скажу вам, что вы мне ненавистны. И день и ночь я молю Бога, чтобы он помог мне расторгнуть существующую между нами связь.

— В таком случае почему вы не уступили меня вашей сестре, Бланш? — заметил Левисон с усмешкой.

— Одумайтесь, пока еще не поздно! — воскликнула она. — Вы наносите мистеру Карлайлю сильное оскорбление.

— Какое вам дело до мистера Карлайля? Ведь вы его даже не знаете.

— Нет, я знаю его, по крайней мере по той репутации, которую он себе приобрел. Я знаю, что он обладает благородным сердцем, знаю, что он имеет множество горячо преданных ему друзей, и знаю, как велика разница между ним и вами.

— Потому-то мне и хочется помешать ему на выборах. Карлайль — мой противник, и это подстрекает меня. Я употреблю все зависящие от меня средства, чтобы только подставить ему ногу.

— Берегитесь, чтобы вам также не подставили ногу! Счастье не всегда благоприятствует злым.

Глава VII

Приключение с очками

Карлайль и Барбара сидели за завтраком, когда в столовую неожиданно вошел старый Дилл в сопровождении судьи Гэра, мистера Риппера и полковника Бетеля. Задыхаясь, все четверо заговорили разом, так что Карлайль с трудом мог ухватить смысл их бессвязных речей.

— Успокойтесь, друзья мои, — начал он весело. — Вы сообщаете мне, что объявился другой претендент на вакантное место. Так что же? Тем лучше! В этом нет ничего печального!

— Но, мистер Арчибалд, — произнес бедный Дилл чуть не со слезами на глазах, — вам еще неизвестно, кто этот претендент.

— Кто же он? — спросил Карлайль.

Наступила минута тягостного молчания. Гости посматривали друг на друга с некоторым колебанием: ни один из них не решался произнести имя соперника Карлайля. Наконец Дилл, поборов свою застенчивость, наклонился над его ухом и произнес:

— Это тот человек... Левисон!

Краска залила щеки Карлайля; Барбара склонила голову, но ее прелестные глаза метали молнии.

— Да, — подтвердил судья Гэр, — на стенах наклеены афиши гигантских размеров с надписью: «Да здравствует Левисон! Мы все за Левисона».

— Он, должно быть, сошел с ума, если осмелился заявлять здесь свои права, — добавил полковник Бетель.

— Он хотел оскорбить вас, — произнес мистер Риннер.

— Скажите лучше, оскорбить всех нас, — поправил его полковник.

— Мы больше чем когда-либо готовы поддерживать вас, Карлайль, — провозгласил судья Гэр.

Карлайль продолжал хранить молчание.

— В десять часов мы назначили заседание в гостинице «Оленья голова», — произнес он наконец, — тогда и потолкуем об этом вопросе.

— Разве он остановился не в этой гостинице? — спросил мистер Риннер.

— О, его оттуда выпроводили, — поспешил ответить старый Дилл.

Обменявшись еще несколькими фразами, друзья вышли, а Карлайль снова сел за стол, чтобы окончить завтрак. Барбара тихо подошла к нему и

с нежностью произнесла:

— То, что ты сейчас услышал, Арчибальд, не заставит тебя поменять своих планов? Ты не уступишь место этому человеку?

— Не думаю, Барбара. Все, что я могу сделать, — это обращать на него столько же внимания, сколько обращаю на грязь, приставшую к моим сапогам.

— Да, — согласилась она, — ты тысячу раз прав.

При этих словах яркая краска залила щеки молодой женщины — чувство благородной гордости было удовлетворено.

Выйдя из дома, Карлайль встретил свою сестру, которая быстро шла ему навстречу.

— Ну что? — воскликнула она. — Знаешь новость?

— Да, Корнелия, знаю.

— Ага! Но, разумеется, ты не отступишься от своего? Видишь ли, сначала мне не понравилось твое решение, но теперь другое дело.

— Будь спокойна, Корнелия, я не имею ни малейшего намерения уступать ему свое место.

— В таком случае иди прямо своей дорогой, не обращая никакого внимания на этого человека. А теперь нужно приступить к делу: заручиться голосами, не скупиться на обещания...

— Ничего подобного я делать не буду, — покачал головой Карлайль.

— В таком случае я все возьму на себя и обещаю поставить в залу заседания на двадцать пять тысяч франков самого лучшего эля.

— Сделай одолжение, не компрометируй меня, Корнелия. Наши законы строго преследуют всякое взяточничество и развращение.

В этот день Барбара проводила своего мужа до самой решетки парка. На обратном пути она встретила миссис Вин, гулявшую с двумя старшими детьми.

— Какая вы красная, мама! — воскликнула маленькая Люси. — Что это с вами?

— Я очень взволнована и сердита! — ответила Барбара.

— Почему же?

— Потому что явился один человек, который оспаривает у твоего папы место в парламенте.

— Но ведь он имеет право, — вмешался Уильям. — Ведь это место открыто для всех?

— Это правда, но человек, о котором я говорю, не должен был заявлять своих притязаний, потому что это презренный, низкий и лживый человек.

— Как его зовут? — спросил Уильям.

— Сэр Фрэнсис Левисон.

Услышав это имя, гувернантка невольно вздрогнула; она закрыла лицо обеими руками, и из груди ее вырвался глухой крик.

— Что? Что с вами? — спросила Барбара.

— Ничего... ничего... — пробормотала несчастная женщина. — Легкая боль, и только!

Миссис Карлайль устремила пронизательный взгляд на гувернантку. «Как это странно! — думала она про себя. — Быть может, она знает этого Фрэнсиса Левисона».

Но она не стала спрашивать миссис Вин, и та продолжила свою прогулку. Дети резвились на лугу, а леди Изабелла следила за ними, как вдруг ее внимание привлекли две фигуры, быстро идущие ей навстречу. Изабелла вся затряслась, колени ее подогнулись, и она с трудом удержалась на ногах. Недалеко от нее стоял лорд Моунт-Сиверн со своим сыном, лордом Вэном.

Граф подошел к детям, поцеловал их, затем, остановившись перед леди Изабеллой, снял шляпу.

— Это миссис Вин, наша гувернантка, — произнесла Люси.

Миссис Вин ответила на поклон графа и быстро отвернулась.

— Ваш папа дома? — спросил лорд Моунт-Сиверн.

— Да, я думаю, он завтракает.

— А вы еще больше похорошели, мисс Люси, — произнес лорд Вэн, обнимая девочку одной рукой за талию. — Надеюсь, вы не позабыли своего обещания и сдержите слово.

— О да, конечно! — воскликнула девочка, смеясь.

— Миссис Вин, — пояснил лорд Вэн, — Люси обещала выйти за меня замуж, и я не желаю для себя другой невесты. Одним словом, мы уже давно любим друг друга.

Изабелла не знала, что ответить; сердце ее переполнилось горечью.

— Мисс Люси, я попрошу вас на минутку удалиться, — продолжал молодой человек, — мне надо поговорить наедине с миссис Вин.

Люси быстро убежала.

— Вы, конечно, знаете о несчастье, происшедшем в нашей семье, миссис Вин, — начал лорд Вэн. — Удивляюсь, как это Карлайль не убил этого презренного негодяя Левисона. Он должен был всадить пулю в сердце этого неблагодарного человека, если только оно у него есть, или просто раздавить его, как ничтожного червя. И он еще осмелился стать Карлайлю поперек дороги!.. Несколько лет назад я жалел, что был слишком

юн и не имел права раскроить ему череп. Видели вы когда-нибудь леди Изабеллу?

— Да... нет... да... — пробормотала едва внятно несчастная женщина.

— Это была мать Люси, — продолжал благородный юноша с воодушевлением. — Я любил эту женщину и теперь люблю ее дочь, потому что она на нее похожа. Где же вы познакомились с леди Изабеллой? Вы встречались с ней здесь, в замке?

— Нет, я знаю ее... только по слухам.

— Ах! Так вы никогда не видели ее? Очень жаль. Но скажите, пожалуйста, — воскликнул лорд Вэн, продолжая горячиться, — неужели Карлайль не убьет этого презренного Левисона?

— Право, не знаю, — пробормотала леди Изабелла, — я не вмешиваюсь в это дело.

С этими словами она отвернулась, чтобы скрыть свое замешательство, и ускорила шаг.

В тот же день после обеда миссис Карлайль попросила гувернантку поехать вместе с ней и Люси в Вест-Линн, где она намеревалась сделать некоторые покупки. Несмотря на то что леди Изабелла страшно боялась встретить сэра Фрэнсиса Левисона, она все-таки согласилась исполнить желание Барбары. Итак, они втроем отправились в город. Когда они доехали до владений судьи Гэра, им встретилась мисс Карлайль.

— Вашей матери опять нездоровится, Барбара, — сказала она.

— В самом деле? В таком случае я навещу ее.

— А все из-за этих глупых снов... Измучил ее негодный Ричард...

— Я постараюсь успокоить ее, — ответила Барбара. — Миссис Вин может заехать к вам, если вы позволите, и подождет меня у вас.

Барбара исчезла и увела за собой маленькую Люси. Корнелия и леди Изабелла вдвоем направились по дороге в город. Вдруг на повороте в одну из аллей порывистый ветер сорвал с леди Изабеллы вуаль. Она хотела поднять ее и, желая прикрыть лицо руками, поспешно поднесла их к лицу, но тут — о ужас! — зеленые очки, те самые очки, с которыми она никогда не расставалась, упали на землю и разбились вдребезги.

Несчастливая поникла головой, дрожа всем телом. Что ей оставалось делать? Она не могла закрыться даже вуалью, потому что ветер унес ее на другую сторону дороги.

— Боже милосердый! Какое поразительное сходство! — воскликнула Корнелия, пристально всматриваясь в лицо гувернантки.

Леди Изабелла притворилась, что ничего не поняла или, скорее, что ничего не слышала. Но тут она увидела вдали человека, одно имя которого

заставляло ее содрогаться от ужаса... это был сэр Фрэнсис Левисон!
Неужели он узнает ее?..

Глава VIII

Как искупали одного джентльмена

Мисс Карлайль и леди Изабелла Вэн остановились на повороте дороги. Ветер бушевал по-прежнему. Смущенная Изабелла подбирала осколки разбитых очков; Корнелия, смущенная не меньше, с удивлением вглядывалась в это лицо, казавшееся ей до такой степени знакомым. Посмотрев в сторону, она вдруг увидела перед собой сэра Фрэнсиса Левисона.

Он шел вместе с мистером Дрейком и другим товарищем, не считая сопровождавшей его свиты. Мисс Карлайль в первый раз в жизни встретила с ним лицом к лицу. Она устремила на него презрительный и высокомерный взгляд, с поразительной ясностью выразивший ее неприязнь.

Поравнявшись с Корнелией, сэр Фрэнсис поклонился ей. Сделал ли он это из вежливости, или это была ирония с его стороны — трудно сказать. Но мисс Карлайль приняла его поклон за насмешку. Губы ее побледнели от гнева.

— Не ко мне ли относится это оскорбление, Фрэнсис Левисон?

— Это как вам будет угодно, — ответил он дерзко.

— И вы смеете со мной раскланиваться? Разве вы позабыли, кто я?

— Кто видел вас хоть раз, тому трудно позабыть... — Эти слова были произнесены с сарказмом.

Леди Изабелла поспешно закрыла лицо руками — она страшно боялась, что Левисон увидит ее. Между темнесколько прохожих, среди которых были рабочие с фермы мистера Риннера, остановились поблизости.

— Презренный земляной червь! — воскликнула Корнелия. — Не думай, что это оскорбление останется безнаказанным!

Говоря это, она не думала о немедленном исполнении своей угрозы, но окружившая их толпа поняла все иначе. Неизвестно, подстрекнули ли рабочих слова мисс Карлайль, которая, несмотря на свой вздорный характер, сумела заслужить всеобщее уважение, или их надоумил мистер Риннер, но все хором воскликнули:

— В воду его! В воду! Болото рядом. Воздадим ему по заслугам! Зачем этот негодяй появился в нашем городе? Ну же, к делу, друзья! Живее!..

Левисон побледнел, колени его затряслись; каждый негодяй — трус в

душе. Леди Изабелла, в свою очередь, затрепетала, услышав эти угрожающие слова. Двадцать пар мускулистых рук принялись за дело; последовали многочисленные толчки, насмешки, издевательства, аплодисменты... Шум поднялся ужасный!

Левисона потащили к соседнему болоту.

— Спасите! Спасите! — кричал он. — Спасите, ради бога!

Но увь! Вновь раздались оглушительные крики, и сэр Фрэнсис Левисон искупался в зеленой тине. Толпа ликовала, издеваясь над дерзким джентльменом, позволившим себе оскорбить достопочтенную мисс Карлайль.

Затем Левисона вытащили из болота. Даже утонувшая крыса не имела бы такого жалкого вида, какой был у Фрэнсиса Левисона, — он весь дрожал, испуганно озирался по сторонам и оправлял на себе платье, походившее скорее на старое отрепье, чем на одежду порядочного человека.

Окончив свое дело, рабочие разошлись. Мисс Корни также удалилась. Но и сам Левисон, весь продрогший и беспомощно стоявший на берегу, был менее смущен, чем леди Изабелла, нетвердыми шагами следовавшая за Корнелией.

Корнелия не произносила ни слова. Она по-прежнему шествовала впереди, высоко подняв голову. Впрочем, изредка она посматривала на миссис Вин. «Странное дело! — размышляла она. — Какое необыкновенное сходство, особенно в глазах!» Когда они проходили мимо магазина, миссис Вин остановилась и взялась за ручку двери.

— Я хочу отдать очки в починку, — пояснила она тихо.

Мисс Карлайль вошла вместе с ней. Леди Изабелла попросила новые очки, но в лавке не оказалось очков зеленого цвета. Ей предложили старые синие очки в черепаховой оправе, и она тотчас взяла их и надела. Между тем Корнелия изучала черты лица, казавшиеся ей до такой степени знакомыми.

— Зачем вы носите очки? — спросила она.

Краска вновь залила щеки бедняжки, и она произнесла с заметным колебанием:

— У меня слабое зрение.

— Но зачем вы носите очки такого противного цвета? Думаю, простые белые очки подошли бы вам больше.

— Я предпочитаю цветные очки и никогда не ношу других.

— Скажите мне ваше имя, миссис Вин.

— Жанна! — ответила воображаемая француженка с необыкновенной

уверенностью.

Разговор на этом оборвался. В тот же день вечером Корнелия обедала в Ист-Линне. Выйдя из-за стола, она немедленно отправилась в комнату Джойс.

— Джойс, — прошептала она, — не напоминает ли вам кого-нибудь гувернантка?

— О ком вы говорите, мисс Карлайль? О миссис Вин? — произнесла Джойс, удивленная этим вопросом.

— Разумеется, о миссис Вин.

— Она очень часто напоминает мне мою прежнюю госпожу и лицом, и манерами, — ответила Джойс, понизив голос. — Но я никому не говорила об этом, мисс Карлайль, потому что — вы это очень хорошо знаете — нам запрещено упоминать имя леди Изабеллы.

— Видели ли вы ее без очков?

— Нет, никогда, — ответила Джойс.

— Ну а я видела ее сегодня без очков и объявляю вам, что я нашла поразительное сходство. Можно подумать, что призрак леди Изабеллы разгуливает по земле!

— О, мисс Корнелия, не шутите такими вещами, это слишком серьезно!

— Разве я когда-нибудь шутила?.. Но пусть это останется между нами, Джойс.

Вернувшись в гостиную, мисс Карлайль села возле лорда Моунт-Сиверна.

Молодой Вэн, Люси и мистер Карлайль играли вместе, и в комнате раздавались смех и шумные восклицания. Воспользовавшись удобным моментом, Корнелия обратилась к графу с вопросом:

— Точноли леди Изабелла умерла?

Граф широко раскрыл глаза от изумления.

— Какой странный вопрос вы мне задаете, мисс Карлайль! Умерла ли она? Разумеется.

— И нет ни малейшего сомнения?

— Как можно в этом сомневаться? Она умерла в ту самую ночь, когда случилась катастрофа на железной дороге.

Наступило молчание. Корнелия задумалась, а затем снова обратилась к графу:

— И вы считаете, что не произошло никакой ошибки?

— Я так же твердо уверен в том, что она умерла, как и в том, что мы с вами живы, — ответил граф. — Но почему вы задаете мне этот вопрос?

— Сегодня мне в первый раз пришло в голову, что она могла и не умереть.

— Если бы она была жива, то наверняка продолжила бы пользоваться процентами с той суммы, которую я положил на ее имя в банке. А денег этих никто не требовал. Затем она непременно написала бы мне — мы так условились. Поверьте, нет никакого сомнения в том, что бедняжка умерла...

Мисс Карлайль не нашлась что ответить; решительный тон графа, по-видимому, убедил ее.

Глава IX

Медведь в вест-Линне

Карлайль говорил речь с балкона гостиницы «Оленья голова» — старого здания, построенного в те времена, когда еще не было железных дорог. Балкон был обширный, выкрашенный в зеленую краску, и на нем свободно помещались друзья Карлайля. Оратор говорил красноречиво и искренне. Карлайль пользовался в Вест-Линне большим уважением. Кроме того, все горожане были настроены против сэра Фрэнсиса Левисона.

Последний произносил свою речь в гостинице «Ворон», но оратор он был самый посредственный. Окружавшая его толпа шумела, бранилась и беспорядочно теснилась на дороге. Впрочем, сэр Фрэнсис Левисон не мог пожаловаться, так как в слушателях не было недостатка: большая часть обитателей Вест-Линна сочла своим долгом явиться перед гостиницей «Ворон» — одни для того, чтобы аплодировать, другие для того, чтобы свистеть и шикать.

Вдруг все заметили невдалеке медленно двигавшуюся коляску, запряженную парой лошадей. В коляске сидела дама — это была миссис Карлайль. Вскоре шумевшая толпа замолкла, и речь Левисона также затихла; он не желал даром тратить свое красноречие. Он не поклонился Барбаре, вероятно, вспомнив последствия вежливости, оказанной им Корнелии.

Сквозь прозрачную бахрому зонтика Барбара смогла разглядеть его. В ту минуту, когда она подняла глаза на оратора, он стоял, высоко подняв правую руку, слегка откинув голову и поправляя волосы, падавшие ему на лоб. Его рука без перчатки была бела и нежна, как у женщины, и Барбара заметила блестящий на его пальце бриллиантовый перстень. Щеки молодой женщины побагровели. На этот жест указывал ей Ричард!

Около нее раздались веселые крики:

— Ура, Карлайль! Карлайль, ура!

Барбара наклонила голову в ответ на приветствия, и экипаж выехал на простор.

В волнующейся толпе неожиданно встретились мистер Дилл и мистер Эбенезер Джеймс. Мистер Джеймс начал с того, что служил писарем у Карлайля, и наконец снова вернулся к этому занятию, но уже в конторе других адвокатов, Билла и Тредмена. Мистер Джеймс был добродушным малым, весельчаком, прямым, откровенным, но несколько склонным к

лени.

— Ну, дружище, как дела? — спросил его Дилл.

— Дела мои идут недурно — только не в ту сторону, в какую следует... Но послушаем оратора!

Оратором этим был не кто иной, как Левисон. Дилл слушал его с серьезным, а Джеймс с насмешливым видом. Но вскоре толпа отодвинула их далеко назад, где они уже не видели, хотя все еще слышали оратора. Тут они увидели в конце улицы человека, идущего в их сторону и походившего на медведя на задних лапах.

— Боже милосердный! — воскликнул Эбenezер. — Да ведь это Бетель!

— Бетель! — повторил Дилл, устремив взгляд на человека в медвежьей шкуре.

Действительно, это был Отуэй Бетель, вернувшийся из путешествия и надевший на себя меховое одеяние с медвежьими хвостами. Шапка из таких же хвостов украшала его голову. Мистер Дилл посторонился, словно боясь, что он его укусит.

— Я вижу, Эбenezер, что вы еще живы и по-прежнему коптите небо, — сказал он.

— Да, и рассчитываю еще некоторое время покоптить его!

— Когда вы вернулись, Отуэй? — обратился к нему Дилл.

— Только что, с четырехчасовым поездом. Но скажите, пожалуйста, что здесь происходит?

— У нас здесь выборы, старина, — ответил Эбenezер.

— О том, что у вас выборы, я узнал еще на станции. Скажите, что здесь происходит? — И он указал на толпу.

— Ах, боже мой! Да это же Левисон!

— Вот как! Какой смельчак! — воскликнул Бетель. — Неужели он одержит верх над Карлайлем?

— Что вы! Разве это возможно? У него нет никаких шансов на победу.

— Но послушаем Левисона. Я никогда не видел его.

Разговор был прерван проездом нагруженного обоза. Засуетившаяся толпа подвинула их ближе к дому, и они оказались как раз напротив Левисона. Бетель смотрел на него изумленными глазами:

— Вот тебе на! Кто позвал сюда этого человека? Зачем он здесь?

— О ком вы говорите?

— Я говорю о том господине, который держит в руке белый носовой платок.

— Это сэръ Фрэнсис Левисон.

— Не может быть! — воскликнул Бетель. — Этот человек никогда не

был сэром Фрэнсисом Левисоном.

Тут взгляды Отуэя Бетеля и Левисона встретились. Бетель поклонился Левисону, приподняв свою медвежью шапку, Левисон вздрогнул, поднял лорнет и осмотрел Бетеля. Его лицо побледнело.

— Разве вы знаете Левисона, мистер Бетель? — спросил Дилл.

— Да, я был с ним когда-то знаком... очень короткое время.

— Я помню, — усмехнулся Эбenezер, — когда он был еще не Левисоном, а совсем другой особой. Правду я говорю, Бетель?

Бетель бросил на Эбenezера презрительный взгляд и немедленно исчез.

— Разъясните мне, пожалуйста, мистер Эбenezер, что означает эта маленькая сцена? — спросил Дилл.

— О, сущие пустяки! Дело в том, что этот напыщенный оратор никогда не был такой важной персоной, какую строит из себя теперь.

— Ах, вот как!

— Я не хотел ничего рассказывать, потому что, видите ли, это дело меня не касается, но вам я могу довериться. Можете ли вы себе представить, что именитый баронет, который желает выступить представителем Вест-Линна в парламенте, некогда ухаживал за Эфи Галлиджон? В то время он еще не носил громкого титула сэра Фрэнсиса Левисона!

Слова эти пробудили в уме Дилла тысячу смутных воспоминаний относительно Ричарда Гэра и некоего Торна. И вдруг, схватив Эбenezера за руку, он спросил:

— А как его звали в то время?

— Торном!

— Но вам, конечно, было известно, что на самом деле его звали Левисоном?

— Ничего подобного! Когда я узнал, что он приехал сюда с целью оспаривать у Карлайля звание члена парламента, то был поражен подобной дерзостью не меньше самого Бетеля. «Вот чудо! — подумал я. — Значит, Торн погребен, а его место занял двойник Торна Левисон».

— Но почему же он сменил имя?

— Не знаю... Каково его настоящее имя — Левисон или Торн, — для меня до сих пор остается тайной.

Горя желанием сообщить Карлайлю это странное известие, Дилл поспешил выбраться из толпы. Добежав до конторы, он вошел в кабинет своего патрона. Последний сидел за письменным столом и подписывал разные бумаги.

— Что случилось, Дилл?

— О! Я пришел к вам с самыми невероятными известиями!.. Я все разузнал о Торне! Как вы думаете, кто он такой?

Отложив перо в сторону, Карлайль посмотрел на своего помощника.

— Торн не кто иной, как Левисон! — воскликнул Дилл.

— Я не понимаю, — произнес Карлайль.

— Ваш противник Левисон — тот самый Торн, который ухаживал за Эфи Галлиджон. Это непреложная истина, мистер Карлайль.

Дилл рассказал все в подробностях: как Бетель узнал Левисона и что сообщил ему Эбenezер.

— Бетель не раз клялся мне, что не знает Торна, — прошептал Карлайль.

— Вероятно, он имел свои причины клясться в этом, — воскликнул Дилл. — Сегодня они узнали друг друга.

— Бетель узнал его как Торна, а не как Левисона?

— Да, в этом нет никакого сомнения. Он ни разу не упомянул имени Торна, но его удивило то, что этого человека называют Левисоном.

В то время, когда происходил этот разговор, Барбара вернулась домой. Она побежала к себе и принялась писать.

— Я желаю, чтобы он приехал сюда хотя бы на час! Посмотрим, что из этого выйдет... Я уверена, это тот самый человек, которого мы ищем. Ричард описывал именно этот жест, и потом это бриллиантовое кольцо!..

Она набросала несколько строк:

«Дорогой мистер Смит! Ваше присутствие здесь необходимо; произошло одно событие, которое можете разъяснить только вы; приезжайте сюда в субботу, я встречу вас в крытой аллее в сумерках.

Преданная вам, Б.».

Письмо было адресовано на имя мистера Смита, в Ливерпуль. Адрес ей оставил Ричард. «Сию же минуту, — думала Барбара, складывая письмо, — нужно послать ему банковский билет в пять фунтов стерлингов для того, чтобы он мог заплатить за проезд. Но у меня, кажется, нет этой суммы...»

Она выбежала из комнаты и в коридоре встретила Джойс.

— Не найдется ли у вас пятифунтового билета, Джойс?

— Нет, сударыня.

— Быть может, такая сумма есть у миссис Вин; на прошлой неделе я заплатила ей жалованье и, кажется, дала два пятифунтовых билета.

Барбара побежала в маленькую гостиную.

— Миссис Вин, не могли бы вы одолжить мне пятифунтовый билет?

Миссис Вин отправилась за ним в свою комнату. Между тем Барбара спросила Уильяма, виделся ли он с доктором Мартеном.

— Он прослушал мне грудь, — ответил ребенок, — и сказал, что приедет в среду после обеда.

— Где же ты с ним увидишься?

— В конторе у отца или у тетушки Корни. Миссис Вин сказала, что лучше в конторе, потому что отцу будет приятно самому поговорить с доктором. Мама, скажите мне, пожалуйста...

— Что такое, дитя мое? — спросила Барбара.

— Миссис Вин не перестает плакать с тех пор, как она виделась с доктором. О чем она плачет?

— В самом деле? Я не знаю. Разве она плачет?

— О да! Но она оттирает слезы под очками и думает, что я этого не замечаю. Я очень хорошо знаю, что я опасно болен, но почему же она об этом плачет?

— Ты скоро поправишься, Уильям. Кто тебе сказал, что ты опасно болен?

— Никто, но я знаю, что у меня очень слабое здоровье.

— Ты вечно что-нибудь придумаешь. Вероятно, миссис Вин плачет вовсе не о том, что ты болен.

В эту минуту гувернантка вошла с билетом в руках. Барбара поблагодарила ее и поспешила отвезти письмо на почту. Вернувшись домой, она пошла к себе. Вскоре пришел и Карлайль.

— Боюсь, я совершила страшную глупость, Арчибальд, — сказала она.

— Мы все иногда делаем глупости, Барбара. В чем дело?

— Я хочу поверить тебе то, что тяготит меня уже много лет...

— Уже много лет?

— Ты, конечно, помнишь ту ночь, много лет тому назад, когда Ричард встретил в лесу на тропинке того...

— О какой ночи ты говоришь, Барбара? Он приходил сюда не раз.

— Я говорю о той ночи... о той ночи, когда леди Изабелла покинула Ист-Линн, — ответила она, не находя другого средства пробудить воспоминание мужа. Затем, с нежностью вложив свою руку в руку Карлайля, она прибавила: — Помнишь ли ты, как Ричард вернулся еще раз, после того как простился с нами, и сказал, что встретил в переулке настоящего Торна? Он упомянул о том, что этот человек имеет обыкновение откидывать со лба волосы, говорил о необыкновенной белизне его руки и о бриллиантовом перстне, блестящем при лунном свете. Помнишь ли ты это?

— Очень хорошо помню.

— С той самой ночи я несколько не сомневалась в справедливости его слов. Я была убеждена, что Торн и капитан Левисон — одно и то же лицо.

— Почему же ты не сказала мне об этом, Барбара?

— Как же я могла сказать тебе об этом, в особенности тогда? Позднее, когда Ричард был здесь, в тот снежный, морозный вечер, он уверял меня, что знает сэра Фрэнсиса Левисона, что он видел его вместе с Торном, — эти слова сбили меня с толку. Но сегодня, проезжая в коляске мимо гостиницы «Ворон», я видела, как он произносил речь, и узнала тот самый жест... Я убеждена, что Торн и Левисон — одно и то же лицо, и если Ричард уверял, что знает и того и другого, то он жестоко ошибался. Прости меня, Арчибальд, мне не хотелось напоминать тебе об этих вещах, но я убеждена, что Левисон выдавал себя за Торна.

— Я также убежден в этом, Барбара.

Молодая женщина, смутившись, отступила назад и взглянула на мужа:

— Как! Неужели ты знал это и тогда, Арчибальд?

— Я узнал только сейчас. Дилл, Эбenezер и Бетель, с которыми я только что виделся, стояли перед гостиницей «Ворон», слушая речь моего противника. Бетель узнал его, но был чрезвычайно удивлен, когда ему сказали, что это Левисон. Говорят, что, увидев его, Левисон сконфузился, а Бетель, не отвечая на расспросы товарищей, удалился. Эбenezер объяснил Диллу, что выдающий себя за Левисона — не кто иной, как прежний Торн, тот самый, что ухаживал за Эфи Галлиджон.

— Арчибальд, — продолжала молодая женщина, — я послала за Ричардом.

— В самом деле?

— Я попросила его приехать сюда в субботу вечером. Письмо уже отправлено. Милый, возлюбленный мой Арчибальд, что можно сделать, чтобы оправдать моего брата?

— Виновный — Левисон, следовательно, я не могу действовать.

— Как! Даже ради Ричарда? Арчибальд!..

Карлайль взглянул на жену своими честными глазами:

— Дорогая моя, как же я могу действовать?

По щеке Барбары скатилась слеза, выдававшая ее гнев и горечь.

— Подумай хорошенько, Барбара! Я готов действовать против всякого другого, только не против Левисона; если я выступлю против него в качестве обвинителя, то могут подумать, что я хочу отомстить ему!

— Прости меня, ты совершенно прав. Но что же мне делать?

— Это довольно запутанная задача... Дождемся приезда Ричарда.

Глава X

Предсмертная агония ребенка

Это было в один апрельский вечер. Уже стемнело, надвигалась ночь. Уильям Карлайль и леди Изабелла сидели в полуосвещенной детской. Догоравшие в камине угли уже не вспыхивали ярким пламенем, но миссис Вин не заботилась об этом. Уильям тихо лежал на диване; она сидела возле него, сняв очки, потому как знала, что дети не могут узнать ее. Уильям лежал с полужакрытыми глазами, и она думала, что он заснул. Вдруг мальчик тихо спросил:

— Когда же я умру, миссис Вин?

Эти неожиданные слова горько отозвались в сердце бедной женщины.

— Что это ты говоришь, дружок? Кто сказал тебе, что ты умрешь?

— О, я это очень хорошо знаю. Вокруг меня все хлопочут. Вы слышали то, что сказала недавно Энн?

— Что такое?

— Помните, когда она принесла чай? В то время я лежал на ковре, но не спал. Вы еще сказали ей: «Энн, пожалуйста, будьте осторожнее: может быть, ребенок не спит».

— Я что-то этого не помню, — тихо заметила Изабелла.

— Она сказала, что я на краю могилы.

— Не обращай внимания на то, что она сказала, мой милый. Скоро наступит хорошая погода, и ты непременно выздоровеешь.

— Миссис Вин!

— Что, дружок?

— Зачем меня обманывают? Я уже не такой маленький мальчик, как Арчибалд. Скажите мне, что со мной?

— Ничего. Ты немного слаб. Как только к тебе вернуться силы, все пойдет очень хорошо.

Уильям с недоверчивым видом покачал головой. Это был вдумчивый и не по годам развитый мальчик. Он и без неосторожных слов Энн мог бы догадаться, что он опасно болен; он понимал, что его почему-то жалеют и берегут больше других. Ребенок ясно понял, что смерть приближается быстрыми шагами, и не ошибся в этом.

— Но если я не очень болен, то почему же доктор Мартен не захотел сегодня разговаривать с вами при мне? Почему он отослал меня в другую комнату и тогда только рассказал вам о моей болезни?.. Умереть легко,

когда нас любит Бог. Это мне сказал лорд Вэн, у него умер маленький брат.

— Это был болезненный ребенок, который не мог выжить; он с самого детства был очень хилым.

— Ах! Так вы его знали?

— Да, я слышала о нем, — ответила Изабелла, стараясь скрыть собственный промах.

— А вы, миссис Вин, почему вы так опечалились после того, как поговорили с доктором Мартеном? И с чего вам жалеть меня? Ведь я не ваш ребенок.

Эти слова, вся эта сцена наполнили сердце матери несказанной горечью. Она опустилась на колени возле дивана и дала волю слезам.

— Ну, вот видите! — воскликнул Уильям.

— О, Уильям, у меня также был когда-то маленький сын, и когда я смотрю на тебя, то думаю о нем... Вот почему я плачу!

— Я знаю, вы уже говорили об этом... Его звали, кажется, Вильямом, не правда ли?

Она наклонилась над ним:

— Знаешь, милый Уильям, кого Бог очень любит, того Он скорее других призывает к себе. Когда ты умрешь, то полетишь на небо. Я знаю многих, кто счел бы себя счастливым, оказавшись на твоём месте.

— Вероятно, вы сами сочли бы себя счастливой.

— Да, — прошептала она сдавленным голосом. — На мою долю также выпало много горя. Иногда мне кажется, что я не в силах больше переносить его.

— Разве ваше горе еще не прошло?

— Оно не оставит меня до моего последнего вздоха. Ах, если бы я умерла ребенком, я избавилась бы от стольких мучений! Мир полон мучений, дорогой Уильям, полон разных невзгод: горя, болезней, забот, огорчений, грехов, упреков совести, скуки и отвращения... Вот скажи, Уильям, когда ты очень утомишься, то — не правда ли — ты хочешь лечь в свою постельку и уснуть сладким сном?

— Да, это правда, и я часто чувствую себя очень, очень уставшим.

— Вот точно так же устаем и мы от житейских волнений и жаждем лечь в могилу, потому что в ней мы отдыхаем от всех страданий; об этом благе молим мы Бога непрестанно — и днем и ночью.

— Но ведь нас не запирают в могилах, миссис Вин.

— Нет, нет, дитя, мое; в могилу кладут только наше тело, а душа улетает туда, где нет печали! О, как мне хотелось бы улететь вместе с тобой, дитя мое!

— Вы говорите, что мир полон скорби, миссис Вин, а я нахожу его таким светлым, радостным, в особенности когда светит солнце, и так тепло, и бабочки резвятся в воздухе. О! Если бы вы увидели Ист-Линн в ясное летнее утро, если бы вы могли бегать по зеленому лугу, любоваться листочками деревьев, синим небом, цветущими розами, то вы не сказали бы, что мир печален!

— Да, но страдание и горе в нем неизбежны. Есть люди, которые боятся смерти: без сомнения, они боятся, что не попадут на небо. Но когда Господь призывает к себе маленьких детей, то это значит, что он их любит. Небо, дитя мое, — это рай, где цветут розы без шипов и где не встречаются ни репейник, ни крапива...

— Я видел эти небесные цветы, — прервал ее Уильям, в восхищении приподнявшийся на диване. — Они в сто раз красивее садовых!

— Так ты видел небесные цветы?

— Я видел их на картине. Мы ездили в Линнборо смотреть на картину «Страшный суд» Мартена... Я говорю не о докторе Мартене.

— Я понимаю.

— Там были три большие картины, и одна из них называлась «Небесная долина». Она понравилась мне больше всех, и другим также. Ах, если бы вы ее видели! Там были изображены река и лодки — такие прекрасные гондолы, в которых плыли к райским берегам. Это были легкие воздушные создания, тысячами возносившиеся в небо, а из далеких облаков как бы нисходил сам Господь. На берегу реки росли цветы: и розовые, и голубые, и фиолетовые. Они очень походили на обыкновенные, только были гораздо ярче и красивее наших цветов.

— Кто возил вас смотреть эти картины?

— Отец. Он возил меня и Люси. С нами ездила миссис Гэр, а также Барбара. Тогда она еще не была нашей мамой. И вы не можете себе представить, миссис Вин, — произнес Уильям, понизив голос, — какую глупость сделала тогда Люси.

— Какую же?

— Она спросила у отца: нет ли нашей мамы среди этих небесных созданий в белых одеяниях?

Изабелла закрыла лицо обеими руками.

— И что он ответил?

— Не знаю, он разговаривал с Барбарой. Это было очень дурно со стороны Люси, потому что Уилсон тысячу раз повторяла ей, чтобы она не упоминала при отце о леди Изабелле.

— Почему же при нем нельзя упоминать о леди Изабелле?

— Я вам скажу почему, — проговорил Уильям шепотом, — она убежала от отца. Глупенькая Люси почему-то уверена, что ее увезли насильно, но она ничего не знает...

— Она когда-нибудь улетит на небо, Уильям, и возьмет тебя с собой.

Ребенок опустил усталую головку на подушку и замолк, ничего не ответив на ее слова. Леди Изабелла тоже молчала, склонив голову, но рыдания ребенка вывели ее из задумчивости.

— О! Я не хочу, не хочу умирать! Не хочу покидать отца и Люси!

Она обняла его обеими руками; их слезы смешались; она говорила ему те ласковые и нежные слова, которые так благотворно действуют на душу; наконец мальчик успокоился.

— Слушайте! Что это? — вдруг спросил он.

За дверью раздавался смех. Из столовой вышли Карлайль и лорд Моунт-Сиверн с сыном; они направились прямо в гостиную, и, как только дверь за ними затворилась, Барбара поспешила войти в комнату, где лежал Уильям.

Гувернантка тотчас встала, надела очки и спокойно села на стул.

— Как! Вы сидите здесь без огня! И камин потух!.. — воскликнула Барбара, подходя к камину и размешивая потухающие угли. — Я подложу немного дров... А кто это лежит на диване? Уильям, пора в постель.

— Нет еще, мама; право, я не хочу спать.

— Но тебе необходимо восстановить силы, — ответила она и позвонила. — Ты слишком много бодрствуешь, мой друг!

Итак, Уильяма отослали, а миссис Вин вынуждена была передать Барбаре то, что сказал ей доктор.

— Доктор нашел, что легкие ребенка сильно повреждены, но, как и все врачи, он не захотел высказать более определенного мнения.

Миссис Карлайль взглянула на нее. Свет от камина падал прямо на лицо леди Изабеллы. Она отодвинула стул в тень.

— Доктор Мартен увидится с ним на следующей неделе, — продолжала гувернантка. — Он приедет в Вест-Линн.

— Я сама отвезу Уильяма в Вест-Линн, — произнесла Барбара. — Доктор скажет мне всю правду. Я пришла отдать вам мой долг, — прибавила она, подавая леди Изабелле пятифунтовый билет.

Та машинально протянула за ним руку.

— Кстати, раз мы заговорили о деньгах, — продолжала Барбара, — позвольте мне заметить, что мистер Карлайль и я очень недовольны тем, что вы делаете детям такие дорогие подарки. Вы тратите на них почти все ваше жалованье!

— На что же еще мне тратить деньги? Я от души полюбила этих детей, — ответила она довольно резко, недовольная тем, что Барбара вмешивается в ее отношения с вверенными ей детьми.

— Тратьте их на себя или помещайте в банк. Пожалуйста, обратите внимание на мои слова, миссис Вин, иначе я буду вынуждена положить конец вашей щедрости. Вы очень добры, у вас любящее сердце, но если вы будете забывать о себе, то нашей обязанностью будет вам об этом напомнить.

— Хорошо. И все же время от времени я нахожу необходимым подарить им какую-нибудь безделицу на память о себе.

— И прекрасно. Вы можете изредка преподносить им что-нибудь не очень дорогое, но, пожалуйста, не дарите им таких ценных игрушек. Кстати... знали ли вы когда-нибудь сэра Фрэнсиса Левисона? — вдруг спросила Барбара.

Гувернантка внутренне содрогнулась, щеки ее покрылись яркой краской.

— Нет, миссис Карлайль.

— Мне почему-то показалось, когда я в первый раз вам о нем рассказывала, что вы его знаете или когда-нибудь знали.

— Нет, я совсем его не знаю.

Барбара с минуту помолчала.

— Верите ли вы в фатализм, миссис Вин?

— Да, верю.

— А я, наоборот, не верю! — продолжала Барбара, подходя к дивану, на котором лежал Уильям.

Она села напротив миссис Вин и слегка наклонилась к ней.

— Известно ли вам, что сэр Фрэнсис Левисон принес несчастье в этот дом?

— Несчастье? — пробормотала миссис Вин.

— Да, — произнесла Барбара, принимая колебание Изабеллы как доказательство того, что она ничего не знает о прошлом семьи, в которой живет, — да, этот человек заставил леди Изабеллу изменить своим обязанностям, своему долгу, хотя, быть может, она последовала за ним далеко не против своей воли. Не знаю...

— О! Нет! Нет! — воскликнула миссис Вин, забывшись. — Этого не могло быть!

— Как бы то ни было, она ушла. Знаете ли вы, как все произошло? Нет? Так я расскажу вам. Он гостил в Ист-Линне: приехал из-за границы, так как по английским законам не смел показаться на родине, не выплатив

долгов. Мистер Карлайль был так добр, что пригласил Левисона в Ист-Линн, где его не могли найти должники, на то время, пока он не уладит свои дела. Он был очень дружен с семейством леди Изабеллы. И вот в благодарность за гостеприимство мистера Карлайля бессовестный гость похитил неверную жену. Вы спросите, зачем Арчибальд пригласил его? Да разве он знал, что Левисон такой гнусный человек? А если бы и знал, то разве леди Изабелла не была его женой? Мог ли он опасаться предательства со стороны жены?.. О чем вы думаете, миссис Вин?

О чем думала несчастная! Она опустила голову на дрожащие руки. Барбара продолжала:

— Сейчас я сидела одна в гостиной и перебирала в своей памяти события прошлого; признаюсь, они навели меня на мысль о фатализме. Представьте себе: человек, который принес несчастье в этот дом, — тот самый, что запятнал позором и мою семью... Знаете ли вы... что у меня есть брат... живущий в изгнании и... позоре?

Леди Изабелла не осмелилась ответить утвердительно. Кто мог поведать ей, никому не известной гувернантке, о приключениях Ричарда Гэра?

— Да, он опозорил себя, таково мнение света, — вздохнула Барбара, — но позор, павший на голову Ричарда, — дело рук Левисона.

И она рассказала Изабелле историю своего брата с мельчайшими подробностями и всевозможными комментариями; она упоминала при этом и о своих частых свиданиях с Карлайлем по делу Ричарда и в конце концов открыла гувернантке, что Ричард невиновен, а убийца Галлиджона, так называемый Торн, по ее мнению, не кто иной, как сэр Фрэнсис Левисон.

Леди Изабелла слушала ее молча, но в ту минуту, когда Барбара обвинила Левисона в убийстве Галлиджона, она с ужасом воскликнула:

— Не может быть! Этот человек, Левисон, не может быть убийцей!

— О! Я в этом окончательно убедилась, — повторила Барбара. — Я узнала его, когда он произносил речь перед народом.

— Мне это кажется невозможным, — повторила Изабелла.

— Я вас понимаю, но заметьте: когда я высказала свои подозрения Карлайлю, он, в свою очередь, сообщил мне, что этот Фрэнсис Левисон был признан сегодня двумя джентльменами, которые уверяют, что он не кто иной, как Торн, убийца Галлиджона... Да, это любого может привести в ужас, и все-таки я утверждаю, что это он совершил преступление. Когда мой брат встретился с ним в известный вам вечер в переулке, этот негодяй пробирался в Вест-Линн для того, чтобы взять там карету, в которой он увез свою сообщницу; мой отец видел, как они ехали; он возвращался

домой позднее обыкновенного и заметил быстро мчавшийся экипаж, запряженный четверкой лошадей. О, если бы эта несчастная леди Изабелла могла знать, какому человеку она доверилась! Она хотела соединить свою судьбу с убийцей! Для нее было бы теперь отрадным даже то, что он отказался впоследствии на ней жениться. Она счастлива, что не дожила до такого позора!..

И действительно, леди Изабелла испытывала теперь жестокие муки. Полюбить убийцу!.. Несмотря на все попытки скрыть волнение, она не могла овладеть собой, и из уст ее вырвался сдавленный крик отчаяния.

Миссис Карлайль была удивлена этим. Наверно, миссис Вин знала сэра Фрэнсиса Левисона гораздо ближе, чем признавалась.

— Миссис Вин, разве судьба Левисона вас трогает?

Миссис Вин, собравшись с силами, ответила как можно равнодушнее:

— Извините, миссис Карлайль, ваш рассказ произвел на меня такое сильное впечатление... Этот Левисон не человек, а чудовище!

— Он не знаком вам? Он для вас ничего не значит?

— Совершенно ничего. Что же касается знакомства с ним, то я видела, как вчера его выкупали в болоте. Это ужасный человек! Я упала бы в обморок, если бы с ним встретилась.

— Вы, конечно, понимаете, миссис Вин, — прибавила Барбара, — что я по дружбе рассказала вам эту историю. Она должна остаться в тайне.

Изабелла ничего не ответила, она сидела неподвижно.

— Все это похоже на эпизод из какого-нибудь романа, — продолжала миссис Карлайль. — Ему повезет, если этот роман не окончится для него виселицей! Представьте себе, миссис Вин, сэр Фрэнсис Левисон — повешенный убийца!

— Барбара! Милая моя!

Это был голос Карлайля. Барбара побежала к своему обожаемому мужу, оставив в одиночестве ту, которая некогда была этим мужем обожаема. Несчастливая Изабелла бросилась на диван; она думала, что душа ее вырвется из груди; она звала к себе смерть. Она дрожала от ужаса, потому что видела на руках того, кого она предпочла Карлайлю, кровавое пятно!

Глава XI

ПОЯВЛЕНИЕ РИЧАРДА

Был вечер субботы. В окрестностях Ист-Линна поднялся порывистый ветер. Небо потемнело, в воздухе пахло свежестью, и целая гряда мрачных туч грозила оросить долину обильным дождем. По уединенной дороге шел путник; на нем было матросское платье и шляпа, надвинутая на глаза. Густые черные баки и голубой воротник наполовину скрывали его лицо. Он уверенным шагом направился по тому узенькому переулку, о котором не раз упоминалось в этой истории, затем, пройдя через небольшую калитку, ступил во владения Ист-Линна.

«Посмотрим! — сказал он себе, затворяя калитку. — Крытая аллея! Она, должно быть, находится возле акаций; в таком случае повернем направо».

В крытой аллее кто-то прогуливался, и это была сестра Ричарда, жена Карлайля.

— Ричард! Мой бедный брат!

Они крепко обнялись.

— Зачем ты позвала меня, Барбара?

— Кажется, что Торн... Ты не забыл его, Ричард, не правда ли? Ты узнаешь его?

— О, я слишком ненавижу его для того, чтобы забыть!

— Известно тебе, что в Вест-Линне идут споры за звание члена парламента?

— Да, я читал об этом в газетах. Карлайль и Левисон — два кандидата. Скажи, Барбара, как он осмелился соперничать с Карлайлем после того, как увез его жену?

— Не знаю. Я также удивляюсь, как он мог сюда приехать, но по совершенно иным причинам... Ричард, ты уверял меня, что знаешь Левисона и видел его вместе с Торном.

— Да, это правда. Мне его показали. Я увидел Торна в то время, как он прогуливался под руку с каким-то господином. «Не знаете ли вы этого человека?» — спросил я своего знакомого, указывая на Торна, потому что мне хотелось знать, было ли это его настоящее имя. «Право, не знаю, кто этот человек, о котором вы спрашиваете, — ответил он мне, — но я знаю его товарища. Это Левисон, баронет».

— Послушай, Ричард, ты и твой знакомый — вы поняли друг друга.

Торн не кто иной, как сэр Фрэнсис Левисон.

Ричард растерянно посмотрел на нее.

— Это ты видела во сне, Барбара?

— Нет, не во сне. Я была убеждена в этом с той самой ночи, как ты встретил его в соседнем переулке. Кроме того, Карлайль уверен в этом также. Скажу больше: Отуэй Бетель и Эбenezер признали Торна в баронете Фрэнсисе Левисоне.

— Ну да! Они должны были признать его... Барбара! — вдруг с ужасом воскликнул Ричард, увидев в темноте высокую фигуру.

Это был Карлайль.

— Я вижу, что вы еще не перестали трусить, Ричард? — произнес Арчибальд, пожимая ему руку. — Вы даже сменили костюм!

— Да, я побоялся прийти сюда в прежнем платье... Я узнал от сестры, что Левисон и этот негодяй Торн — одно и то же лицо...

— Это правда, Ричард. По крайней мере, так уверяют. Но все-таки вам необходимо самому взглянуть на этого Левисона. Нужно придумать какое-нибудь средство; например, вы можете бродить неподалеку от гостиницы «Ворон», лучше всего вечером, и наверняка с ним встретитесь, так как он беспрестанно туда ходит.

— Я боюсь возбудить любопытство — в Вест-Линне мало моряков.

— Вас даже не заметят; у нас здесь есть русский медведь.

— Русский медведь! — повторил Ричард.

— Отуэй Бетель вернулся к нам, одетый в медвежью шкуру, — вот почему он носит такое прозвище. Удастся ли нам доказать его участие в убийстве? — прошептал Карлайль.

Ричард покачал головой.

— Не знаю, я всегда сомневался в этом. Но если я признаю в Левисоне Торна... то как мы поступим? Кто начнет нападение?

— Конечно же, вы сами, Ричард.

— Я? Вы желаете, чтобы я действовал сам?

— Разумеется! Кому же вы хотите передать это дело?

— Вам, мистер Карлайль.

— Я не могу действовать против Левисона!

— Отбросьте свою щепетильность, мистер Карлайль. На вашем месте всякий муж не задумываясь воспользовался бы этим случаем, чтобы отомстить!

— Я без колебаний стал бы преследовать убийцу Галлиджона, но этот человек похитил у меня жену. О, сколько раз я побеждал в себе злобу, чтобы не всадить ему пулю в лоб!..

— И зря не всадили — он этого стоит!

— Нет, я предоставляю месть его собственной совести.

— В таком случае, — проговорил Ричард с мрачным видом, — мне придется отказаться от надежды быть оправданным. Что я могу сделать? Я только наврежу себе еще больше!

— Действовать ради самого себя — не значит вредить себе. Вам необходимо пробыть здесь еще несколько дней.

— Я не осмелюсь это сделать, — заметил испуганный Ричард.

— Послушайте, Ричард, постарайтесь прогнать эту бессмысленную робость, или вы никогда не освободитесь от тяжкого обвинения. Подумайте, что от этого зависит не только ваше счастье, но и счастье вашей матери, скажу больше: жизнь вашей матери! Вы говорили, что в нескольких милях отсюда можете найти безопасный приют; так воспользуйтесь им, Ричард. Я придумал для вас маленький план. Обратитесь к адвокатам Беллу и Тредмену и поручите им защищать вас.

— Почему бы вам не посоветовать мне отправиться прямо в полицию?

— Вы не понимаете меня, Ричард. Я не говорю, чтобы вы шли прямо в контору Белла и Тредмена, как это сделал бы всякий другой клиент. Вот что я вам посоветую: постарайтесь расположить к себе мистера Белла, он всегда был о вас хорошего мнения. Расскажите ему все откровенно, ему одному. Если вы убедите его в вашей невинности и фактами докажете виновность другого, он возьмется за ваше дело. Тредмен может пока ничего не знать об этом.

— Да, если Белл даст мне слово, я могу на него рассчитывать; но как устроить, чтобы он взялся за мое дело?

— Я избавлю вас от этого труда. А вы, дорогой Ричард, отправляйтесь в известное вам безопасное место и оставайтесь там до понедельника. В понедельник в сумерках приходите сюда. Тем временем я увижусь с Беллом. Но, разумеется, прежде чем обратиться к нему, мне необходимо узнать от вас: правда ли, что Торн и Левисон — одно и то же лицо.

— Я сейчас же побегу к гостинице «Ворон»! — воскликнул Ричард.

Через некоторое время он уже стоял перед гостиницей. Едва он дошел до нее, как увидел двух джентльменов, под руку спускавшихся по ступеням парадного крыльца. Рядом с гостиницей постоянно толпился народ. Надвинув шляпу на глаза, Ричард присоединился к зевакам.

Увидев выходящих господ, толпа оживилась, и слышались крики: «Да здравствует Левисон!» Один из джентльменов был Торн, другого Ричард видел в Лондоне вместе с Торном. На этого господина ему и указывали раньше, его-то он и принял за сэра Фрэнсиса Левисона.

— Который из двух Левисон? — спросил он у своего соседа.

— Неужели вы не знаете? Тот, который держит шляпу в руках и раскланивается с нами.

Это был тот самый Торн, которого Ричард никогда и нигде не забывал.

— А как зовут его товарища? — спросил Ричард.

— Дрейк. Он приехал из Лондона.

Получив эти сведения, Ричард немедленно вернулся в Ист-Линн, чтобы сообщить о них Карлайлю. В понедельник утром Карлайль отправился к Беллу.

Мистер Белл завтракал, когда доложили о приходе Карлайля.

— Ах, это вы, мистер Карлайль! Вот ранний гость!

— Пожалуйста, не беспокойтесь, не звоните, я завтракал. Я пришел к вам поговорить о деле; но прежде чем я начну говорить, дайте мне слово, что если вы откажетесь принять мое предложение, то сохраните нашу беседу в тайне.

— Разумеется, я даю вам слово.

— Я хочу поговорить с вами о деле Галлиджона. Об убийстве... вы помните?

— Но это старая история, мертвое дело, давно погребенное!

— Не совсем. Есть некоторые обстоятельства, которые подтверждают невиновность Ричарда Гэра и доказывают, что убийство совершено другим.

— Его соучастником? — перебил Белл.

— Нет, Ричард здесь ни при чем. Он может быть оправдан.

— В таком случае кто же совершил преступление?

— Ричард обвиняет некоего Торна. Много лет назад — десять по меньшей мере — явиделся с Ричардом, и он сообщил мне факты, которые вполне его оправдывают. С тех пор я совершенно убедился в его невиновности. Я давно взялся бы за это дело, если бы только мне удалось арестовать этого Торна, но я никак не мог отыскать его; даже само это имя — не настоящее! А теперь он здесь, в Вест-Линне. Я всегда желал вступить за Ричарда, как только выдастся удобный случай; теперь этот случай представился, но одно обстоятельство помешало мне действовать.

— Какого рода обстоятельство?

— Вот почему я и обратился к вам, — продолжал Карлайль, не отвечая на вопрос. — Я говорю с вами от лица Ричарда. Я недавно беседовал с ним. Я объяснил ему причины, мешающие мне действовать, и посоветовал ему обратиться к вам. Согласитесь ли вы повидаться с Ричардом и поговорить с ним? Обещаете ли вы сохранить это свидание в тайне, если даже не возьметесь за дело?

— Обещаю; я не имею ни малейшего желания вредить Ричарду; пусть он убедит меня в своей невинности, и я приложу все усилия, чтобы спасти его. Но скажите, пожалуйста, что же мешает вам самому взяться за его дело?

— Я не могу преследовать того человека, которого он обвиняет.

Слова эти только возбудили любопытство мистера Белла.

— Мистер Карлайль, я не могу догадаться, кто этот обвиняемый!

— Вы догадаетесь, когда поговорите с Ричардом.

— Неужели он обвиняет своего отца?

— Ваши догадки ни к чему не приведут, мистер Белл.

— Ну да! Вы правы... Не может быть, чтобы сын обвинял отца! А между тем кого еще вы стали бы щадить? Я просто теряюсь...

— Позвольте мне проститься с вами, — прибавил Карлайль, вставая. — Где вы можете повидаться с Ричардом?

— Пусть он сегодня же приходит ко мне, здесь он будет в полной безопасности.

— Хорошо, на этом моя роль окончена.

Глава XII

расследование мистера Белла

Свидание между мистером Беллом и Ричардом состоялось в понедельник. Ричарду не без труда удалось убедить адвоката; он в мельчайших подробностях рассказал ему о своей встрече с Левисоном в ту ночь, когда тот бежал из Ист-Линна с леди Изабеллой, затем о случайной встрече в Лондоне, о том, как Левисон испугался и стал его преследовать, а также о том, как он узнал сэра Фрэнсиса в субботу вечером, когда тот выходил из гостиницы «Ворон». Ричард не забыл упомянуть и об анонимном письме, которое было получено судьей Гэром в то самое утро, когда он, Ричард, спрятался у Карлайля. Кто еще, кроме Левисона, мог опасаться, что Ричард попадет в руки полиции?

— Я верю, мистер Ричард, — проговорил Белл, — всему, что вы говорите о Торне, но как же я могу поверить, что Торн и Левисон — одно и то же лицо? Это кажется мне совершенно невероятным.

— Не я один могу вам это подтвердить. Отуэй Бетель может сказать вам то же; боюсь только, что он не пожелает этого сделать. Могу указать вам еще на Эбenezера.

— А что известно ему? Он как раз служит в нашей конторе.

— Несколько лет назад он довольно часто видел Торна, которого и узнал в Левисоне. Спросите у него.

— Если вы сможете доказать мне, что Торн и Левисон — одна и та же личность, я без колебаний возьмусь за ваше дело. Левисон — отъявленный негодяй, достойный виселицы. Позвольте, я сейчас же позову Эбenezера.

Ричард подпрыгнул как ужаленный.

— Пожалуйста, не в моем присутствии! Я не хочу, чтобы он меня видел! Ради самого неба, мистер Белл, пощадите меня!

— Успокойтесь, мой друг! Неужели вы думаете, что у меня только одна приемная комната?

С этими словами мистер Белл провел Ричарда в отдельную комнату и затем, вернувшись в свой кабинет, приказал позвать Эбenezера, который тотчас явился.

— Вам угодно дать мне какое-нибудь поручение? — спросил он.

— Нет, я желаю задать вам пару вопросов. Слышали ли вы когда-нибудь, что сэр Фрэнсис Левисон жил под чужим именем?

— Да, он называл себя Торном.

— Когда это было?

— Той осенью, когда разнеслась весть об убийстве Галлиджона. Тогда Торн по вечерам разъезжал верхом в окрестностях.

— Что же заставляло его разъезжать?

Эбenezер рассмеялся:

— То же самое, что и других джентльменов. Он желал понравиться Эфи Галлиджон. Он являлся на великолепной чистокровной лошади, беседовал с мисс Эфи, а затем уезжал.

— Откуда же он приезжал?

— Из окрестностей Суассона, миль за десять отсюда, как говорила Эфи. Теперь, когда он раскинул здесь свое знамя, я могу с точностью определить его местожительство. Это Левисон-парк. Вероятнее всего, что он проживал там у своего дяди.

— Твердо ли вы уверены в том, что сэр Фрэнсис Левисон не кто иной, как Торн?

— Я несколько не сомневаюсь в этом.

— И можете подтвердить это под присягой? Вы можете поклясться?

— Могу и даже желаю подтвердить это перед судом хоть завтра.

— Очень хорошо! Можете идти. Но прошу, чтобы это осталось между нами.

— Будьте спокойны, мистер Белл!

Почти целую ночь мистер Белл и Ричард Гэр просидели вместе. Последний отвечал на бесчисленные вопросы адвоката.

На следующий день, во вторник, мистер Белл обдумал все показания Эбenezера. После завтрака он отправился в Левисон-парк и разузнал все, что могло помочь ему распутать дело. В тот же день Ричард Гэр отправился в Ливерпуль, оставив свой адрес сестре. В среду с утренним поездом прибыли граф Моунт-Сиверн и лорд Вэн. В Вест-Линне царил страшная суматоха. Результат выборов должны были огласить на этой неделе, и горожане были поглощены этой мыслью. Друзья Карлайля собрались в гостинице «Оленья голова».

— Я вернусь к вам через несколько минут, — сказал Карлайль, пожимая руку лорда Моунт-Сиверна, когда тот зашел к нему в контору. — Мне необходимо прочесть несколько писем.

Граф направился в гостиницу «Оленья голова», а лорд Вэн поспешил в гостиницу «Ворон», горя желанием посмотреть, что там происходит.

Карлайль вошел в кабинет, пересмотрел несколько писем и, позвав Дилла, дал ему некоторые поручения. Затем он закрыл бюро.

— Вы торопитесь, мистер Арчибальд? — спросил Дилл.

— Да, меня ждут в гостинице «Оленья голова».

— Вчера вечером до моего сведения дошло нечто весьма любопытное. Я слышал спор между Левисоном и Бетелем.

— В самом деле? — произнес Карлайль, искавший что-то в глубине ящика.

— Того, что я слышал, совершенно достаточно, чтобы повесить Левисона или по крайней мере Бетеля. Послушайте, кажется, что Левисон...

— Остановитесь, мне лучше не знать этого. Я не желаю вмешиваться в это дело.

Старый Дилл был ошеломлен.

— А между тем, мистер Арчибальд, бедный Ричард страдает!

— Да, я знаю.

— А разве справедливо, что невинный несет наказание за виновного? Если бы кто-нибудь взялся оправдать Ричарда, то можно было бы доказать, что он невиновен.

— Да, и есть человек, который взялся за это, Дилл! Это мистер Белл. Он уже виделся с Ричардом. А меня это не касается.

Глаза Дилла засветились.

— Очень хорошо! Я вас понимаю. А я немедленно отправлюсь к Бэллу и доведу до его сведения то, что сейчас слышал.

Дилл побежал в контору адвокатов. Там он заперся вдвоем с мистером Беллом.

Только в третьем часу дня судьи заняли свои места. Их было только двое — Герберт и Риннер. Они говорили о делах, связанных с выборами. Тут в зал суда вбежал запыхавшийся мистер Белл и объявил, что должен сообщить об очень важном деле, потребовав аудиенции за закрытыми дверями.

Судьи посоветовались между собой, а затем согласились исполнить просьбу своего собрата. Они удалились в отдельную комнату и вышли из нее только спустя четыре с половиной часа, причем на их лицах было написано неподдельное изумление.

Глава XIII

Визит доктора

— Сегодня после обеда я увижусь с доктором Мартеном в конторе отца, — воскликнул за столом маленький Уильям. — Мы с вами поедем, миссис Вин, не так ли?

— Не знаю, Уильям. Миссис Карлайль сама повезет вас.

— Нет, не она, а вы со мной поедете.

Краска разлилась по лицу гувернантки при одной мысли о том, что она поедет в контору Карлайля; ей не верилось, что это могло случиться.

— Миссис Карлайль сама сказала мне, что поедет с вами, — заметила она ребенку.

— А мне мама говорила, что вы поедете.

Вошла миссис Карлайль и разрешила сомнение.

— Миссис Вин, пожалуйста, будьте готовы к трем часам — вы повезете Уильяма к отцу.

Сердце сильнее прежнего забилося в груди Изабеллы.

— Мне показалось, вы сказали... — пробормотала бедная женщина.

— Да, я хотела ехать, но так как яжидаю гостей, то не выйду сегодня.

Для Уильяма заложили пони. Ребенка сопровождал грум, которому приказано было вернуться с экипажем, а Уильям должен был прийти назад пешком вместе с миссис Вин.

Карлайля не было, когда они явились в контору. Ребенок побежал в кабинет отца, миссис Вин последовала за ним.

— Я приехал повидаться с доктором Мартеном. Где же папа, мистер Дилл?

— Не знаю. Но зачем вам видеться с доктором? У вас такие розовые щечки! Вероятно, вы чувствуете себя не так уж плохо.

— Да, я очень хотел бы этого, мистер Дилл. Мне так надоело глотать противные лекарства!..

— Как здоровье вашей мамы?

— Она здорова, мистер Дилл!.. А какой шум поднялся в полицейской конторе! Мы ехали мимо, и мой бедный пони страшно испугался, так что я вынужден был его сдерживать... Я видел, как топтали желтую розу...

— После выборов все успокоится. Как бы мне хотелось, чтобы выборы поскорее окончились и этот кандидат убрался отсюда.

— Вы хотите сказать — Левисон?

— Он самый, — подтвердил старик. — Это не человек, а чудовище. Щеки Изабеллы покрылись яркой краской.

— Разумеется, ему не удастся взять верх над отцом, — изрек маленький Уильям пророческим тоном.

— Он никогда не возьмет верх над таким честным человеком! Нет, Господь не допустит этого! — воскликнул Дилл.

В дверях показался клерк, за ним вошел какой-то клиент — клерк думал, что Карлайль у себя. Дилл проводил клиента в кабинет и мимоходом осмотрел странную фигуру гувернантки. На ней, по обыкновению, было черное шелковое платье. Иногда она одевалась довольно нарядно, иногда просто, но неизменно в черное. На этот раз она надела кофту, скрывавшую ее тонкую талию. На голове у нее была соломенная шляпа, а дополняли туалет некрасивые очки, за которыми никто не мог увидеть ее глаз.

Вдруг в приемную вошел Карлайль. Дилл шел за ним.

— А! Вы здесь, миссис Вин! — воскликнул хозяин с удивлением. — Я, кажется, просил Дилла передать вам, чтобы вы шли к мисс Карлайль. Дилл, разве я не просил вас?

— Нет, я слышу об этом в первый раз.

— Значит, я забыл. Посмотрим, который час... Сказал ли вам доктор, в котором часу его ждать, миссис Вин?

— Я поняла из его слов, что он приедет довольно поздно.

Согласно предложению Карлайля, Изабелла отправилась с Уильямом к мисс Корни. Последней не было дома. Уильям устроился на удобном диване и вскоре заснул сладким сном. Как медленно тянулись эти часы! Как тихо и пусто казалось в доме! Изабелла часто вглядывалась в бледное личико спящего ребенка и с нетерпением дожидалась прихода доктора. Пробыло половину шестого.

Вдруг она услышала, что кто-то подходит к дверям комнаты. Но это был не доктор — его шаги не заставили бы ее сердце так сильно забиться.

— Доктор Мартен, кажется, опаздывает, — произнес Карлайль, входя.

— О, ничего страшного, — ответила она тем робким и тихим голосом, которым говорила почти всегда.

— Ах, вот и он! — радостно воскликнул Карлайль.

— Ну что? — осведомился вошедший доктор. — Как здоровье маленького больного?

Ребенок проснулся; доктор внимательно осмотрел его, пощупал пульс, послушал дыхание.

— Дайте мне воды, я хочу пить, — прошептал Уильям, — папа, могу я позвонить, чтобы мне дали воды?

— Иди разыщи служанку, — сказал ему Карлайль.

Уильям вышел. Карлайль стоял, опершись на подоконник. Изабелла не отходила от доктора; густая вуаль скрывала ее черты.

— Что вы скажете нам, доктор? — начал Карлайль. — Прошу вас ответить откровенно, в каком состоянии его здоровье.

Доктор колебался.

— Мистер Карлайль, иногда очень горько выслушивать правду.

— Да, и темне менее необходимо. Я прошу вас ничего не скрывать от меня; здесь нет матери, которую нужно было бы побережь.

— Пусть будет по-вашему...

— Итак, жизнь ребенка в опасности?

— Да, с самого рождения ребенок был предрасположен к чахотке, и теперь болезнь достигла полного развития.

Карлайль не без труда овладел собой — он слишком нежно любил своих детей. Через несколько мгновений он прервал молчание:

— Каким образом так могло получиться? Никто не страдал этой болезнью — ни в моей семье, ни в семье... матери ребенка!

— Извините, мистер Карлайль, — возразил доктор, — бабка Уильяма, графиня Моунт-Сиверн, умерла от чахотки.

— Но ее болезнь не называли чахоткой, — заметил Карлайль.

— Однако это была чахотка — если хотите, медленная, не изнурительная, но все-таки чахотка!

— Инет надежды?..

— Вы желаете, чтобы я сказал правду?

— Правду, только правду, — ответил Карлайль с горечью, но решительно.

— Ну так я вам скажу: нет никакой надежды — болезнь зашла слишком далеко.

— Сколько же он проживет?

— Не знаю. Он может протянуть еще несколько месяцев, год, пожалуй, но может умереть и очень скоро! Не утомляйте его больше уроками, бедному ребенку это никогда не понадобится!

С этими словами доктор посмотрел на гувернантку. Он видел, как она затряслась всем телом.

— Вам дурно, сударыня?

Изабелла открыла рот, чтобы ответить, но не смогла. Чтобы лучше видеть ее лицо, доктор снял с нее зеленые очки; она поспешила взять их дрожащей рукой и упала на стул, прикрыв лицо другой рукой.

Удивленный Карлайль приблизился к ней и спросил:

— Не больны ли вы, миссис Вин?

— Прошу вас, господа, не прерывайте из-за меня ваш разговор, — прошептала она, надевая очки. — Благодарю вас обоих за внимание. Я подвержена легким приступам. Мне уже гораздо лучше.

Доктор успокоился, а Карлайль отошел к окну.

— Какое же вы пропишете лекарство для ребенка? — спросил он.

— Что вы пожелаете сами или что пожелает ребенок. Пусть он играет или отдыхает, катается или ходит пешком, ест или пьет — всебудет хорошо, потому что все это не имеет значения.

— Но мне думается, доктор, что вы слишкомлегко отказываетесь от всякой надежды.

— Вы желали знать мое мнение, и я вам его озвучил.

— Поможет ли более теплый климат?

— Ну, он мог бы протянуть лишние две-три недели, и только. Да и кто сопровождал бы его? Право, я вам не советую.

— Но вы будете от времени до времени приезжать к нам, чтобы проведать Уильяма?

— Если вам угодно. Прощайте, сударыня, — прибавил доктор, обернувшись к гувернантке.

Та молча поклонилась. Мартен вышел в сопровождении Карлайля.

— Как эта гувернантка любит вашего ребенка! Я заметил это еще тогда, когда она привозила его в Линнборо. А видели вы, как она разволновалась, когда я сказал, что надежды нет?..

— Да... До свидания, доктор! — Карлайль пожал ему руку. — Ах, если бы вы могли, вы спасли бы его, не правда ли?

— Если бы мы, смертные, могли совершать подобные чудеса... Вам предстоит тяжкое испытание, мой друг, но что делать! Иногда несчастье поражает нас для того, чтобы мы выздоровели. Прощайте, скоро увидимся!

Карлайль вернулся в комнату и подошел к Изабелле, которая все еще сидела в кресле.

— Какие грустные вести, миссис Вин, — заметил он печально, — но, думаю, вы предвидели это, как и я сам.

Женщина встала, подошла к окну и выглянула на улицу; тысяча различных чувств теснились в ее груди.

— Ятак привязалась к этому ребенку, — начала она. — Приговор доктора смутил, расстроил меня...

— Как вы добры, миссис Вин, — сказал Карлайль, подходя к ней, — вывыказываете моему ребенку столько участия.

Она ничего не ответила.

— Пожалуйста, не говорите ничего миссис Карлайль, — продолжал Арчибальд. — Я сам желаю сообщить ей это грустное известие и постараюсь, чтобы оно как можно меньше ее печалило.

— Отчего же вы так за нее боитесь? Ведь она не мать этому ребенку!

В ее словах слышалась гордость, проникнутая горечью. Карлайль раздраженно бросил:

— Прошу вас, сударыня, думать о том, что вы говорите.

Этот упрек напомнил ей, кто она. Бедная гувернантка осмелилась сказать такое о жене Карлайля! Для этого нужно было потерять рассудок!

Он уже собрался уйти, но Изабелла вдруг повернулась в его сторону и с мольбой произнесла:

— Когда вы говорили про теплый климат, доктор заметил, что Уильяма некому сопровождать... Позвольте ли вы мне взять на себя это беспокойство?

— Нет, миссис Вин, он останется со мной. Вы, вероятно, слышали, что сказал доктор: это путешествие не принесет большой пользы моему ребенку!

В полуотворенной двери показалось бледное личико Уильяма.

— Доктор ушел? Я не хотел приходить, пока он не уедет; он непременно заставил бы меня выпить эту противную микстуру!

Карлайль сел и, усадив ребенка на колени, с любовью прижался лбом к вьющимся волосам Уильяма.

— Ну что, папа, доктор сказал, что я умру?

— О нет! Мы постараемся тебя вылечить!..

Говоря это, Карлайль старался подавить в своей душе горькое чувство. Но он не в силах был этого сделать и, чувствуя, что вот-вот разрыдается, поспешил передать ребенка миссис Вин и вышел из комнаты.

— Папа! Папа! — закричал ребенок, вырываясь из рук учительницы и устремляясь вслед за Карлайлем. — Вернемся домой вместе, мне так хочется!

Как он мог отказать?

— С удовольствием. Подожди меня здесь, я зайду за тобой.

И действительно, Карлайль вскоре вернулся, и все трое пошли домой. Отец вел сына за руку, а леди Изабелла шла возле ребенка.

— Где же Уильям Вэн? — спросил мальчик у отца.

— Он с лордом Моунт-Сиверном, — сказал мистер Карлайль.

Едва он успел произнести эти слова, как из почтовой конторы торопливо вышел какой-то джентльмен и загородил им дорогу. Но, посмотрев на них, смутился и бросился в сторону. Быть может, читатель

догадывается, что это был Левисон. Узнав его, Уильям воскликнул:

— Ах, папа, я ни за что на свете не хотел бы быть таким злым!

Карлайль хранил молчание; он казался равнодушным, и только на губах мелькала едва заметная презрительная улыбка.

Дойдя до жилища судьи Гэра, они увидели, что последний рассказывает взад-вперед по комнате в сильном волнении.

— Скажите на милость, Карлайль, что же это такое происходит? — воскликнул он, увидев их. — Сегодня я не пошел в суд, но мистер Риннер поведал мне о совещании, которое происходило при закрытых дверях.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — заметил Карлайль.

— Наши судьи будто бы решили доказать, что Ричард не убивал Галлиджона! — продолжал судья Гэр шепотом.

— В самом деле?

— Да... и что убийство совершено Левисоном, понимаете, Левисоном!.. Но это невозможно. Ричард не может быть невиновен...

— А я вполне этому верю. Ричард невиновен, и это будет доказано всему свету.

— Карлайль, это немыслимо! Подумайте сами! Ну, зачем тогда он стал бы скрываться? Почему же он не показывал сюда носа и не хлопотал об оправдании?

— Почему он не приходил сюда, когда вы сами поклялись предать его, мистер Гэр?

Лицо судьи позеленело. Он помолчал, а потом воскликнул:

— О, Карлайль, как могли бы вы отомстить Левисону! Если бы одна особа была жива, вы бы заставили ее опомниться!

— Каждый сам себя заставляет опомниться, — ответил Карлайль, взяв ребенка за руку.

И, поклонившись миссис Гэр издали, продолжил путь. Изабелла шла возле ребенка; она вся дрожала от горя и волнения. Судья с сосредоточенным видом смотрел им вслед. Он никак не мог понять того, что происходит. Ричард невинен! Ричард, которого он так немилосердно преследовал и которого сам хотел подвести к виселице!

Глава XIV

Дамы во всем своем блеске

В среду утром колокола в Вест-Линне весело звонили. Народ валил со всех сторон; остававшиеся в домах теснились к окнам; всюду замечалось необыкновенное оживление. В десять часов должны были объявить имя избранного кандидата.

Барбара с детьми и гувернанткой выехали в коляске. Гувернантка выразила желание остаться дома, на что Барбара не согласилась. Она была почти оскорблена таким равнодушием, так как дело касалось Карлайля. Прежде всего необходимо было, чтобы миссис Вин взяла на свое попечение Люси, в то время как она, Барбара, присматривает за другими детьми. Итак, миссис Вин вынуждена была сесть в коляску; она поместилась напротив миссис Карлайль, закутав лицо густой вуалью и надев синие очки.

Подъехав к дому мисс Корнелии, они вышли из коляски. Там уже собралось целое общество. Из окон дома можно было видеть всю церемонию. Корнелия красовалась в пышном атласном платье и с такой яркой алой розеткой на груди, которая могла бы смутить целое стадо быков.

Наконец церемония началась. Карлайль был предложен сэром Джоном Добидом. Два другие господина предложили Левисона. Перевес оказался на стороне Карлайля, так как он получил на двадцать голосов больше. Друзья сэра Фрэнсиса Левисона потребовали перебаллотировку. Поднялся страшный гвалт, толпа хлынула в избирательный зал.

Карлайль и сэр Джон Добид шли под руку. Чтобы попасть в здание суда, нужно было пройти мимо дома мисс Корнелии. Молодой лорд Вэн, находившийся в толпе, замахал шляпой в воздухе и крикнул: «Да здравствует Карлайль и честь!» Толпа отозвалась на крик лорда Вэна с таким неистовством, что заглушила все прочие толки: «Да здравствует Карлайль и честь!»

Барбара и плакала, и улыбалась; глаза ее встретились с глазами мужа.

— Посмотрите на балконы! Точно корзинки с цветами! — шепнул мистер Дрейк на ухо Левисону. — Как все женщины вокруг него увиваются! Между нами говоря, Левисон, на твоём месте бы вовремя ретировался.

— Как презренный трус, не правда ли? Нет, я пойду до конца!

— Какая красавица его жена! — продолжал Дрейк, не сводя глаз с Барбары. — Скажи, пожалуйста, Левисон, его первая жена была так же

хороша собой?

Левисон бросил на него яростный взгляд. В эту самую минуту полицейский чиновник подошел к друзьям и схватил баронета за воротник со словами:

— Сэр Фрэнсис Левисон, вы — мой пленник!

— Пусти, негодяй! Прежде узнай, кто я! — воскликнул последний, с бешенством вырываясь из его рук.

Полицейский наклонился, сделал торопливое движение, и руки Левисона оказались в цепях.

— Мне очень жаль, что я вынужден арестовать вас публично, но я не мог сделать этого раньше. Приказ об аресте лежит у меня в кармане только со вчерашнего дня, я получил его в пять часов вечера. Я арестую вас, сэр Фрэнсис Левисон, как убийцу Джорджа Галлиджона!

Толпа отхлынула назад, парализованная этим неожиданным объявлением. Дамы, видевшие эту сцену из окон дома Корнелии, не могли догадаться, в чем дело, тем не менее все были бледны от волнения.

Но бледность их была ничтожна в сравнении со смертельной бледностью, покрывшей лицо Левисона. На него было жалко смотреть. Губы его скривились в беспомощной улыбке. В эту минуту он узнал Отуэя Бетеля, стоявшего неподалеку, и страшное проклятие сорвалось с его уст. Вскипев от бешенства, он закричал:

— Это ты, собака, поддел меня!

— Нет, клянусь...

Неизвестно, кем или чем поклялся Бетель, — его речь была прервана появлением второго полицейского, который надел ему на руки кандалы, как и Левисону.

— Мистер Отуэй Бетель, арестовываю вас как сообщника убийцы Джорджа Галлиджона.

Все взоры устремились на арестованных. Полковник Бетель направился к ним.

— Что все это значит? — с достоинством спросил он у полицейских.

— Полковник, просим извинить нас! Мы приводим в исполнение приказ об аресте. Вашего племянника обвиняют в сообщничестве с убийцей Галлиджона.

— В сообщничестве с Ричардом Гэром?

— Полковник, говорят, что Ричард Гэр невиновен!

— И я невиновен! — воскликнул Отуэй Бетель запальчиво.

— В таком случае вам остается только доказать это, сударь, — вежливо ответил полицейский.

Корнелия перегнулась через балкон, желая знать, в чем дело. Миссис Гэр стояла позади. Наконец им сказали, что эти два господина — выскочка, желающий попасть в парламент, и молодой Бетель — арестованы за убийство Галлиджона и за то, что они взвалили это преступление на плечи Ричарда Гэра.

Слабый крик раздался с балкона — бедная мать Ричарда упала в обморок.

Среди общего шума и насмешек толпы Левисон и Отуэй Бетель были препровождены в полицейскую контору.

Нам остается рассказать еще об одном эпизоде. Читатель уже видел мисс Корнелию в дорогом атласном платье. О! Если бы она только знала, кто находился в это время на балконе верхнего этажа, то, пожалуй, трудно было бы поручиться за последствия. А находилась там одна весьма незначительная особа — Эфи Галлиджон!

Прислуга мисс Корни провела ее туда тайком. На ней было шелковое белое с зеленым платье с оборками до самой талии, фантастическая шляпка с гирляндой и вуалью, безукоризненной белизны перчатки и легкая кружевная косынка, надушенная мускусом. Счастье, что Корнелия не знала о такой неслыханной дерзости!

— А ведь он, право, недурен! — заметила Эфи, обращаясь к служанкам Корнелии, когда Левисон повернулся лицом к ее балкону.

— О, презренное создание! — воскликнули те хором. — И этот человек еще осмелился состязаться с мистером Карлайлем!

— Что это! Посмотрите, пожалуйста! — вскрикнула вдруг Эфи. — На него надели кандалы! За что же это? Что он сделал?

Бедная Эфи ничего не могла понять.

— Боже мой! — воскликнула одна из служанок. — Это сэр Фрэнсис Левисон и Отуэй Бетель! Говорят, что их арестовывают за убийство Джорджа Галлиджона... вашего отца, мисс Эфи! Левисон убийца, а Ричард Гэр вовсе не виновен в этом преступлении...

Эфи напрягла все свои умственные способности, чтобы понять смысл этих слов, но вдруг почувствовала сильное головокружение, покачнулась и упала на пол.

Глава XV

Мистер Джеффин

Когда Эфи Галлиджон пришла в себя, то поспешила убраться из дома мисс Карлайль. Она величественно шествовала по улице, возвращаясь к миссис Лэтимер.

Недалеко от квартиры мисс Карлайль находилась лавочка, в которой продавали сыр, ветчину, масло и сало. Один молодой человек приятной наружности вычитал в объявлениях, что эта лавочка продается, и приехал из Лондона специально для того, чтобы сделаться ее обладателем. Его предшественник нажил порядочный капитал, прежде чем продать лавку, и мистеру Джеффину предсказывали точно такой же успех. Уже одно то, что мисс Карлайль закупила в этой лавочке провизию, свидетельствовало о высоком качестве товара.

Когда Эфи поравнялась с лавочкой, мистер Джеффин в белом фартуке возник в дверях. Эфи остановилась. Мистер Джеффин посмотрел на нее с восхищением.

— Здравствуйте, мисс Галлиджон, — воскликнул он с жаром.

— Как поживаете, Джеффин? — сказала она с некоторым высокомерием и соблаговолила вложить в протянутую руку кончики пальцев. — А я думала, что вы закрыли сегодня свою лавочку.

— Мы должны быть при деле, — ответил мистер Джеффин, с прежним восхищением рассматривая личико красавицы. — Если бы я знал, что вы сегодня пользуетесь свободой, мисс Галлиджон, быть может, и я позволил бы себе прогуляться в надежде встретиться где-нибудь с вами.

— Ах, боже мой! — произнесла Эфи, насмешливо улыбаясь. — Вы могли бы увидеть меня час или два часа тому назад, если бы у вас были глаза. Я ходила к мисс Карлайль, — прибавила она таким тоном, каким может говорить особа, навестившая какую-нибудь знатную графиню.

— Где же были мои глаза? — воскликнул мистер Джеффин с горьким сожалением.

— Что значит весь этот гам? — спросила вдруг Эфи.

— Это народ провожает радостными криками мистера Карлайля. Неужели вы не знаете, что его выбрали представителем Вест-Линна в парламенте?

— Нет, я этого не знала.

— Мы все за мистера Карлайля. Да благословит его Бог! Таких людей

мало!.. Ах, кстати, мисс Галлиджон, не слышали ли вы, чем так провинился тот, другой? Говорят, он убил кого-то? Правда ли это?

— Пожалуйста, не говорите со мной об этом, — заметила Эфи. — Убийство — не лучшая тема для разговора с дамой. — И, нежно взмахнув батистовым платочком, мисс Эфи продолжила свой путь.

Проводив красавицу восхищенным взглядом, мистер Джеффин вернулся в свою лавочку.

«В конце концов, он не такой уж и плохой парень, — рассуждала про себя Эфи. — А комната за лавкой очень удобная, и я постараюсь как можно красивее ее меблировать. Потом заставлю его купить фортепьяно для гостиной, как во всех порядочных домах. Я найму двух нянек, кухарку и горничную. Я не прочь выйти за него замуж, только одно меня смущает — его имя. Джо Джеффин! Ни за что на свете не соглашусь сделаться миссис Джо Джеффин!.. Хотя... Господи!»

Перед ней внезапно вырос Эбenezер Джеймс.

— Как поживаете, Эфи?

— Прошу вас оставить меня, мистер Джеймс. Как вы смеете называть меня Эфи?

— Что это вы так возгордились, любезная мисс? Я не желал оскорбить вас.

— Да, вы уже успели всем растрезвонить, что я ваша старая знакомая, даже мистеру Джеффину, хотя я вас не просила об этом. Сделайте одолжение, избавьте меня от вашего общества, право, оно никому не может сделать чести.

— Прекрасно! Я с удовольствием избавлю вас от своего общества, но прежде должен передать вам одно поручение. Позвольте доложить вам, что вас ждут в суде. Потрудитесь явиться туда немедленно.

— Меня? В суде? С чего вы взяли?

— Повторяю, потрудитесь явиться туда немедленно, — повторил Эбenezер. — Вы видели, как арестовали Левисона, вашего старинного ухажера?

— Как вы смеете говорить мне подобные вещи, Эбenezер Джеймс!

— Не притворяйтесь глупенькой, Эфи, это ни к чему не приведет. Вы отлично знаете, где я видел вас и где я видел его.

Выражение лица Эфи мгновенно изменилось.

— Я ничего не знаю об убийстве, — прошептала она испуганно, стараясь придать равнодушный тон своему голосу. — Я ничего не знаю и потому никуда не пойду!

— Это необходимо, Эфи, — ответил он, сунув ей в руку сложенный

листок бумаги. — Вот повестка.

— Я ни за что на свете не буду давать показания против Левисона, — произнесла она, разорвав повестку на мелкие кусочки. — Клянусь вам, что я не пойду! — И Эфи умчалась прочь.

— Приходите непременно! — прокричал ей вслед Эбenezер.

«Она улизнет, если ее не арестовать, — подумал он. — А вот, кстати, и Белл, надо предупредить его».

Между тем Эфи дошла до дома миссис Лэтимер. Хозяйка была нездорова и лежала в постели.

— Ах, госпожа, я получила сегодня очень печальное известие, — начала Эфи, войдя в комнату, — одна моя родственница при смерти и желает меня видеть. Мне необходимо ехать с первым же поездом.

— Боже мой! — воскликнула миссис Лэтимер. — Как же я обойдусь без вас, Эфи?

— Но моя родственница при смерти, сударыня, — повторила Эфи, — иначе я не решилась бы вас оставить.

— Куда же вы едете? — осведомилась миссис Лэтимер.

Эфи назвала первый пришедший ей на память город и сказала, что надеется вернуться на следующий день.

— Какая же это родственница? Я думала, что у вас нет родственников, кроме Джойс и тетушки Кэн.

— Это другая тетушка, — произнесла Эфи неуверенно. — Я никогда вам о ней не говорила, потому что мы были в ссоре. И теперь я чувствую, что мне необходимо к ней поехать.

Эфи прекрасно владела собой, и ее трудно было поймать. Миссис Лэтимер согласилась отпустить ее. Эфи быстро поднялась наверх, переделалась, положила несколько вещей в кожаный мешок, а в кошелек несколько фунтов стерлингов и вышла из дома.

Полицейский, расхаживавший по мостовой возле этого дома, приблизился к Эфи.

— Здравствуйте, мисс Галлиджон. Не правда ли, прекрасная погода?

— Да. Но я не могу с вами разговаривать. Я тороплюсь.

Однако чем быстрее она шла, тем быстрее он следовал за ней. Эфи уже не шла, а бежала, и полицейский также не шел, а бежал.

— Отчего вы так торопитесь? — спросил он.

— Это вас не касается. Поговорим в другой раз.

— Можно подумать, что вы торопитесь потому, что боитесь опоздать на поезд.

— Это правда. Я действительно хочу совершить маленькое

путешествие ради удовольствия.

— И надолго вы уезжаете?

— Гм! Возможно, я вернусь уже завтра. Правда ли, что мистера Карлайля выбрали членом парламента?

— Да, пожалуйста, не идите этой дорогой.

— Не идти этой дорогой? Но ведь это кратчайший путь к станции!

Полицейский взял ее за руку.

— Что это значит? Пустите! — сказала она раздраженным тоном.

— Мне очень жаль, что приходится поступать таким образом с дамой, и в особенности с вами, мисс, но я должен препроводить вас в залу свидетелей — вас желают кое о чем расспросить.

Из груди Эфи вырвался пронзительный крик, но она тотчас овладела собой.

— От меня не дождутся никаких показаний. Я ничего не знаю о том, что тогда произошло.

— Я также ничего не знаю, — ответил полицейский. — Я даже не знаю, зачем вас зовут. Мне приказано следить за вами, не выпускать вас за черту города и по возможности препроводить в залу свидетелей. Я готов убрать свою руку, мисс Галлиджон, если вы дадите мне обещание не убежать.

— Я пойду спокойно, — сказала Эфи, — уберите руку.

Она сдержала слово. Эфи была невиновна и твердо верила в невинность Левисона. Но вместе с тем она понимала, что некоторые факты из ее прошлой жизни будут выставлены в невыгодном для нее свете и она снова попадет на язычок кумушкам из Вест-Линна.

Глава XVI

Следствие

Судьи заняли свои места. Зала была полна. Все друзья сэра Фрэнсиса Левисона были в сборе. «Это скандал!» — кричали они. Лорд Моунт-Сиверн сидел на заранее отведенном для него месте. Лорд Вэн занял лучшее место, какое только мог отвоевать в толпе. Судья Гэр председательствовал, непреклонный и суровый. Он не хотел выказать ни капли слабости и снисходительности. Полковник Бетель был тут же, с лицом не менее строгим. Защитником Фрэнсиса Левисона выступал мистер Ребинг.

Мистер Белл открыл прения, изложив известные ему сведения. Казалось, что сложнее всего будет установить факт тождества между Левисоном и Торном. Эбенецер Джеймс взялся доказать это.

— Что вам известно о подсудимом сэре Фрэнсисе Левисоне? — спросил один из судей.

— Немногое, — ответил Эбенецер. — Я знал его под именем капитана Торна. Эфи Галлиджон называла его капитаном, но я понял, что он был только лейтенантом.

— Из чего же вы это поняли?

— Из слов Эфи. Она — единственный человек, от которого я слышал что-либо о Торне.

— И вы утверждаете, что видели его в упомянутом месте — в аббатстве Вуд?

— Я видел его там несколько раз, так же как и в домике Галлиджона.

— Разговаривали ли вы с ним как с Торном?

— Два или три раза. Я заговаривал с ним, называя его Торном, и он отзывался на это имя. Отуэй Бетель также знал его под именем Торн, как и несчастный Галлиджон. Последний однажды при мне сказал Эфи, что не позволит приходить этому франту Торну.

— Он употребил именно такие выражения?

— Да. Я припоминаю ответ Эфи на эти слова. Она закричала, что Торн так же волен приходить, как и любой другой.

— Это нисколько не проясняет дела. Знал ли Торна кто-либо другой, кроме вас?

— Я думаю, что старшая сестра Эфи — Джойс — была с ним знакома, но лучше всех нас его знал молодой Ричард Гэр.

— Что заставляло Торна приходить в лес так часто?
— Он ухаживал за Эфи.
— С намерением жениться на ней?
— О нет! — воскликнул мистер Эбenezер насмешливо. — Я не думаю, что он когда-либо имел подобное намерение... Он приезжал обыкновенно из Суассона или из окрестностей верхом на великолепной лошади.
— Каково было, по-вашему, его положение в обществе?
— Я полагал, что он из высшего общества.
— Видели вы его в ту ночь, когда был убит Галлиджон?
— Нет.
— Не приходило ли вам раньше в голову, что капитан мог быть виновен в убийстве Галлиджона?
— Никогда.
— Давно ли вы его знаете? — вмешался мистер Ребинг, заметив, что допрос свидетеля окончен.
— Позвольте подумать... лет двенадцать, если не больше.
— И вы решаетесь утверждать под присягой, что сэр Фрэнсис Левисон — тот самый человек, о котором вы говорите? Решаетесь, несмотря на такой долгий промежуток времени?
— Клятвенно утверждаю, что он — тот самый человек.
— Несмотря на то, что не видели его с тех пор! — насмешливо возразил адвокат.
— Я этого не говорил, — сказал Эбenezер.
Судьи наострили уши.
— Вы видели его после убийства? — спросил один из них.
— Один раз. В Лондоне. Совершенно случайно. Года через полтора после того, как было совершено преступление.
— Говорили вы с ним?
— Нет.
— Кем же вы считали его тогда? Торном или Левисоном?
— Разумеется, Торном. До тех пор, пока он не приехал сюда, чтобы побороться с мистером Карлайлем, я не думал, что он мог быть Левисоном.
Дикое проклятие едва не вырвалось у сэра Фрэнсиса Левисона при этих словах. Какой демон подтолкнул его рискнуть своей шеей, кладя ее в львиную пасть?
— Позовите Афродиту Галлиджон, — сказал судья.
Молодая особа вошла в сопровождении того самого полицейского. Мистер Белл выразил желание, чтобы Эбenezер Джеймс оставил залу на то время, пока ее будут допрашивать.

— Как ваше имя?

— Эфи.

— Скажите свое полное имя. Ведь не Эфи же вас назвали при крещении.

— Афродита Галлиджон. Вы так же хорошо знаете мое имя, как и я сама. К чему задавать бесполезные вопросы?

— Приведите свидетельницу к присяге, — сказал судья Гэр. Это были первые слова, которые он произнес.

— Я не буду присягать, — сказала Эфи.

— В таком случае мы вынуждены будем посадить вас в тюрьму за оскорбление правосудия.

Эфи побледнела. Вмешался сэр Джон Добид:

— Вы участвовали в убийстве вашего отца?

— Я?! — воскликнула Эфи с негодованием. — Как вы можете задавать мне подобный вопрос, сэр? Это был лучший из отцов, я нежно любила его... я отдала бы свою жизнь, чтобы спасти его.

— А между тем вы отказываетесь дать показание, которое помогло бы покарать его убийцу!

— Кто знает, какие вопросы мне будут задавать...

— Вас будут спрашивать только о том, что касается убийства.

Эфи подумала.

— Хорошо, я готова присягнуть.

Она приняла присягу, впрочем, очень неохотно.

— Как вы познакомились с капитаном Торном?

— Ну вот! — воскликнула Эфи возмущенно.

— Вы поклялись отвечать на все вопросы.

— Я встретила его в Суассоне. Я отправилась туда однажды прогуляться и встретила его в кондитерской.

— И он влюбился в ваше хорошенькое личико? — сказал адвокат Белл, ловко затронув тщеславие Эфи.

— Да, это правда, — ответила она.

— Он сумел выведать, где вы живете, и стал ухаживать за вами. Он приезжал к вам верхом почти каждый вечер?

— Что ж, в этом нет ничего дурного!

— О! Разумеется, ничего, — подтвердил адвокат мягким и приятным тоном, чтобы ободрить свидетельницу. — Я, например, был бы счастлив иметь такой же успех. Вы знали его в ту пору под именем Левисона?

— Нет, он называл себя капитаном Торном, и я этому верила.

— Вы знали, где он жил?

— Нет. Он никогда не говорил мне этого. Я полагала, что он временно проживал в Суассоне.

— Ах, боже мой! Какая на вас прелестная шляпка!

Тщеславие было наименьшим из грехов Эфи, и все-таки его хватило бы на десять красивых женщин. С этой минуты она целиком принадлежала мистеру Беллу.

— А сколько времени прошло с вашей первой встречи до того, как вы узнали его настоящее имя?

— Недолго... несколько месяцев.

— После убийства, я полагаю?

— О да!

Мистер Белл подмигнул судьям. Эфи, не заметив этого, пригладила выбившиеся из-под шляпки пряди волос.

— Кто еще, кроме капитана Торна, был в лесу в ночь убийства?

— Там были Ричард Гэр, Отуэй Бетель и Локсли.

— Который из двух, Гэр или Торн, был с вами в доме?

Эфи призадумалась.

— Вы присягнули, свидетельница! — прогремел судья Гэр. — Если это был мой... если Ричард Гэр был с вами, скажите. Не прибегайте ни к каким уверткам!

Эфи перепугалась.

— Со мной был Торн, — ответила она мистеру Беллу.

— А где был Ричард Гэр?

— Не знаю. Он приходил, но я не приняла его.

— Не оставлял ли он у вас ружья?

— Да, оставил... Он обещал дать его на время моему отцу. Я поставила его у двери. Он сказал мне, что оно заряжено.

— Как скоро после этого отец прервал вашу беседу?

— Он нас совсем не прерывал, — возразила Эфи. — После этого я увидела отца уже мертвым...

— Значит, вы не все время оставались в доме?

— Нет, не все время. Мы вышли прогуляться за дом, и там капитан Торн простился со мной.

— Вы слышали выстрел?

— Да, выстрел я слышала. Я сидела в задумчивости на пне, когда он раздался, но я не обратила на него никакого внимания, так как даже не предполагала, что стреляли в коттедже.

— Что понадобилось капитану Торну в доме после того, как он с вами простился? Что он там позабыл?

Это был ход наудачу. Адвокат Белл взвесил все подробности рассказа Ричарда, так же как и другие доводы в пользу виновности Левисона, оживил их своими собственными выводами и вел допрос на основании этих выводов. Эфи была поймана.

— Он позабыл свою шляпу, больше ничего.

— Я думаю, он убеждал вас в том, что Ричард Гэр — убийца вашего отца? — Другой ход совершенно наудачу.

— Да меня и не нужно было убеждать. Я и так это отлично знала.

— Разумеется, — продолжал адвокат тем же ободряющим тоном. — Скажите, капитан Торн видел, как совершилось преступление? Говорил он вам об этом?

— Он взял свою шляпу и уже вышел в лес, как вдруг услышал в доме голоса и узнал в одном из них голос моего отца; вслед за этим раздался выстрел, и капитан догадался, что случилось какое-то несчастье.

— Торн говорил вам это? Когда?

— Той же ночью, гораздо позднее. Один мальчик пришел в коттедж и сказал, что какой-то иностранец желает повидаться со мной в лесу. Он дал мальчику двенадцать пенни, чтобы он позвал меня. Я вышла в лес и увидела капитана Торна. Он спросил, что означает этот шум, и я сказала ему, что Ричард Гэр убил моего отца. Тогда он сказал, что теперь, когда я напомнила ему о Ричарде Гэре, он припоминает, что другой споривший голос несомненно принадлежал ему.

— Что это был за мальчик, приходивший за вами?

— Сын вдовы Уайтмена.

— Взгляните на подсудимого, сэра Фрэнсиса Левисона. Не его ли вы знали тогда под именем капитана Торна?

— Да, его, но ведь это не делает его виновным в убийстве?

— Конечно, нет, — любезным тоном произнес адвокат Белл. — А как долго вы пробыли с ним в Лондоне, когда посетили его там?..

Эфиостолбенела, точно пораженная громом.

— Ведь вы уехали отсюда после несчастья, чтобы присоединиться в Лондоне к капитану Торну. Как долго, я вас спрашиваю, вы оставались с ним? — Еще один ход наудачу.

— Кто вам сказал, что я была с Торном? Кто сказал, что я поехала к нему? — вскрикнула Эфи, вспыхнув.

— Я, — ответил адвокат Белл, пользуясь ее смущением. — Послушайте, ни к чему отрицать это теперь.

— Вы приняли присягу, — снова сказал судья Гэр. — Вы были с подсудимым Левисоном в то время или с Ричардом Гэром?

— Чтобы я была с Ричардом Гэром! — закричала Эфи. — Да я ни разу не видела Ричарда Гэра после ночи убийства! Клянусь! Поехать к нему!!

— Ну, — сказал адвокат Белл, — поговорим по-дружески. Я совершенно уверен, что вы не были с Ричардом Гэром. Вест-Линн всегда был склонен к злословию. Вы только посетили капитана Торна, как... как могла бы сделать всякая другая молодая особа.

Эфи потупилась под тяжестью глубочайшего унижения.

— Отвечайте на вопрос, — снова резким голосом потребовал председатель. — Вы были с Торном?

— Да.

— Скажите, вы пробыли с ним два или три года?

— Не три.

— Немного больше двух, быть может?

— В этом не было ничего дурного, — пробормотала Эфи, вздыхая.

— Конечно. Что же дурного? Я и не хочу сказать, что в этом было что-либо дурное, — продолжал адвокат Белл, прищуривая глаза. — А во время этого посещения вы уже знали, что это Левисон?

— Да, знала.

— Объяснял он вам когда-нибудь, для чего назвался Торном?

— Он говорил, что это была чистейшая фантазия. В тот день, когда он впервые заговорил со мной в кондитерской, он назвался первым пришедшим ему на ум именем.

Адвокат Белл сказал несколько слов судебному приставу, и свидетельницу увели. Эбенезер Джеймс снова занял ее место.

— Вы сообщили сейчас господам судьям, что встретили Торна в Лондоне года через полтора после убийства, — начал адвокат Белл. — Это было, надо полагать, в ту пору, когда с ним жила Эфи. Вы видели и ее также?

Мистер Эбенезер вытаращил глаза. Он был в крайнем изумлении, что суду удалось узнать о пребывании Эфи у Торна. Он никому не выдавал этой тайны.

— Эфи? — пробормотал он.

— Ну да, Эфи, — сухо ответил адвокат. — Господа судьи знают, что Эфи ускользнула из Вест-Линна затем, чтобы присоединиться к Торну, а не к Ричарду Гэру. Я вас спрашиваю, видели вы ее? Она еще была с ним в то время?

— Да, я ее видел... Однажды я отправился после обеда в Пэддингтон и увидел, как какая-то дама звонит в дверь очень богатого дома. Это была Эфи Галлиджон, она занимала там большую квартиру. Она пригласила

меня пить чай, и я принял приглашение.

— И вы видели у нее в гостях капитана Левисона?

— Я видел Торна, или по крайней мере того, кого я принимал за Торна. Эфи просила меня уехать в восемь часов, так как она ждала к себе одного знакомого. Едва только я перешагнул порог комнаты, как к крыльцу подкатил кеб, из него вышел Торн и направился к двери, которую он отпер потайным ключом. Вот и все, что мне известно.

— Почему по возвращении в Вест-Линн, где ходили слухи, будто Эфи Галлиджон последовала за Ричардом Гэром, вы не сообщили этого факта?

— Я не считал себя обязанным разглашать это, к тому же Эфи просила меня никому не говорить, что я ее видел.

Следующим свидетелем был слуга, исполнявший обязанности грума у покойного сэра Питера Левисона. Он подтвердил, что Фрэнсис Левисон гостил у его хозяина все лето и часть осени как раз после того, как убили Галлиджона; далее он довел до сведения судей, что Левисон часто ездил в сторону Вест-Линна, особенно по вечерам, а когда возвращался домой, то лошадь его была вся в пене.

— Я очень хорошо помню бесчисленные толки по поводу убийства Галлиджона, — заявил свидетель на вопрос мистера Робина, помнит ли он сам то время, когда было совершено преступление. — Оно наделало много шума в окрестностях. И я помню, что как раз тогда мистер Левисон положил конец своим визитам и вернулся в Лондон.

Последним свидетелем был мистер Дилл. Вечером в прошлую среду он возвращался к себе домой от мистера Бошана, как вдруг в поле, напротив дома мистера Гэра, услышал чей-то горячий спор. Оказалось, что это Левисон повстречался с Бетелем. Первый, казалось, желал насладиться уединенной прогулкой при лунном свете, но второй помешал ему, встретившись с ним совершенно случайно. Последовал разговор. Отуэй Бетель обвинял Левисона за то, что тот его эксплуатирует. Сэр Фрэнсис с досадой ответил, что он ничего о нем не знает и знать не желает. «Да, вы были вполне удовлетворены нашим коротким знакомством в ту ночь, когда было совершено убийство Галлиджона, — ответил Бетель. — Но знаете ли вы, что если я пророню хотя бы одно слово, то вас непременно повесят?» — «Глупец! — выкрикнул тогда сэр Фрэнсис. — Вы не подумали, что если меня повесят, то и вы попадете на ту же самую веревку? Разве я не зажал вам рот деньгами?» — «Вы говорите о ничтожнейших пятидесяти фунтах? — взревел Отуэй Бетель. — Я бы к ним и не притронулся, если бы не был тогда так ошеломлен!..»

После того как мистер Дилл окончил свои показания, полковник

Бетель выступил вперед. На лице почтенного судьи было написано глубокое страдание.

— Уверены ли вы в том, что собеседником Левисона был Отуэй Бетель?

Мистер Дилл с грустью кивнул.

— Неужели вы считаете меня человеком, способным дать ложное показание, полковник?

Сэр Фрэнсис Левисон защищался до сих пор со свойственной ему дерзостью и высокомерием. Но после показаний мистера Дилла его дерзость перешла в панический ужас, и он затрясся всем телом.

Судьи начали расходиться. Мистер Отуэй Бетель, взглянув на сумрачную физиономию своего дяди, молча повинился решению суда. Оба пленника были единогласно осуждены за умышленное убийство Джорджа Галлиджона. Их препроводили в тюрьму недалеко от Линнборо.

Но к чему привела несчастная звезда тщеславную Эфи? Ответив на вопросы судей, она сидела одна в маленькой приемной. «Я не позволю, чтобы в меня бросали камни, — думала она не без некоторой гордости, — я слишком дорожу своим достоинством».

— Чем кончилось дело? — спросила она, увидев мистера Белла.

— Оба обвинены в умышленном преступлении, — сказал адвокат. — Через час они уже будут в Линнборо.

У Эфи внутри все похолодело; в эту страшную минуту она впервые осознала, что услышанные ею обвинения могут оказаться справедливыми. Торн! В глазах у нее помутилось, кровь прилила к вискам, из груди вырвался крик, и она без чувств упала на пол.

Глава XVII

Пожар

В Ист-Линне устраивали вечер. Пробило полночь, когда последняя карета отъехала от замка. Через два часа после этого весь дом погрузился в молчание. Все спали или собирались ложиться, когда резкий звонок вдруг нарушил общее спокойствие.

Уилсон первой высунула голову в окно.

— Пожар? — возопила она в неопишемом ужасе.

Уилсон очень боялась пожара и часто ставила весь дом вверх дном, уверяя, что она его предчувствует. Схватив ребенка, которому было уже около года, она выскочила в коридор, крича: «Пожар! Пожар! Пожар!»

Она направилась в комнату Уильяма и стремительно стащила его с постели, затем к Люси, где сделала то же самое; потом распахнула дверь в спальню миссис Вин, не переставая кричать: «Пожар! Пожар! Пожар!»

После этого Уилсон без церемоний ворвалась в спальню своих господ. Дети, страшно перепуганные, подняли плач. Миссис Вин, подумав, что по меньшей мере половина дома объята пламенем, также вышла в коридор, накинув на плечи случайно попавшуюся шаль; затем прибежала Джойс.

— Пожар! Пожар! Пожар! — вопила Уилсон.

Бедная миссис Карлайль выскочила в коридор в одной рубашке. Все остальные были также в ночных костюмах. Карлайль явился после всех, успев наскоро одеться.

Он обвел взглядом переднюю и убедился, что лестница огнем не объята, а следовательно, все они могли спастись.

— Где же горит? — спросил Карлайль. — Здесь вовсе не пахнет дымом.

Звонок громче прежнего раздался в передней. Карлайль открыл окно.

— Кто там? — спросил он с нетерпением.

— Это я, сударь, — ответил один из слуг мистера Гэра. — С моим хозяином случился нервный припадок, он в опасности, и я пришел предупредить вас.

Карлайль закрыл окно.

— Кто вам сказал, что в доме пожар? — воскликнул он, обращаясь к Уилсон.

— Человек, который звонил, — простонала служанка. — Слава богу, я забрала всех детей.

Карлайль без труда догадался, что тревога была ложной. Его жена дрожала всем телом, в ужасе цепляясь за него и спрашивая, можно ли спастись.

— Дитя мое, успокойся! Это недоразумение.

В эту минуту другие слуги поспешили отпереть парадную дверь. Вошел Джаспер; Барбара заметила его прежде, чем Карлайль успел предупредить ее. Когда ей объяснили, в чем дело, она залилась слезами.

— Ты не обманываешь меня, Арчибальд? Мой отец не умер?

— Успокойся. Одевайся, и мы поедem навестить его.

В эту минуту Барбара подумала об Уильяме. Странно, что она первая вспомнила о больном ребенке. Она снова устремилась в коридор, где стоял мальчик, дрожа от холода.

— О! Уилсон, что вы наделали? Его рубашка вся влажная и холодная!

И Барбара понесла Уильяма на свою собственную постель.

— Уилсон, уложите детей в постель, — произнес Карлайль, заглядывая в зал. — Джон, вы здесь? Заложите карету немедленно. Миссис Вин, пожалуйста, не носите на руках этого тяжелого мальчика. Джойс, помогите же миссис Вин.

Направляясь через коридор в свой кабинет, Карлайль прошел мимо миссис Вин и заметил, что она вся дрожит под тяжестью маленького Арчибальда. Джойс, крепко обнимавшая Люси, приблизилась к миссис Вин, чтобы взять Арчибальда. Карлайль вышел. Барбара взяла свой пеньюар и закутала в него дрожащего и бледного Уильяма. Затем зажгла свечу и принялась одеваться.

Вдруг за стеной раздался страшный крик ужаса. Карлайль снова выбежал в переднюю. Барбара последовала за ним, она подумала, что Уилсон уронила ребенка в гостиной.

К счастью, этого не случилось. Уилсон с ребенком и Люси уже ушли, и миссис Вин также уходила в свою комнату. Арчибальд лежал на мягком ковре в коридоре. Что же касается Джойс, то, когда она брала ребенка у миссис Вин, он вдруг выскользнул из ее рук, и сама она покачнулась от ужаса.

Теперь бедная женщина стояла, опершись на перила лестницы, с помутившимся взглядом.

— Что с вами, Джойс? — воскликнул Карлайль. — У вас такой вид, как будто перед вами привидение.

— О, сударь, — простонала служанка. — Я и в самом деле видела привидение...

Джойс упала на колени и скрестила на груди свои дрожащие руки.

— О, мой дорогой господин! Да хранит нас всех Господь! —
послышался необъяснимый ответ.

— Джойс, что все это значит?

Ответа не последовало. Джойс встала, все еще дрожа, взяла маленького Арчибальда за руку и направилась к лестнице, ведущей наверх.

Глава XVIII

Спустя три месяца

Наступил солнечный июль. Прошло три месяца с тех пор, как Карлайль был выбран членом парламента.

За свое несправедливое обращение с сыном судья Гэр поплатился параличом, после которого оправлялся весьма медленно. Тревога, которую поднял Джаспер в Ист-Линне, когда пришел сообщить о болезни своего господина, привела к весьма горестным последствиям. В ту ночь Уильям простудился, и чахотка обострилась.

Что касается Джойс, то она ходила как тень и почти ни с кем не разговаривала.

Карлайль и Барбара жили по большей части в Лондоне; при них находились Уильям и Джойс, а также другие слуги. Во всех аристократических салонах без умолку толковали об аресте сэра Фрэнсиса Левисона.

Кстати, скажем несколько слов об Эфи. После допроса в суде нелестная молва распространилась о ней всюду. Миссис Лэтимер попросила ее удалиться, и, если бы не горячая любовь, которую Эфи внушила мистеру Джо Джеффину, она не нашла бы себе ни одного уголка в мире, где ее приняли бы радушно. Мистер Джеффин, как истинный влюбленный, не поверил ни одному из тысячи рассказов, которые ходили об Эфи. Однажды он даже осмелился стать перед ней на колени и предложить ей свое сердце и свою лавочку.

Итак, в один теплый июльский день Эфи прогуливалась по улицам Вест-Линна. Когда она проходила перед лавочкой, Джо Джеффин поспешил к ней навстречу.

— Ах, вот и вы, мисс Эфи! Все идет превосходно: в настоящее время обустроивают вашу гостиную. Вам необходимо зайти хоть на минуту, мисс.

— Мне! Зайти к вам? О чем вы только думаете, мистер Джеффин?

— Я не хотел оскорбить вас, мисс.

— Я вас прощаю, но в будущем постарайтесь быть осмотрительнее. Ах, кстати, — заметила она вдруг, — я надеюсь, что вы наконец перестанете носить эти отвратительные белые фартуки, по которым каждый может узнать, что вы такое...

Мистер Джеффин слегка закашлялся.

— Мисс Эфи, вы знаете, как я вас обожаю, но то, о чем вы меня

просите, совершенно невозможно. Расстаться с этими фартуками! Но ведь это значит скомпрометировать достоинство моих панталон!

Услышав подобное выражение, Эфи вскрикнула от возмущения, и щеки ее покрылись ярким румянцем.

— Завтра с утренним поездом вы отправляетесь в Линнборо, не правда ли, мисс?

— Да, я и многие другие. Суд начнется в девять часов. Знаете, что говорят о Ричарде Гэре?

— Нет. Что же?

— Говорят, что его также будут судить.

— Ах! В самом деле? — воскликнул мистер Джеффин. — Значит, его нашли?

— Этого я не знаю. Мне совершенно безразлично, он виновен или Левисон. Один другого стоит.

На этом Эфи простилась с мистером Джеффином. Не успела она пройти и нескольких шагов, как повстречалась с Карлайлем.

— Я слышал, что вы выходите замуж, Эфи, — сказал он, останавливаясь.

— По крайней мере, так думает Джеффин, сударь!

— Поздравляю вас, Эфи, вы выходите замуж за честного человека, которого все уважают.

— Да, мистер Карлайль, но он торговец съестными припасами! Не слишком подходящая для меня партия. Тем не менее Джеффин уже переделывает для меня свою квартиру, и я смогу держать двух служанок. Он зарабатывает довольно много... Но скажите мне, пожалуйста, мистер Карлайль, что такое приключилось с Джойс?

— Не знаю, — ответил тот. — Она очень изменилась.

— Изменилась до такой степени, что ее трудно узнать, — продолжала Эфи. — Можно подумать, что у нее большая тяжесть на сердце.

— Мне иногда то же самое приходит в голову, — заметил Карлайль.

И они расстались.

Глава XIX

Суд

Заседание суда присяжных происходило в Линнборо, в очень обширной зале. Публика проявляла к этому процессу живейший интерес. Тому способствовало высокое общественное положение обвиняемого, его прежний образ жизни, его отношения с леди Карлайль, приговор, произнесенный ранее против Ричарда Гэра, и тысяча других обстоятельств. На особых местах сидели полковник Бетель, судья Гэр, друзья Карлайля и сторонники обвиняемого.

В девять часов первый судья вошел в залу. Вскоре все присутствовавшие узнали, что Отуэй Бетель перешел на сторону правосудия и обещал сообщить весьма ценные сведения.

Наконец подсудимого, сэра Фрэнсиса Левисона, ввели в залу. Он был бледен, взгляд его блуждал, волосы были растрепаны. В глазах время от времени появлялось странное выражение: злоба, смешанная с ужасом. Он был одет в черное, и на одной из его белых рук все еще блестел знакомый нам бриллиантовый перстень.

Призвали свидетелей. Эбenezер высказался так, что у присяжных не осталось ни малейшего сомнения в том, что Левисон и Торн — одно и то же лицо. Эфи, установив тот факт, что Торн был в коттедже в ночь убийства, вынуждена была дать некоторые объяснения. Наконец настал черед Ричарда Гэра.

Понятно, что он снял то платье, в котором скрывался от преследований, и надел другое, более соответствовавшее его прежнему положению в обществе.

— Ваше имя? — спросили его.

— Ричард Гэр.

— Вы сын судьи Гэра?

— Его единственный сын.

— Вы тот самый Ричард Гэр, который был осужден за преднамеренное убийство?

— Тот самый, милорд.

— Сегодня вы призваны в качестве свидетеля и не обязаны отвечать на те вопросы, которые могут каким-то образом доказывать вашу собственную преступность.

— Милорд, — возразил Ричард Гэр с твердостью и хладнокровием,

которых никогда не замечали в нем раньше, — я буду отвечать на все вопросы, какие мне сочтут нужным задать. Я пришел сюда с этой целью и надеюсь, что истина будет наконец открыта.

— Посмотрите на подсудимого и скажите, знаете ли вы его.

— Да, это Фрэнсис Левисон. До апреля я знал его как Торна.

— Потрудитесь рассказать, что произошло в ночь убийства.

— Эфи Галлиджон назначила мне свидание в своем коттедже, и я отправился туда.

— Украдкой? — вставил адвокат.

— Почти. Мои отец и мать не одобряли моих отношений с этой девицей, и я старался, чтобы они знали о них как можно меньше. В тот вечер, когда было совершено убийство, мой отец заметил, что тотчас после ужина я вышел из дома, захватив ружье. Он вернул меня и спросил, куда я иду. Стыжусь признаться в этом, но тогда я солгал: я сказал, что иду прогуляться вместе с молодым Бошаном. Я взял ружье, намереваясь дать его на время Галлиджону, который отдал свое в починку. Когда я пришел, Эфи не хотела меня впускать, уверяя, что она очень занята. Я был убежден, что она меня обманывает и что у нее сидит Торн. Она уже не в первый раз так поступала, и всегда оказывалось, что настоящей причиной, мешавшей ей принять меня, было именно присутствие Торна.

— Существовала ли неприязнь между вами и Торном?

— Я ревновал к нему, но не знаю, ревновал ли он ко мне.

— Какого рода влечение вы чувствовали к мисс Эфи Галлиджон?

— Я любил ее, как любят женщину, которую хотят сделать своей законной женой.

— И не имели относительно нее других намерений?

— Нет! Я слишком любил Эфи, уважал ее отца и чтил память ее матери.

— Продолжайте рассказ.

— Эфи, как я уже сказал вам, не захотела меня принять; я удалился, но прежде отдал ей ружье, предупредив, что оно заряжено. Потом я отправился в лес и спрятался за деревом, дожидаясь, когда выйдет Торн, так как я был убежден, что Эфи выпроводила меня из-за него. В это время проходил Локсли и, заметив меня, спросил, что я там делаю. Я ничего не ответил и отошел подальше. Минут через двадцать или больше до меня донесся ружейный выстрел, и в то же самое время я увидел, как Отуэй Бетель побежал к дому Эфи. Этот выстрел и убил Галлиджона. Но во всяком случае Бетель стрелять не мог — он был еще слишком далеко от коттеджа. Гораздо раньше я увидел другого человека, с бледным лицом,

дрожащими губами и блуждающим взглядом, — он быстро шел прочь от коттеджа; проходя мимо кустов, где я стоял, он не узнал меня. Не прошло и минуты, как он ускакал галопом на своей лошади, отвязав ее от дерева.

— И вы не побежали за ним?

— Нет. Я и не подозревал о случившемся. Я поспешил к дому Эфи. Едва я переступил порог комнаты, как ноги мои наткнулись на какую-то массу, распростертую возле двери, и я повалился на труп Галлиджона. Возле него лежало мое ружье — разряженное. Мрачная тишина царила в доме. Я начал звать на помощь, звал Эфи, но не получил ответа. Тогда я машинально схватил ружье и хотел убежать, но неожиданно увидел Локсли, уже возвращавшегося из леса. Я испугался, бросил ружье и как безумный пустился бежать. Мною овладел ужас при мысли, что меня могут принять за убийцу Галлиджона. И в то время, как я бежал вне себя от страха, я снова столкнулся с Бетелем. Я знал, что он пришел в дом Галлиджона в момент выстрела, и сказал ему об этом, но он ответил, что не заходил туда. Тогда я спросил, не встретил ли он Торна, и он уверил меня, что нет. Я испугался еще больше, потерял всякую способность трезво мыслить и убежал из города. Конечно, это было глупо и неблагородно с моей стороны, но я сходил с ума.

— Все, что вы рассказываете, — правда?

— Клянусь, это правда. Если бы сам Бог восседал на том месте, которое вы теперь занимаете, я готов был бы повторить то же самое.

Затем призвали к допросу Эфи Галлиджон.

— Почему вы не приняли Ричарда Гэра, — спросил ее адвокат, — после того, как сами же назначили ему свидание?

— Если вы настаиваете... Я не приняла его потому, что в то время у меня был капитан Торн. Я боялась ссоры между ними.

— Вы знали, зачем Ричард Гэр принес ружье?

— Для моего отца — он отдал свое в починку.

— И вы поставили это ружье у входной двери?

— Да.

— Трогали ли вы его потом? Брал ли его в руки обвиняемый?

— Нет, я его не трогала и не видела, чтобы к нему прикасался обвиняемый.

Судья приказал привести свидетеля Отуэя Бетеля. После присяги он дал следующее показание:

— В тот вечер, когда убили Галлиджона, я был в лесу и видел Ричарда Гэра, направлявшегося к коттеджу с ружьем.

— Ричард Гэр узнал вас?

— Нет, он не мог меня видеть, так как я стоял за кустами. Я видел, как он подошел к двери дома и Эфи поспешила к нему навстречу, как будто желая помешать ему войти; потом я заметил, что Эфи взяла ружье из рук Ричарда, а он, расставшись с ней, спрятался на некотором расстоянии от коттеджа. Через несколько минут я услышал выстрел. Я невольно направился к коттеджу и на повороте в аллею столкнулся с капитаном Торном. «Что с вами?» — спросил я, заметив, что он дрожит с головы до ног. Ему хотелось ускользнуть от меня, но, видя, что я не расположен его отпускать, он устремил на меня умоляющий взгляд и сказал: «Пожалуйста, не говорите никому о том, что вы меня встретили, Бетель... Уверю вас, что я сделал это не умышленно... он упрекал меня, и мы горячо поспорили». С этими словами он вынул из своего бумажника десятифунтовый банковский билет и сунул его мне в руку. Я взял билет и обещал молчать. Увы! Я не знал тогда, что произошло убийство. Торн исчез, а я еще некоторое время следил за ним взглядом. Позднее я снова встретил Ричарда Гэра. Он засыпал меня вопросами, не встретил ли я «этого презренного Торна», не видел ли, как он вышел из коттеджа. Я ответил отрицательно, и он ушел от меня. Затем я узнал об убийстве старика Галлиджона.

— Итак, сударь, — с негодованием воскликнул судья, — вы прельстились десятью фунтами стерлингов?

— Да, и я признаюсь теперь в этом с чувством глубокого стыда, но повторяю, что я не знал тогда, что дело касается убийства, иначе не взял бы денег.

— Почему же потом вы не раскрыли всего, что знали?

— Для чего? Было слишком поздно. Торн исчез, я совершенно потерял его из виду и только весной узнал его в сэре Фрэнсисе Левисоне. Ричард Гэр тоже пропал без вести, все считали его умершим.

— Что с того? — возразил судья с прежним негодованием. — Даже предполагая, что Ричард Гэр умер, разве вы не должны были помочь нам обелить его в глазах общества?

Отуэй Бетель опустил голову.

Затем последовала речь в пользу обвиняемого, возбуждая только недоверчивые улыбки, нетерпение и неудовольствие слушателей. В четыре часа присяжные ушли на совещание. Через четверть часа они вернулись. Обвиняемого попросили встать. Он был смертельно-бледен.

— Господа присяжные! — сказал председатель суда. — Соблаговолите сообщить ваше мнение: виновен этот человек или не виновен?

— Виновен! Но мы считаем своим долгом просить суд о снисхождении к преступнику. Мы думаем, что преступление было совершено

непреднамеренно, а в припадке гнева.

Судья с минуту молчал; потом, вынув из-под мантии черную шапочку, произнес:

— Подсудимый! Вам угрожает смертный приговор. Вы хотите что-нибудь сказать в свое оправдание?

Сэр Фрэнсис Левисон судорожно оперся на решетку, за которой стоял, затем, тряхнув головой, произнес:

— Милорд! Мне нечего сказать, кроме того, что господа присяжные поступили разумно, прося вас о снисхождении. Я не стану отрицать, что я убил Галлиджона, но я убил его непреднамеренно. Поверьте мне! Клянусь вам!.. Когда в ту роковую ночь я покинул Эфи, чтобы забрать шляпу, забытую мною в коттедже, я не собирался никого убивать... Между отцом Эфи и мной завязался спор... и как произошла эта катастрофа, я и сам не знаю...

Судья надел свою черную шапочку, потом, скрестив руки, начал:

— Подсудимый! Присяжные признали вас виновным, и я утверждаю их приговор. Вы убили беззащитного человека. Это отвратительное преступление, поступок подлеца. Ваш защитник надеялся смягчить нас, указывая на то, что вы джентльмен, член английской аристократии. Признаюсь, я был удивлен и оскорблен. По моему мнению, положение, которое вы занимаете в обществе, только отягчает ваше преступление. Когда человек образованный, человек из вашего общества, позволяет себе пасть так низко, он лишается права на всякое сочувствие, на малейшую жалость; впрочем, ваша прошлая жизнь была длинным рядом развратных и бесстыдных деяний. С честным ли намерением вы ухаживали за Эфи Галлиджон? Нет, вы хотели погубить ее... И вы исполнили это даже после того, как умертвили ее отца. Что касается меня, я могу лишь предложить вам воспользоваться теми немногими днями, которые вам остались, чтобы постараться спасти свою душу искренним раскаянием и подумать о другом милосердии, которое не во власти человеческой. Идите к Господу. Он один может теперь сжалиться над вами и простить ваше преступление. Что же до нас, то мы обязаны исполнить свой долг перед обществом, и нам остается только произнести приговор. Фрэнсис Левисон! Вы вернетесь в тюрьму, далее будет приказано отвести вас на место казни, где вы будете повешены и останетесь повешенным до тех пор, пока не испустите последний вздох. Идите же, и да помилует милосердный Бог вашу бессмертную душу! Аминь!

Толпа разошлась, но в тот же самый день в суде должно было рассматриваться другое, не менее интересное дело. Читатель догадывается,

что оно касалось Ричарда Гэра, так несправедливо осужденного и изгнанного из общества.

О! Это была трогательная сцена. Здесь собрались люди, знавшие Ричарда еще ребенком и юношей. Все пришли теперь с желанием порадоваться его счастью, его возвращению. А между тем некоторые из них когда-то первыми бросили в него камень, первыми поверили несправедливому обвинению, возведенному на молодого человека, — тем горячее старались они теперь выразить ему свое раскаяние.

Вырвавшись из толпы бесчисленных друзей, оглушенный поздравлениями и пожеланиями, он бросился в объятия отца, который, стыдясь самого себя, крепко прижал сына к груди.

— Отец! — воскликнул Ричард со слезами на глазах. — Я все позабыл с той самой минуты, как тебя увидел! Будем опять счастливы!

Но старик не в силах был ответить; губы его нервно затряслись, лицо перекопилось, дрожь пробежала по всему телу, и несчастный судья, во второй раз сраженный параличом, был отнесен домой Ричардом и полковником Бетелем.

Глава XX

Смерть Уильяма

Уильям Карлайль лежал при смерти. В изголовье его постели сидела леди Изабелла. Ребенок был тих и спокоен. Его бледное личико осунулось.

— Миссис Вин, — прошептал ребенок, — теперь уже недолго остается ждать?

— Чего ждать, дитя мое? — спросила Изабелла.

— Ждать, пока придут папа, мама, Люси...

Бедная мать почувствовала, что сердце ее разрывается на части.

— А я, Уильям, — произнесла она, — разве я для тебя ничего не значу?

— Нет-нет, миссис Вин, значите; но скажите, пожалуйста, можем ли мы там, на небе, узнавать наших родных?

— Дитя мое, там, на небе, у нас не будет родных. У всех будет один общий отец — Господь!

Откинув голову на подушку, Уильям посмотрел на небо. Небо было чистым, и теплые лучи июльского солнца проникали в комнату.

— А ведь это очень любопытно! — воскликнул мальчик. — Я увижу это небесное жилище с дверями, украшенными жемчугом и драгоценными камнями, с золотыми мостовыми... Там, на берегу реки, растут душистые цветы и деревья с чудесными плодами; там играют на арфах, на фортепьяно, поют... и что еще, миссис Вин?..

— Все, что хочешь, Уильям, все, о чем только может мечтать наша душа.

— Миссис Вин, — немного помолчав, продолжал ребенок, — Христос сам придет за мной или пошлет ко мне своего ангела?

— Христос обещал посетить тех, кого Он искупил своей кровью, кто возлюбил Его и ищет в Нем успокоения.

— О да! Да! Я буду очень счастлив...

Изабелла закрыла лицо обеими руками.

— Ты будешь счастлив! О! И почему я не на твоём месте?!

— Миссис Вин, — продолжал ребенок, не слышавший этого тягостного вздоха, — как вы думаете, встречу ли я на небе мою маму... мою настоящую маму?

— Да, встретишь, — прошептала Изабелла, — и я думаю, скоро.

— Но как же я ее узнаю?

Изабелла наклонилась над головкой ребенка, и крупные слезы скатились по ее щекам.

— Будь спокоен, Уильям, твоя мама узнает тебя непременно, она не забыла тебя.

— Видите ли, — продолжал больной мальчик, — я не совсем уверен, что она попадет на небо, ведь она не была добра ни к нам, ни к отцу. Она нас бросила!

— Уильям, не говори так, друг мой. Твоя мама раскаялась... она искупила свою ошибку страданием... она терпеливо несла свой крест и... и...

— И что? — спросил ребенок, заметив, что миссис Вин остановилась.

— И она упала под тяжестью этого креста; ее сердце разбилось от тоски по вам и вашему отцу!

— Миссис Вин, — воскликнул мальчик, стараясь приподняться на постели, — так вы знали нашу маму?

Леди Изабелла с трудом владела собой.

— Да, — ответила она, поддавшись порыву, — я познакомилась с ней за границей.

— Отчего же вы не сказали нам об этом раньше? Что она вам говорила?

— Она говорила... говорила, что надеется встретиться с тобой на небе, там, где все будет позабыто, где все наши слезы будут осушены.

— На кого она похожа?

— На тебя... но больше всего на Люси.

— Миссис Вин! — простонал ребенок, почувствовав сильнейшую слабость. — Поддержите меня! Помогите мне!

Изабелла наклонилась над ним, подняла его красивую головку, потом, испугавшись, быстро потянула за шнурок, желая позвать кого-нибудь на помощь.

В комнату поспешно вбежала Уилсон; Джойс не было дома — она выехала с миссис Карлайль. Это было накануне суда, и Барбара, зная, как сильно потрясет это ее отца, отправилась к нему с самого утра.

— У него опять обморок? — спросила Уилсон, подходя к постели.

— Да, — ответила Изабелла, — кажется, он потерял сознание. Помогите мне приподнять его.

Уильям протянул к ним обе руки и воскликнул:

— Поддержите меня! Я упаду!

— Успокойся, дитя мое, успокойся! — прошептала Изабелла. — Ты не можешь упасть!

Но ребенок, словно под впечатлением от страшного кошмара, продолжал повторять:

— Поддержите меня! Поддержите меня!

Это был один из тех мучительных припадков, которые медленно и вместе с тем упорно разрушали его нежный организм; он продолжался дольше обыкновенного.

— Что это может быть? — произнесла леди Изабелла взволнованным голосом.

— Ах, боже мой! Все же ясно! Разве вы не замечаете, что это предвестник смерти?

— Что вы говорите, Уилсон? — воскликнула Изабелла. — Уильяму вовсе не так дурно, как вы думаете. Сегодня утром его видел доктор Уэнрайт; он уверил меня, что ребенок может прожить еще по меньшей мере две недели.

— Уэнрайт! — повторила Уилсон, состроив презрительную гримасу. — Он невежда! Я не имею к нему ни малейшего доверия.

Леди Изабелла, сидевшая возле постели ребенка, с трепетом прислушивалась к его учащенному и прерывистому дыханию.

— Можете себе представить, эта глупая Сара спросила меня сегодня, — продолжала Уилсон, — где похоронят Уильяма. Вот вопрос!.. Я, разумеется, ответила, что его похоронят в склепе, где лежат умершие родственники Карлайлей. Если бы его мать не убежала из дома, если бы она умерла здесь, то это была бы другая история — тогда их обоих похоронили бы в другом склепе, рядом с лордом Моунт-Сиверном.

Миссис Вин ничего не ответила, она погрузилась в печальные раздумья.

— Да! — произнесла вдруг служанка с иронией. — Желала бы я знать, как себя чувствует виновник всех бед и несчастий.

Леди Изабелла подняла на нее вопросительный взгляд.

— Я говорю о нашем пленнике в Линнборо! — поспешила пояснить словоохотливая Уилсон.

— Разве он осужден? — спросила леди Изабелла глухим голосом.

— Разумеется, осужден, и на Бетеля также надели кандалы, а Ричард Гэр оправдан. Вы, конечно, понимаете, что никто из наших не присутствовал на суде; это было бы крайне неловко. Но мы узнали все подробности от знакомых. Вчера вечером, когда мистер Карлайль рассказал своей жене, с каким энтузиазмом было встречено возвращение молодого Ричарда Гэра, ей едва не стало дурно. Мистер Карлайль только сегодня утром и с большой осторожностью сообщил ей о том, что приключилось с

судьей Гэром.

— Что же с ним приключилось?

— Ах, миссис Вин, вы живете здесь, точно в мышинной норе. Старого судью опять разбил паралич, и потому миссис Карлайль сегодня нет дома.

— Кто вам сказал, что Ричард Гэр вернулся? — произнес вдруг Уильям.

— Виданное ли это дело? — вскрикнула изумленная Уилсон. — Кто бы мог подумать, что этот мальчуган прислушивается к нашему разговору!

Уильям опустил свою головку на подушку. Он беспрестанно ворочался на постели до самого вечера.

Мистер Карлайль был в Линнборо, где его удерживали серьезные дела. Между семью и восемью часами он вернулся и поспешил в комнату Уильяма. Потускневшие глаза умирающего снова засветились радостью.

— Папа! — прошептал ребенок.

Поцеловав мальчика, Карлайль сел на край его постели. Последние лучи заходящего солнца упали на лицо Уильяма, и несчастный отец почувствовал, как что-то дрогнуло в его груди, когда он пристально взглянул на личико ребенка.

Смерть накладывает какой-то необыкновенный отпечаток на черты человека. Этот знак смерти и заметил Карлайль на лице своего обожаемого сына.

— Ему хуже? — прошептал он, повернувшись к миссис Вин.

— Да, — ответила она.

— Папа, — спросил Уильям прерывающимся голосом, — суд окончился?

— Какой суд, дитя мое?

— Суд над Фрэнсисом Левисоном! Я хочу знать, повесят ли его.

— Да, его присудили к этому.

— Ведь это он убил Галлиджона?

— Да, — нетерпеливо ответил Карлайль, а затем, посмотрев на миссис Вин, спросил, как случилось, что ребенок знает об этом деле.

— Уилсон рассказала ему, — ответила Изабелла.

— Папа, — продолжал ребенок, — что с ним будет? Простит ли его Христос?

— Надеюсь, Уильям. Надеюсь, что Он будет так же милосерден к нему, как и ко всем нам. Ты сегодня очень взволнован, дорогой мой.

— Я знаю. Мне так неудобно на этой постели. Поправьте мне, пожалуйста, подушку, миссис Вин.

Карлайль сам приподнял ребенка и поправил ему подушку.

— Миссис Вин была очень добра к тебе, — продолжал несчастный отец, устремив на миссис Вин взгляд, в котором выражалась глубокая благодарность.

Уильям молчал.

— Я никак не могу вспомнить! — воскликнул он вдруг, схватившись за свою горячую головку обеими руками. — Я хотел о чем-то спросить. А Люси дома?

— Не думаю.

— Позовите ко мне Джойс.

— Хорошо. Я пришлю ее к тебе после обеда, когда пойду за мамой.

— За мамой! — повторил ребенок. — А! Теперь я вспомнил! Папа, скажи мне, каким образом я узнаю на небе мою настоящую маму?

Карлайль, не ожидавший подобного вопроса, поник головой, ничего не ответив.

— Ведь она будет на небе? — продолжал Уильям.

— Да... да... — ответил Карлайль с видимым усилием.

— Мне сказала об этом миссис Вин. Она знала мою маму; она встретила ее за границей и разговаривала с ней.

Карлайль посмотрел на гувернантку, которая быстро отошла к окну.

— Мистер Карлайль, — воскликнула леди Изабелла, — простите меня, пожалуйста... Я упрекаю себя за то, что сказала Уильяму о его матери... но я говорила это для того, чтобы успокоить, утешить его.

— Мама испустила свою ошибку тяжким страданием, — продолжал ребенок, — она хотела увидеться с тобой, папа, и со всеми нами, и это разбило ей сердце.

— Я вас решительно не понимаю, — сказал Карлайль Изабелле, нахмурившись. — Разве вы действительно знали его мать?

— Нет, — ответила она, закрывая лицо дрожащими руками, — нет, я ее вовсе не знала.

Карлайль стоял у окна, опершись локтями на подоконник.

— Как мне тяжело терять его! — простонал он в ответ на слова гувернантки.

— Уильям переходит в лучший мир, — продолжала Изабелла, подавляя собственные рыдания. — Пусть эта мысль утешит вас!

В эту минуту слуга доложил, что подан обед. Карлайль отправился в столовую. Когда он вернулся к умирающему, была уже ночь; свеча, поставленная в отдаленном углу комнаты, разливала вокруг свой бледный, мерцающий свет. Карлайль взял ее и подошел к постели ребенка.

— Папа, — произнес мальчик, открыв глаза, — унеси эту свечу,

умоляю тебя.

— Сейчас, Уильям, сейчас, дитя мое, позволь мне только взглянуть на тебя.

И бедный отец рассмотрел синеватые круги под глазами Уильяма, потускневший взгляд ребенка и мертвенно-бледный цвет лица. Теперь ему было ясно, что смерть приближается быстрыми шагами.

В комнату вошли Люси и Арчибальд. Ребенок поднял на них потухающий взгляд.

— Прощай, Люси, — произнес он тихо, протягивая ей руку.

— Но я никуда не еду, — возразила девочка, — отчего ты со мной прощаешься?

— Прощай! — повторил умирающий.

Люси взяла руку, которую ей протягивал ребенок, и почтительно поцеловала.

— Прощай, Уильям, если ты этого желаешь, но повторяю тебе, что я никуда не еду!

— Знаю... Но я скоро уеду от вас, — продолжал он, — я уйду на небо. Где Арчи?

Карлайль поднял Арчи. Малышка стал на колени на краю постели и широко раскрыл удивленные глаза.

— Прощай, Арчи, прощай, я ухожу, ухожу на небо. Там, высоко, я увижу маму и скажу ей, что ты и Люси также скоро придете к ней.

Люси принялась громко рыдать. Уилсон тотчас явилась на шум и увела детей с собой.

Леди Изабелла, не в силах больше сдерживать свое горе, упала возле постели умирающего сына. Сердце ее точно исходило кровью. И в то время, как она лежала так на полу, подавленная немой отчаянием, Карлайль, в свою очередь старался справиться с тягостным волнением. Он склонился над подушкой сына, и крупные слезы, скатившиеся с его ресниц, упали прямо на лицо мальчика.

— Не плачь, милый папа, — прошептал Уильям, обнимая шею Карлайля своими немеющими ручками, — я не боюсь... за мной придет Христос!

— Ты прав, возлюбленный мой мальчик, тебе нечего бояться! Ты идешь прямо к Богу, ты идешь к счастью! Быть может, скоро мы все придем к тебе, дитя мое.

— Да, это правда... ты также придешь ко мне и увидишься с мамой; я ей скажу это. Вероятно, она ждет меня на берегу ручья; она стережет лодку.

Без сомнения, ребенок думал о картине Мартена. Заметив на блюдечке

несколько ягод земляники, Карлайль взял одну ягоду и выдавил сок на сухие губы ребенка.

— Папа, — продолжал Уильям, — а Христос будет с нами в лодке?

— Да, дорогой мой, Христос придет за тобой.

— Он проводит меня к Богу и скажет: вот маленький мальчик, нужно простить его, нужно дать ему место на небе, и за него я также пролил свою кровь. Знаешь, папа, моя мама умерла оттого, что горе разбило ей сердце.

— Очень может быть, Уильям, но не волнуйся так, мой милый.

— Папа, — вскрикнул ребенок, совершенно изнемогая, — мне трудно дышать! Где Джойс?

— Она сейчас придет.

Уильям, казалось, задремал. Карлайль несколько минут не произносил ни слова; потом, высвободив свои руки, собрался уйти.

— О, папа! — жалобно прошептал ребенок. — Не уходи... простись со мной!

Карлайль нежно поцеловал мальчика и залился слезами.

— Папа ненадолго уходит от тебя, — сказал он, выпрямляясь, — он вернется вместе с мамой.

— И с крошкой Артуром?

— И с крошкой Артуром, если ты желаешь. Постарайся успокоиться, дитя мое, и отдохнуть. Я очень скоро вернусь к тебе.

— Папа... прощай! — простонал в последний раз ребенок, но уже таким слабым голосом, что он не мог донестись до слуха отца.

Едва только дверь за Карлайлем затворилась, как Изабелла быстро вскочила с места. Лицо ее было страшно бледно.

— Уильям! — воскликнула она. — Уильям! В этот роковой час посмотри на меня как на свою мать!

Уильям поднял отяжелевшие веки и тотчас снова опустил их.

— Мою мать! — прошептал он. — Папа пошел за ней!

— Нет... нет, Уильям, я говорю не о ней... о себе. Разве ты меня не понимаешь? Я... я... твоя...

Она не окончила фразы. Не посмела. Даже тогда, когда смерть навсегда разлучала ее с Уильямом, у нее не хватило сил, не хватило мужества крикнуть: «Я твоя мать!»

Вошла Уилсон.

— Он спит? — спросила она.

— Да, да, оставьте меня. Я позвоню, когда вы мне понадобится.

Уилсон, всегда избегавшая чувствительных сцен, поспешно удалилась. Оставшись одна, Изабелла снова упала на колени, но на этот раз для того,

чтобы послать свою молитву Богу и поручить ему душу невинного ребенка, покидавшую грешную землю. И вся ее жизнь, все ее несчастное существование промелькнуло перед ней. Она думала о своей прошлой жизни, о Карлайле, о том мимолетном луче счастья, который едва осветил ее жизнь. О, чего не отдала бы она в эту минуту, чтобы заслужить прощение, чтобы он, Карлайль, утешил ее хотя бы одной улыбкой, одним нежным, сочувственным словом!

Так она просидела больше часа. Никто не нарушал ее покоя; Уильям не произносил ни слова. Вдруг она встала и бросила на дверь блуждающий взгляд. В комнату вошла Джойс.

— Мистер Карлайль сказал мне, что Уильям желает меня видеть.

Джойс медленно подошла к постели ребенка. Она приподняла одеяло, чтобы взглянуть на личико ребенка, и отскочила от постели с горьким стоном.

Бедная мать потеряла всякое самообладание. Ее ребенок умер, умер, — и она этого не знала, не видела, как он испустил последнее дыхание! Последовала ужасная сцена. Изабелла устремилась к безжизненному телу Уильяма, обхватила руками охладевшую головку сына, затем начала плакать, кричать, рыдать, называя ребенка по имени, говоря ему: «Я твоя мать! Я твоя мать!»

Она била себя в грудь и срывала с глаз очки, мешавшие ей созерцать безжизненное тело обожаемого сына.

Страх овладел Джойс, холодный пот выступил у нее на висках. Поняв наконец ужасную истину, она подбежала к леди Изабелле и, схватив ее за руку, с нечеловеческой силой оттащила ее от постели умершего.

— Миледи! Миледи! Умоляю вас, успокойтесь! Не выдавайте себя таким образом!

Услышав этот титул, от которого она уже давно отвыкла, Изабелла застыла от ужаса.

— Миледи, — продолжала бедная служанка, — позвольте мне отвести вас в вашу комнату. Сейчас придут мистер и миссис Карлайль. Умоляю вас, подумайте о последствиях... Уйдем отсюда.

— Но как вы узнали меня? — спросила Изабелла глухим голосом.

— Миледи, я узнала вас в тот вечер, когда нас так напугали пожаром. С тех пор, миледи, я не знаю ни минуты покоя. Я приняла вас за привидение. Миледи, не будем терять времени, уйдем отсюда! Я слышу шаги мистера Карлайля...

Изабелла склонила голову и, покорно следуя за Джойс, прошептала:

— Сжальтесь надо мной, не выдавайте меня. Я уйду, я покину это

жилище, клянусь вам!

— Не бойтесь, миледи, я ничего не скажу. Вот уже несколько месяцев, как я храню этот секрет и чуть было не сошла от этого с ума. О, миледи! Зачем вы вернулись сюда?

— Затем, чтобы еще раз увидеть моих детей! Я много страдала, вы должны это понять, Джойс. Я здесь, у моего мужа, а он женат на другой! Джойс, эта мысль убивает меня!

— Уйдем отсюда, — шептала Джойс. — Вот он идет!.. Я слышу!..

Изабелла согласилась пройти в дверь, ведущую в смежную комнату. Вернувшись одна в спальню, Джойс увидела Карлайля.

— Что с вами, Джойс? — спросил он глубоко взволнованным голосом.

— Сэр... господин мой... Уильям, Уильям...

— Он не умер, Джойс?

— Увы! Его уже нет, — прибавила она и удалилась, закрыв лицо обеими руками.

Карлайль затворил дверь, запер на ключ и, окинув комнату блуждающим взглядом, тихо подошел к постели, на которой лежало бесчувственное и холодное тело его сына. Опустившись на колени, он прошептал:

— Дитя мое! Мой бедный Уильям!.. О Боже! Прими в руки Твои эту юную душу, как ты уже принял к Себе, я надеюсь, душу его несчастной матери!

Глава XXI

Предсмертная исповедь матери

Леди Изабелла была больна и телом и душой. Джойс ни на минуту не отходила от нее и, как могла, утешала несчастную женщину. Единственная мысль занимала теперь Изабеллу и не давала ей покоя: как можно скорее покинуть Ист-Линн. Она боялась, что ее узнают в том случае, если ей придется умереть в замке.

Была и другая причина, заставлявшая ее торопиться со своим решением: присутствие Барбары, ее голос — голос счастливой соперницы — пробуждал в сердце Изабеллы жгучую ревность.

На следующий день после похорон Уильяма Изабелла направилась к миссис Карлайль, чтобы сообщить ей о своем решении. Барбара приняла ее в кабинете.

— Я искренне сожалею, что вы нас покидаете, — произнесла Барбара, выслушав гувернантку. — Мы все уже успели привязаться к вам и так благодарны вам за вашу заботу о Люси; кроме того, мистер Карлайль очень ценил вашу привязанность к его больному ребенку... Оставайтесь у нас — это наше общее желание. Вы заболели от чрезмерного утомления, и наш долг дать вам возможность поправить здоровье.

— Тысячу раз благодарю вас, миссис Карлайль, но, пожалуйста, не считайте меня неблагодарной, если я откажусь от вашего предложения. Я чувствую себя слишком слабой и, вероятно, никогда не поправлюсь.

— Не говорите так, миссис Вин. Если внимательнее отнестись к своему здоровью, то оно может восстановиться. Не хотите ли поехать вместе со мной к морю? — продолжала Барбара. — Я уеду вместе с ребенком в следующий понедельник.

— Нет, — произнесла Изабелла, — эти издержки были бы совершенно лишними. Мне необходимо спокойствие.

— Так оставайтесь в Ист-Линне по крайней мере до моего возвращения. Мистер Карлайль будет дома. Я поручу вам Люси и Арчибальда, но только с условием, чтобы вы отдохнули. Согласны ли вы на это?

— Да, — прошептала бедная женщина, обрадовавшись.

— Будьте так добры, поддержите мою девочку, — произнесла Барбара, стараясь приподняться.

— Какую девочку? — с удивлением спросила Изабелла.

— Да, — пояснила Барбара, звонко рассмеявшись, — она здесь. Заснула под шалью.

Миссис Вин приблизилась и взяла в руки ребенка.

— Благодарю вас, — продолжала Барбара, вытягиваясь на кушетке. — Не правда ли, очень миленькая девочка? Мы назвали ее Энн.

Леди Изабелла вышла из кабинета. В коридоре ей встретился молодой лорд Вэн, звавший Люси.

— Что вам от нее нужно? — спросила гувернантка.

— Не могу вам сказать, — бойко ответил молодой человек по-французски.

— Люси играет на фортепьяно, так что вы не можете ее увидеть.

— Но мне это необходимо, — пылко возразил молодой виконт, — я имею полное право звать ее, потому что она принадлежит мне, миссис Вин.

На бледных губах Изабеллы мелькнула улыбка.

— Она дала мне слово поехать со мной кататься, — продолжал лорд Вэн. — Неужели вам никто не говорил, что Люси будет моей женой? О! Я так счастлив, миссис Вин! Она напоминает мне свою мать, покойную леди Изабеллу. Потому я так горячо люблю ее!

В эту минуту дверь из гостиной отворилась, и на пороге появилась Барбара. Выслушав просьбу молодого виконта, она пожала ему руку и позволила Люси выехать со своим женихом не иначе как в сопровождении кучера.

Спустя некоторое время миссис Карлайль уехала на морские купанья, а леди Изабелла окончательно слегла в постель. Бедная Изабелла! Она осталась в Ист-Линне только ради своих детей, так как Барбара обещала оставить их на ее попечение. Но ввиду болезни гувернантки Карлайль отослал их к мисс Корнелии. И она простилась, простилась навсегда со своими детьми.

Было чудесное, светлое утро. Изабелла лежала в постели. Возле нее стояла Джойс. Добрая служанка усердно ухаживала за своей прежней госпожой, когда-то веселой и счастливой, а теперь исхудавшей и умирающей женщиной. Больная с трудом переводила дыхание; прерывистый кашель изредка потрясал ее больную, измученную грудь.

Чтобы освежить воздух в комнате, Джойс открыла окно. Вдруг на песчаной дорожке в саду послышались чьи-то шаги. Изабелла, сделав над собой усилие, приподнялась на постели. О, она узнала его шаги. Это был Карлайль.

— Джойс! — воскликнула умирающая с отчаянием. — Это он! Джойс, я не могу умереть, не увидевшись с ним... Джойс... скажите ему, чтобы он ко мне пришел.

— Вы говорите о мистере Карлайле, миледи?

— Мне остается жить всего несколько минут... Но я не умру, не повидавшись с ним. Я так долго желала этого! О, Джойс! Не откажите мне, умоляю вас!

— Миледи... я не могу исполнить того, о чем вы меня просите. Это невозможно.

Горячие слезы струились по исхудалым щекам Изабеллы.

— Джойс, — произнесла она умоляющим голосом, — мое сердце перестанет биться только тогда, когда я его увижу. Джойс, сделайте то, о чем я прошу вас. Я хочу видеть своего мужа.

Ее мужа! Несчастное создание! Наступила минута молчания; затем послышался стук в дверь. Приоткрыв дверь и увидев перед собой мисс Карлайль, Джойс побледнела от ужаса.

— Не входите сюда, — пробормотала она, встав в полуотворенной двери.

— Кто посмеет запретить мне войти? — холодно спросила мисс Карлайль. — Прошу посторониться, Джойс.

Джойс поняла, что бесполезно настаивать, и пропустила мисс Карлайль, а сама в страхе убежала в другую комнату.

О! Теперь уже ни к чему было обманывать себя и других. И леди Изабелла лежала неподвижно, откинув голову на подушку. Она уже не скрывала глаз за зелеными очками, не прятала исхудалый стан под безобразными и бесформенными одеждами.

Это была она, дочь лорда Моунт-Сиверна, и хотя лицо ее страшно изменилось, а волосы поседели, Изабеллу все-таки можно было узнать. Ее потускневшие, грустные глаза были теми самыми глазами, в которых когда-то светилось столько детской простоты и невинности.

— Боже праведный! — воскликнула мисс Карлайль, с ужасом отскакивая от постели.

В прошлом сходство миссис Вин с покойной леди Изабеллой поразило мисс Карлайль, но она очень скоро оставила эту мысль.

— Как вы могли решиться поступить в этот дом гувернанткой? — наконец спросила Корнелия, собравшись с духом.

Леди Изабелла скрестила на груди свои бледные руки.

— Пощадите! Пощадите меня! — простонала она. — Я пришла сюда ради детей, я хотела увидеться с ними... я не могла больше жить с ними в разлуке. О! Простите меня, Корнелия, я умираю... Я иду к Богу, который судит и карает всех!

— Я вас от души прощаю!

— Благодарю, благодарю вас! — продолжала бедная женщина. — Я умру спокойнее. Я надеюсь на милость Спасителя, ведь Он пришел в мир не для того, чтобы спасти таких праведниц, как вы, но для того, чтобы спасти грешников, как я.

«Таких праведниц, как вы!» — эти слова, произнесенные тихим торжественным голосом, проникли прямо в сердце Корнелии, пробудив в нем мучительные укоры совести.

— Дитя мое, — произнесла она ласковым голосом, — можете ли вы в чем-нибудь упрекнуть меня? Не способствовала ли я каким-нибудь образом... вашему бегству?

— Нет, — ответила Изабелла, печально качая головой, — нет, я одна виновата. Вы вовсе не виноваты в том, что я ушла из дома. Вы меня прощаете, не правда ли?

— Прощаю вас?! О да, я прощаю вас, бедное создание, — сказала Корнелия глубоко взволнованным голосом и крепко сжала в своих руках похудевшие руки умирающей. — Я могла, я должна была постараться сделать вашу жизнь более спокойной и приятной, и я очень сожалею, что не сделала этого. С тех пор я жестоко себя упрекаю за прошлое.

Леди Изабелла привлекла ее к себе, прижала к своему сердцу и прошептала:

— А где Арчибальд? Мне необходимо его увидеть! Необходимо услышать его голос и узнать, что он меня прощает! О! Не откажите мне в моей просьбе! Вы видите, я умираю, мне остается несколько минут. Позвольте мне провести их вместе с ним! Корнелия, Корнелия, скажите ему, чтобы он пришел ко мне!

Мисс Карлайль кивнула и поспешно выбежала из комнаты.

— Разве миссис Вин хуже? — боязливо спросил Карлайль, взглянув на растерянное лицо сестры. — Могу ли я войти к ней?

— Да, иди. Я сама пришла за тобой.

В эту минуту в кабинет Карлайля вбежала Джойс.

— О, господин! Подождите! — закричала она. — Подождите минутку! Нужно приготовить вас к этой неожиданности!

Карлайль изумленно смотрел то на сестру, то на Джойс. Мисс Карлайль, всегда такая твердая, равнодушная и суровая, с трудом скрывала свое волнение. Джойс была смущена не меньше. Карлайль, поняв, что от них не добиться разъяснений, нахмурил брови и направился в комнату больной. Джойс и мисс Карлайль остались в коридоре на площадке.

Карлайль подошел прямо к постели, желая сказать несколько утешительных слов.

— Миссис Вин, меня очень огорчает...

Вдруг он остановился, изумленный, растерявшийся, опустил руки и задрожал всем телом. Кто это? Кто лежит перед ним в постели? Привидение... нет, тень — тень Изабеллы! Вне себя от ужаса, он сделал несколько шагов назад.

— Арчибальд! — простонала умирающая, протягивая к нему руки. — Не уходи! Останься, останься на одну минуту! Поговори со мной, скажи мне, что ты меня прощаешь, и я умру счастливее.

— Изабелла, — пробормотал он, не понимая, что говорит. — Изабелла... разве ты была миссис Вин?

— Да, сжался над моими страданиями! Я воспользовалась тем, что меня считали погибшей, чтобы поселиться здесь, под этой кровлей... О, прости меня!

Карлайль не знал, что и думать. Голова его горела.

— Я не могла больше жить вдали от тебя... вдали от моих детей... мое сердце разрывалось от боли... я сходила с ума! С тех пор как я имела слабость покинуть тебя, я не знала ни минуты покоя. Угрызения совести неотступно преследовали меня с того рокового часа, как я переступила порог этого жилища. Вот, посмотри, Арчибальд, посмотри, — прибавила она в лихорадочном бреду, — вот что сделало угрызение совести, — и она указала ему на свои безжизненные руки, на свои поседевшие волосы. — Я страдала, насколько возможно страдать!

— Почему ты убежала? — спросил Карлайль спокойным, почти строгим голосом.

— Как! Неужели ты до сих пор этого не понял?.. Так знай же, я покинула тебя только потому, что слишком любила.

Карлайль вздрогнул. Недоверчивая и даже презрительная улыбка мелькнула на его губах.

— О! Не смотри на меня так, — продолжала несчастная женщина. — Ты видишь — силы мне изменяют, но я хочу убедить тебя. Я нежно любила тебя, я любила тебя до безумия, и это меня погубило. Я ревновала тебя. Я думала, что ты изменил мне, что ты отдал свое сердце другой... И тогда, руководимая одной только ревностью, прислушиваясь к голосу одного только недоверия, я сдалась... я поверила обещаниям этого низкого человека, его признаниям в любви — и он указал мне средство отомстить тебе. Но подозрения мои были несправедливы и безосновательны, не правда ли?

Карлайль стоял возле постели Изабеллы.

— О, ответь мне! — взмолилась она. — Я несправедливо подозревала тебя?

— Как ты можешь у меня это спрашивать? Ты слишком хорошо знала меня, Изабелла.

— Я была как безумная, Арчибальд! Но можешь ли ты простить меня, забыть прошлое?

— Простить? Да, я тебя прощаю, но я не в силах забыть того, что было.

— О! Не говори этого! Обещай мне забыть прошлое, — продолжала она, и по ее впалым щекам текли горячие слезы. — Помни только те дни, когда ты встретил меня здесь, в этом замке, при жизни моего отца, — молодой, невинной девушкой. Помни меня как Изабеллу Вэн. О, Арчибальд! Помнишь ли ты то благословенное время? Помнишь ли, с какой безмерной нежностью ты утешал меня, когда умер мой отец? А

помнишь ли, как ты положил банковский билет на колени бедной сироты? И как ты приехал в Марлинг? А твой первый поцелуй? О, Арчибальд, помнишь, как мы с тобой обвенчались и как нам весело и отрадно жилось вместе? Потом у нас родилась маленькая Изабелла! Я заболела... и помнишь, как горячо ты благодарил Господа, когда я начала выздоравливать?..

Да, да, все это он отлично помнил! И сердце его разбилось бы, если бы он ответил на все эти вопросы. Одну руку он крепко прижал к сердцу, как бы желая унять его биение, а другой машинально перебирал длинные и сухие пальцы умирающей.

— Можешь ли ты в чем-нибудь упрекнуть меня? — спросил он кротко.

— Упрекнуть! — повторила она. — Упрекнуть тебя, который окружал меня самыми нежными ласками и заботой! О! Как только я подумаю о высоте твоей души, о твоём добром сердце, мне становится стыдно смотреть тебе в лицо. О, как жестоко я раскаиваюсь в своей ошибке! Подумай, чего мне стоило решиться приехать сюда, под эту кровлю! Подумай, насколько тяжело мне было видеть, как ты окружаешь свою жену той любовью, которая когда-то принадлежала мне одной... Да, я еще горячее полюбила тебя с тех пор, как потеряла на это всякое право. Чего только не перенесла я! Подумай, как изнывало мое сердце при виде страданий Уильяма, когда я стояла вместе с тобой возле постели умирающего ребенка и не смела крикнуть: «Дитя мое!» А когда малютка умер, ты утешал свою жену, между тем как я не смела облегчить свое истинное материнское горе даже слезами. Как жестоко поразило меня наказание Божье!..

— Что заставило тебя вернуться сюда?

— Я уже говорила: моя любовь к тебе и к детям.

— Это было дурно, очень дурно, Изабелла!

— Да, я знаю! Но ты видишь, как жестоко покарало меня небо за мою ошибку! Я хотела уйти отсюда, чтобы умереть в другом месте, но смерть неожиданно настигла меня здесь. Да, это было дурно! Быть может, то, что мы сейчас видимся, также дурно. Но ведь я... умираю... Мне остается прожить еще несколько... мгновений. Неужели кто-нибудь решится порицать это последнее прощание? Когда-то ты был моим мужем, Арчибальд, и мне хотелось бы умереть, унеся с собой в могилу твое прощание.

— Я уже простил тебя...

— Но не забыл, Арчибальд... И, быть может, никогда не забудешь? Я умираю, Арчибальд... Будь добр к нашим детям... и пусть твоя

привязанность к другим детям не вытеснит из твоего сердца должной любви к нашим!

— Разве я заслужил этот упрек, Изабелла? Разве я не так же нежно люблю Люси и Арчибальда, как любил прежде?

— О да! — простонала она. — Как ты любил прежде и как продолжал бы любить, если бы не мое недостойное поведение...

— Да, да! — Его голос невольно дрогнул.

— Арчибальд, послушай! Я скоро перейду в другой мир. Умоляю тебя... благослови меня... скажи мне одно... одно только слово любви... это меня... утешит. Это поможет мне умереть... спокойнее. Мое сердце жаждет этого. О, Арчибальд, моя душа не может без этого угаснуть!

Карлайль наклонился к ней, тихонько убрал несколько прядей волос со лба, и из глаз его брызнули слезы, которые он больше не в силах был сдерживать.

— Изабелла, — прошептал он, — ты разбила мне сердце, но да простит тебя Бог, как я теперь тебя прощаю!

— Прощай, — произнесла Изабелла. — Я верю, что ты простил меня, и умираю счастливее. Быть может, мы увидимся в лучшем мире, Арчибальд. Уильям сказал, что его ждет на небе мама, но он ошибся, мой милый ребенок уже там и ждет к себе свою маму.

Изабелла с трудом дышала. Крупные капли пота выступили на ее лице. Карлайль отер их своим платком.

— Прощай, Арчибальд! До свидания там, где мы когда-нибудь встретимся. Пусть память о бедной Изабелле сохранится в твоём сердце.

— Да... да... — прошептал он.

— Как! — воскликнула она, выпрямившись на постели. — Разве ты уходишь?

Она повернула к нему свое бледное лицо, порывисто схватила его руки и привлекла его к себе, а потом снова упала на постель. Карлайль несколько минут поддерживал ее, и голова его, отягченная горем, склонилась на подушку... и их губы встретились в последнем, прощальном поцелуе. Через несколько минут он вышел. К нему в кабинет явилась Корнелия.

— Что ты намереваешься делать? — спросила она, заметив, что он взялся за шляпу.

— Корнелия, ты, конечно, побудешь там, возле нее... А я иду послать телеграмму лорду Моунт-Сиверну. Все кончено... но это долг, который я желаю выполнить.

— Арчибальд! — проговорила Корнелия, устремляя на него кроткий взгляд. — Она умерла! С той самой минуты, как ты от нее вышел, она не

произнесла больше ни слова; душа ее тихо и мирно заснула, чтобы проснуться на небесах!

Глава XXII

И. М. В

Депеша, адресованная лорду Моунт-Сиверну, привела последнего в крайнее изумление. Его просили как можно скорее прибыть в Ист-Линн. Само собой разумеется, благородный лорд не верил собственным своим ушам, когда Карлайль поведал ему грустную историю.

— Право, я не понимаю... как же это могло случиться? Зачем же она сюда приехала? — восклицал он в недоумении. — Я просто теряю голову, Карлайль. Бедная женщина! Бедная моя Изабелла!

Голос почтенного лорда дрожал. Его добрые глаза наполнились слезами.

— Мы похороним ее как можно проще, чтобы не возбудить ни малейшего подозрения, — проговорил старый граф. — На мраморной плите нужно вырезать только буквы: И. В., а затем пометить день и час ее смерти.

— Да, И. М. В, — согласился Карлайль.

Вечером того же дня, когда похоронили леди Изабеллу, граф Моунт-Сиверн покинул замок, а спустя несколько часов приехала Барбара. Карлайль накануне послал ей письмо, сообщив о смерти гувернантки и объяснив, почему не приехал к ней в субботу согласно своему обещанию.

— Получив твое письмо, я решила немедленно вернуться домой, — воскликнула Барбара, обращаясь к мужу. — Как неожиданно умерла миссис Вин!

— Да, совершенно неожиданно, — произнес он задумчиво.

— Что с тобой, Арчибальд? Ты нездоров? — спросила она, заметив его бледность.

— Я должен сообщить тебе кое-что, Барбара. В субботу вечером Джойс вошла ко мне в кабинет и сообщила, что миссис Вин умирает. Я подумал, что мне необходимо пойти к ней. Я подошел к ее постели... Барбара, особа, лежавшая на смертном одре, была не миссис Вин.

— Как! Что ты хочешь сказать?

— Это была моя первая жена... это была Изабелла Вэн!

Барбара не могла произнести ни слова. Лицо ее покрылось яркой краской, затем вдруг сделалось смертельно-бледным; она с ужасом отступила на несколько шагов.

— Она не могла больше жить в разлуке с детьми, — продолжал

Карлайль, — и, воспользовавшись тем, что страдания состарили ее прежде времени, а несчастье на железной дороге исказило ее черты, приехала сюда.

Барбара стояла с опущенными глазами. Тягостная мысль волновала ее ум: она была женой еще женатого человека!

— И ты этого не знал? Ты не подозревал об этом? — прошептала она с усилием.

— Барбара, — произнес Карлайль, — как ты можешь задавать мне подобный вопрос?

— Забудь что я сказала, — воскликнула молодая женщина с отчаянием. — Я теряю рассудок!

Он подошел к ней, привлек к себе и с любовью прижал к своему сердцу.

— Я счел нужным сказать тебе всю правду, Барбара, а теперь постараемся забыть эту тягостную историю. Сделай все, что можешь, чтобы я позабыл это ужасное испытание.

— Да, Арчибальд, клянусь, я постараюсь своей любовью и преданностью прогнать всякое воспоминание о прошлом. Быть может, я не до конца исполняла свои обязанности по отношению к твоим детям. Быть может, я не любила их так, как должна была любить, но я постараюсь загладить свою вину.

— Благодарю тебя, благодарю, Барбара!.. Счастье на земле доступно только тем, кто умеет бороться со своими страстями, искоренять в себе дурные инстинкты и исполнять свои обязанности по отношению к людям и к Богу.